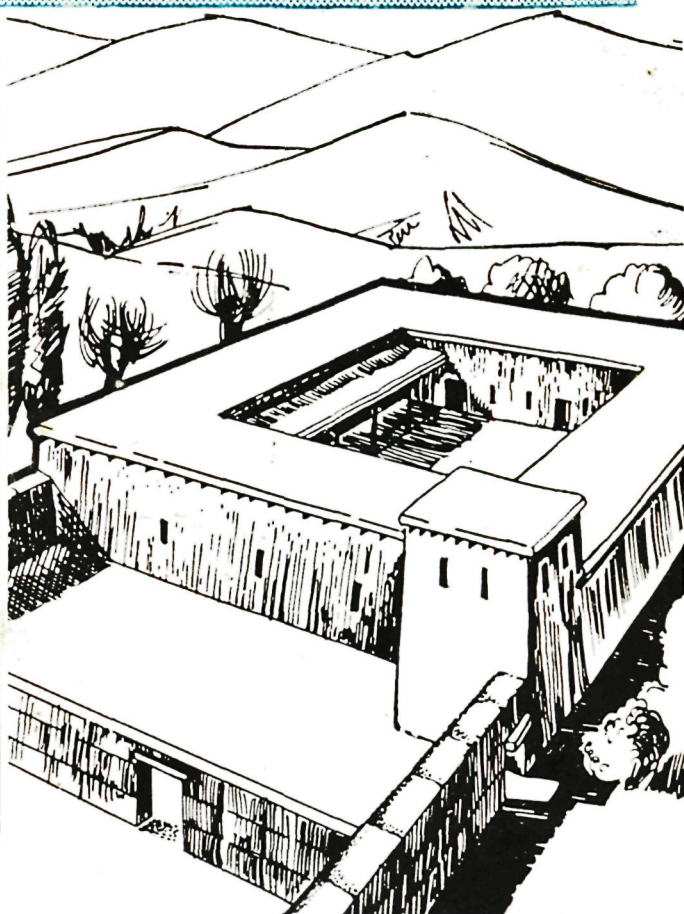
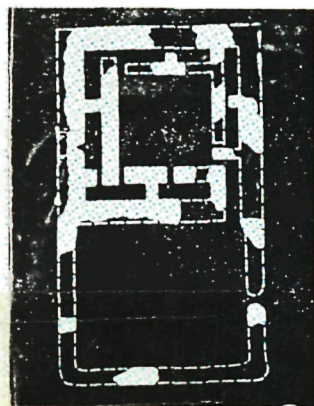
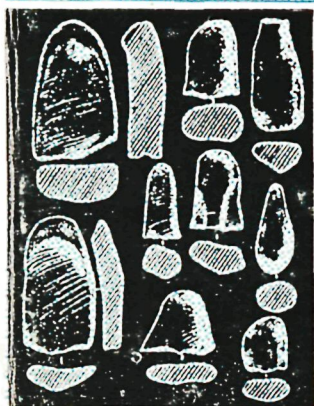

А.С. САГДУЛЛАЕВ

Усадьбы древней Бактрии

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР**

**ТАШКЕНТСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА**

А. С. САГДУЛЛАЕВ

УСАДЬБЫ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

**Ответственный редактор
академик АН УзССР Г. А. Пугаченкова**

ТАШКЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

1987

В монографии обобщаются результаты раскопок сельских домов-усадьб VII—IV вв. до н. э., в научный оборот вводятся археологические материалы по истории древней Бактрии, анализируются архитектура и материальная культура, приводятся данные об экономическом базисе оседлого населения региона, характеризуются социологические и историко-культурные процессы, протекавшие здесь в раннежелезном веке.

Для археологов, историков, искусствоведов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, а также всех интересующихся историей культуры Средней Азии.

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
Э. В. Ргвеладзе, Э. И. Усманова

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы археология древней Бактрии претерпела глубокие изменения и приобрела международное значение. Об этом свидетельствуют материалы крупных симпозиумов с участием советских и зарубежных специалистов, а также повышенный интерес исследователей к разработке и освещению проблем среднеазиатской археологии эпохи бронзы и раннего железа.

Основной вклад в изучение памятников Бактрии раннежелезного века внесли советские и французские археологи. Еще в конце 40-х — начале 50-х годов XX столетия в нижних слоях городища Бактры в Северном Афганистане и на поселении Калаи Мир в южном Таджикистане были открыты первые комплексы керамики середины I тыс. до н. э. (Schlumberger, 1957; Gardin, 1957; Дьяконов М. М., 1954).

К настоящему времени информация о древнеземледельческих поселениях Бактрии значительно расширена, здесь уже известно более 240 памятников первой половины I тыс. до н. э. Следует специально отметить исследования Советско-Афганской археологической экспедиции в Северном Афганистане (Кругликова, Сарияниди, 1976; Сарияниди, 1972; 1977), Узбекистанской искусствоведческой экспедиции и отрядов Института археологии АН УзССР в долине Сурхана (Пугаченкова, 1972; Ртвеладзе, 1973; 1976; Сагдуллаев, Хакимов, 1976; Альбаум, 1969; Дуке, 1974; Аскаров, Альбаум, 1979), а также работы Южнотаджикской археологической экспедиции в долинах Кафирнигана, Вахша, Кызылсу (Литвинский, 1967; Зеймаль Т. И., 1971; Абдуллаев, 1983) и сотрудников французской археологической делегации в северо-восточном Афганистане (Gardin, Lyonnet, 1978—1979; Francfort, 1981).

Широкие разведочные и стационарные исследования памятников Бактрии способствовали значительному изменению концепций в среднеазиатской археологии эпохи раннего железа. Резко возросший объем археологических сведений позволил разработать классификацию массового материала начала и середины I тыс.

до н. э. Данный процесс был основан на новых исследованиях большого числа оседлых поселений и на корреляции устойчивых стратиграфических колонок. Изучались топография, древние ирригационные сооружения, планировка и архитектура поселений, достаточно широко проводились сопоставления археологических материалов, ставился вопрос о развитии хозяйства и ремесла, изучались проблемы наследия в культуре и историко-культурного районирования (Сарианиди, 1972; 1977; Ртвеладзе, 1976; Аскаров, Альбаум, 1979; Пугаченкова, 1982).

История Бактрии раннежелезного века характеризует завершающую стадию процесса формирования здесь цивилизации, основанной на сельскохозяйственной экономике и специализированном ремесле, в условиях интенсификации межобластного обмена и торговли. Как доказал Ф. Энгельс, цивилизация связана с развитием классового общества и становлением высшего уровня политического института — государства (Соч., т. 21, с. 165—169). Основоположники марксизма-ленинизма показали огромную революционизирующую роль производительных сил в системе общественных отношений. В. И. Ленин указывал: «Когда появились классы, везде и всегда вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт — государство» (ПСС, т. 39, с. 74).

Хронология раннежелезного века Средней Азии, принятая в археологической литературе в пределах IX—VIII вв. до н. э., была предварительной без учета уровня технологии производства, фиксации широкого распространения изделий из нового металла и поэтапного внедрения его в ремесло среднеазиатских областей, удаленных на значительное расстояние от места зарождения железоделательного производства (Массон В. М., 1959, с. 106, 108). Но и в современных исследованиях, где начало железного века в Средней Азии относят к X—VIII вв. до н. э. (Заднепровский, 1978, с. 32) или к IX в. до н. э. (Сарианиди, Кошеленко, 1985, с. 180), подобная интерпретация вопроса является очевидно традиционной, без должной оценки приемлемости указанной хронологии. Даже в первоначальных очагах Западной Азии индустрия железа становится основой ремесленного производства лишь к концу первой трети I тыс. до н. э., а в Египте систематическое производство железных изделий отсутствовало вплоть до VII в. до н. э. (Арешян, 1975, с. 91; 1975 а, с. 17).

Анализ новых археологических материалов и систематизация уже известной информации показали актуальную необходимость пересмотра прежних концепций и конкретного уточнения вопроса о периодизации и хронологии раннежелезного века Средней Азии. Все это позволило выделить переходный период к железному веку — X—VIII вв. до н. э., связанный с исторически объективным процессом (производство железных изделий начинается здесь не сразу) и собственно раннежелезный век — VII—IV вв. до н. э. (Сагдуллаев, 1982). Такой подход обусловлен характером и хро-

нологией археологического материала, а также состоянием изученности самой проблемы. К аналогичным выводам пришли и другие исследователи (Рузанов, 1983).

Вместе с тем оправданным является подход, когда для обобщения принципиально важных вопросов истории Средней Азии используются как археологические данные собственно раннежелезного века, так и материалы переходного к железному веку периода, тесно взаимосвязанные и отражающие различные аспекты историко-культурного процесса.

Внедрение железа в металлургию Бактрии привело к дальнейшей дифференциации видов специализированного ремесла и строительства, а также к различным нововведениям в земледельческом хозяйстве и к становлению городов раннежелезного века.

Когда идет речь о городах или городских поселениях юга Средней Азии раннежелезного века, то чаще всего дается оценка городов ахеменидского времени, известных и по письменным источникам (Бактры, Мараканды). Источниковедческий анализ проблемы городов Бактрии и Согда данного периода поднят в последние 15 лет на новый уровень (Пьянков, 1970; 1972). Однако особенности формирования и эволюции городских поселений Бактрии исследованы недостаточно полно, актуальное значение приобретает и анализ взаимоотношений крупных центров и сельскохозяйственной округи.

Реконструкция археологической модели этих взаимоотношений затруднена рядом объективных факторов. Например, сельскохозяйственная округа таких древних городов, как Бактры и Мараканды-Афрасиаб фактически не сохранилась, либо древнейшие слои отдельных поселений погребены под мощными более поздними культурными пластами.

В археологических исследованиях особое значение имеют материалы жилищ и поселений, раскопанных на широких площадях или вскрытых полностью. Такие объекты содержат важные данные для изучения архитектурно-планировочных приемов, строительных материалов, техники и конструкций, производственно-бытового инвентаря и социально-экономической истории в целом. Анализ поселений и жилищ дает весьма ценные и разнообразные сведения для интерпретации историко-культурных процессов. Значение археологических фактов особенно возрастает для исторических периодов, не отраженных в письменных источниках или освещенных в них весьма отрывочно, например, для Средней Азии середины I тыс. до н. э., когда официальная письменная хроника впервые увековечила названия народностей и областей этого региона.

Если сведения о сельских поселениях и жилищах Средней Азии античного и средневекового времени уже достаточно обширны (Толстов, 1948; Пугаченкова, 1958; Кабанов, 1966; Пилипко, 1970; Неразик, 1976; 1978 и др.), то еще сравнительно недавно о типах, планировке и архитектуре поселений эпохи раннего желе-

за было здесь известно сравнительно немного. Но последние десятилетия ознаменовались успешными работами на поселениях эпохи бронзы и раннежелезного века. Они позволили ввести в научный оборот новый археологический материал, создавший солидный фактологический базис для постановки и решения ряда актуальных проблем древней истории и культуры.

К настоящему времени только в Приамударьинском бассейне юга Средней Азии полностью раскопано несколько небольших объектов раннежелезного века, заполнивших существенную лауну в истории изучения жилищ и поселений рассматриваемого периода.

В 1970—1971 гг. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция (УзИскЭ) начала раскопки поселений эпохи бронзы и раннежелезного века, расположенных в 9 км к северо-западу от райцентра Шурчи Сурхандарьинской области (Пугаченкова, 1972; Беляева, Хакимов, 1973; Сагдуллаев, Хакимов, 1976). В результате разведочных работ здесь удалось выявить разнотипные археологические объекты. Один из них — Кызылтепе — оказался многослойным, функционировавшим в пределах X—V вв. до н. э. (Сагдуллаев, 1978 а, с. 13). Археологические комплексы, полученные при широких раскопках Кызылтепе, позволили сделать вывод о формировании в VIII—VI вв. до н. э. на его месте крупного укрепленного центра типа зарождающегося или формирующегося города, общей площадью 22 га (Сагдуллаев, Хакимов, 1978). В районе Кызылтепе установлено местонахождение более десяти мелких поселений, названных нами Кызылча, которые составляли сельскохозяйственную округу этого крупного центра.

Раскопками, проведенными на Кызылчатепе 6 в 1974—1978 гг., изучена планировка и архитектура поселения. В сопоставлении с массовым археологическим материалом, обнаруженным здесь, эти данные можно использовать для некоторых социологических, экономических и демографических реконструкций. Предварительно было предложено считать Кызылча 6 поселением, по своей планировочной и функциональной структуре, представляющим особый тип — дом-усадьбу раннежелезного века (Сагдуллаев, 1978 а, 1980, 1981). В 1980 г. проводились раскопки другой усадьбы — Кызылчатепе 1, где получены аналогичные Кызылчатепе 6 археологические материалы.

Раскопки вышеназванных объектов имеют актуальное значение, если учесть, что до сих пор в Средней Азии достаточно изученной являлась лишь сельская усадьба — Дингильдже, датированная V в. до н. э. (Воробьева, 1973). До работ, проведенных УзИскЭ, более ранние дома-усадьбы раннежелезного века оставались не раскопанными, хотя они были зафиксированы и кратко описаны на юге и юго-западе Туркмении (Марущенко, 1959; Масон, 1959; Атагарриев, Лисицына, 1970, с. 180).

Одновременно с раскопками Кызылчатепе, в долине Сурхана, в бассейне Балхаба были изучены близкие по времени и плани-

ровке объекты. Полностью раскопанные в Северном Афганистане небольшие памятники середины I тыс. до н. э. интерпретируются как культовые и дворцовые здания (Сарианиди, 1977). Назначение поселения Пшактепе в долине Сурхана пока не ясно (Дуке, 1974). По предварительным публикациям можно судить, что оно, видимо, не было жилым (Аскаров, Аминов, 1979).

Более древним, чем Кызылчатеpe I и 6 является Кучуктепе, строения которого определяются авторами раскопок как «дом родового вождя», «военно-административный и культовый центр» (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 3, 30). Таким образом, данные о земледельческих усадьбах раннежелезного века юга Средней Азии весьма немногочисленны. Даже в рамках одной области Сурхандарьи они изучены неравномерно.

Благодаря работам УзИскЭ и экспедиций Института археологии АН УзССР в Южном Узбекистане возникла благоприятная ситуация для характеристики генезиса поселений от эпохи бронзы до античного времени. Такие разновременные поселения, как Сапалли, Кучуктепе, Кызылчатеpe 6 и другие отражают различные периоды развития древней планировки и архитектуры долины Сурхана. Их изучение открывает надежную информационную основу для воссоздания истории жилищ раннежелезного века, архитектурно-планировочные каноны которых получают дальнейшую разработку в эпоху античности и средневековья — в пору особого подъема и совершенствования строительной техники. Все это самым тесным образом связывается с проблемой традиций и новшеств в эволюции этнокультурных и социально-экономических связей.

Широко опубликованные археологические комплексы долины Сурхана рассматриваемого времени значительно облегчили процесс обобщения материалов Кызылчатеpe. Приступая к работе, автор прежде всего преследовал цель ввести в научный оборот новые данные, а также показать место и значение комплексов Кызылча в историко-культурных процессах, протекавших на юге Узбекистана в раннежелезном веке.

Топография и стратиграфия. Поселения типа Кызылча расположены в Миршадинском культурно-хозяйственном районе-оазисе, представляющем собой узкую долину шириной до 1,5 км, образованную руслами Кызылджарсая, Кызылсу и Джоильмасая (рис. 1), ограниченную с востока и юго-запада естественными лессовыми всхолмлениями.

Здесь обследованы 18 поселений эпохи поздней бронзы и раннежелезного века. Древнейшие из них — Муллалитепе, Кызылджартепе и Кызылсутепе находятся в северо-западной части оазиса, тогда как основная часть поселений расположена в 2—2,5 км к югу от названной группы в низовьях саев. Одно из них — Буйрачитепе I сформировалось в эпоху бронзы, но в последующее время обживалось не на всей площади, достигавшей некогда 10 га (Сагдуллаев, 1978 б). К началу I тыс. до н. э. относится

зарождение Буйрачи 2 в 1,5 га и Кызылтепе (рис. 1—12, 13, 14; рис. 2).

Дома-усадыбы образуют три компактные группы. Первая находится в 500 м к западу от цитадели Кызылтепе — это Кызылча 6, 7, 8, вторая — Кызылча 1, 2, 3, 4 — расположена в 250 м к востоку от Кызылтепе, третья — Кызылча 9, 10, 11 — в 550 м в том же направлении и наконец Кызылча 5 расположена на левом берегу Кызылджара (рис. 1). Многие из них полностью разрушены. Не исключено, что в древности здесь было гораздо больше усадеб. Во многих местах на площади 400—600 м² собраны фрагменты керамики и каменных орудий труда. На функционирование древних поселений указывают также культурные слои в обрывах речных берегов, достигающие мощности 1,5—2 м.

Поселения Миршадинского культурно-хозяйственного района заброшены в V—IV вв. до н. э. Некоторые из них обживались в античный период, о чем свидетельствуют сырцовые забутовки древних помещений, поздние очажные пятна, хозяйственные ямы и производственно-бытовой инвентарь. На месте бывших усадеб устраивались также позднесредневековые землянки. Однако после V—IV вв. до н. э. и до XVIII—XIX вв. древний район интенсивно не обживался.

Уже с эпохи бронзы земли орошались здесь небольшими арыками и каналами, выводившимися из саев. Сами поселения располагались непосредственно на берегу речных протоков. В настоящее время район является зоной интенсивного орошения, поэтому древняя ирригационная система разрушена и прослеживается недостаточно четко. Руслу каналов раннежелезного века отмечаются между поселениями Буйрачи 2 и Кызылча 6, 7, а также северо-западнее Кызылтепе (рис. 1).

Площади орошаемых земель в древности достигали в данном районе более 240 га. Из них в междуречье Кызылсу и Джоильма — до 65 га, в округе Кызылтепе — более 85 га и на правобережье Кызылджарская — 90 га. Однако целинные земли в целом по району составляли значительные показатели. На различных исторических этапах, в зависимости от уровня развития производительных сил, численности населения и его размещения, для земледелия использовали соответствующие возможностям коллектива участки. Большую роль в этом играл водный режим саев, позволявший орошать те или иные площади.

Как показывает топография поселений, древнее население размещалось в районе вдоль узкой прибрежной полосы саев. В эпоху поздней бронзы осваивалась территория протяженностью 2,5 км, окруженная обширными неосвоенными пространствами. В раннежелезном веке площадь Миршадинского оазиса не превышала 2,5 км². Его границы определялись площадями поселений, ирригационной системой, орошаемыми землями и прилегающими к ним пастбищами. Следует учесть также наличие внутри оазиса неводеланных земель — дорог, пустырей участков, заня-

тых сезонными строениями и т. д. В целом этот район представляет компактную зону расселения, территория которого на протяжении длительного времени интенсивно использовалась в хозяйственном отношении.

В настоящее время, как и в древности, население района размещается вдоль берега саев. Площадь современного оазиса достигает 8—10 км². В его составе — четыре крупных кишлака. Все пригодные для земледелия участки орошены сетью арыков и каналов. Обширные всхолмления предгорных плато используются в целях животноводства и бахчевого земледелия.

Усадьбы Кызылча до раскопок представляли собой подпрямоугольные в плане бугры высотой 1—3 м, размерами 45×25, 35×24, 36×15 м (рис. 1), на поверхности которых отмечены скопления фрагментов керамики середины I тыс. до н. э. Наиболее хорошо сохранился бугор Кызылча 6, размерами 50×32 м, высотой 1,5—3 м.

Еще до широкого вскрытия Кызылчатепе 6 стратиграфическими шурфами, заложенными здесь, установлено наличие четырех строительных горизонтов, образовавших культурный слой мощностью 3 м.

На глубине 3 м от дневной поверхности залегает культурный слой в 0,3 м с грубой лепной керамикой. Строительные остатки в нем не обнаружены.

Строительный горизонт I (рис. 2). Уровень пола и стены помещений из сырцового кирпича 40×20×12, 41×24×13 см покоятся на глубине 2,6 м от поверхности. Культурный слой включает фрагменты лепной и станковой керамики, каменные орудия, угольки и золу. Местами отмечаются строительные завалы.

Строительный горизонт II имеет два уровня пола на глубине 2—1,75 м от дневной поверхности. На верхнем — мощные горелые наслоения толщиной 20—25 см с золой и угольками сгоревшего дерева, обожженными докрасна кусками глины и сырцовых кирпичей. Сильно обожжены и стены из сырцового кирпича 43×25×11 см, разрушенные в ряде мест. Напластования этого горизонта составляет завал из разрушенных стен (рис. 2).

Строительный горизонт III. Уровень пола залегает на глубине 1,25 м от дневной поверхности. Стены выложены из сырцового кирпича 42×28×9, 41×28×12, 37×25×10 см. В помещениях обнаружено большое количество фрагментов хозяйственно-бытовых сосудов и каменных орудий труда.

Строительный горизонт IV (СГ I—IV). Два утрамбованных уровня пола залегают на глубине 0,3—0,7 м от поверхности. На верхнем — горелые наслоения толщиной до 15 см. Размеры сырцового кирпича в стенах 38×24×10, 36×24×8 см. Помещения СГ IV от пола забутованы кирпичом 33×23×10, 32×24×10 см, свидетельствующим о существовании после упадка усадьбы СГ V, однако стены его не выявлены. О позднем обживании усадьбы говорят также очажные пятна, отмеченные под дерновым слоем,

следы разрушенных строений на территории внутреннего двора и хозяйственные ямы, вырытые на гребне древних стен.

Архитектура СГ IV значительно разрушена. Культурный слой местами нарушен и размыт, поэтому на отдельных участках он не превышает мощности 20—40 см (рис. 2). Горелые слои на полу СГ IV — угольки, зола, пепел, обожженные уровни или покрытые копотью фрагменты керамики и каменных орудий труда — свидетельствуют о пожаре на последних этапах обживания усадьбы. Аналогичное явление, как указывалось, отмечено и для СГ II. Таким образом, обитатели усадьбы пережили пожар дважды. Причем особенно четко следы этих, во многом не ясных еще событий, проявляются в стратиграфии СГ II, где горелые слои выявлены на площади помещений и дворов, а также в 30—50 м к востоку от усадьбы в разрезе оврагов, на протяжении до 25 м. Видимо, горела не только усадьба, но и ее округа.

Обнаруженные в шурфах уровни полов и стены помещений представляли разновременные строительные горизонты, что отчетливо проявлялось по глубине их залегания, по характеру культурных образований, по следам ремонтов и перестроек или размеров сырового кирпича, а также по комплексу производственно-бытового инвентаря, хронологически относящегося к различным этапам обживания усадьбы.

СГ I и II, а также подстилающие их напластования с грубой лепной посудой составляют нижний культурный слой мощностью 1,6 м. СГ III и IV относятся к верхнему слою мощностью 1,4 м. В целом общая толща культурных отложений Кызылча 6 в 3 м — показатель для мелких поселений очень большой и, скорее всего, свидетельствует не только об интенсивной строительной деятельности, но и длительном обживании усадьбы.

По стратиграфическим данным, на Кызылча 6 выделяются четыре разновременных археологических комплекса. По эталонной для района стратиграфической шкале Кызылтепе (Сагдуллаев, 1978 а, с. 10—13) первый комплекс представлен грубой лепной посудой типа Кызыл I. Второй — СГ I и II — инвентарем типа Кызыл II, третий — СГ III — археологическим материалом типа Кызыл III и четвертый — СГ IV — комплексом типа Кызыл IV, который на Кызылтепе проявлялся недостаточно четко.

Характеристика керамических комплексов Кызылтепе, выделенных по последовательной смене строительных горизонтов, следующая:

Кызыл I. Керамика до 97% лепная. По качественным признакам — грубая лепка ленточным способом или на матерчатом шаблоне, примесь песка в тесте, слабый обжиг, ангоб светло-желтый и редко красный. Основные формы — сфероидные, полусферические, конические и цилиндрические типа хумча, горшков, котлов, жаровен, чаш, мисок и тагара.

Кызыл II. Уже в переходных слоях от Кызыл I к Кызыл II преобладает станковая посуда (до 70%), количество которой

постепенно увеличивается. Наиболее характерные формы — цилиндрикониические хумы и хумча с резко выраженным крючкообразным венчиком, цилиндрикониические чаши и миски с плавным почти округлым ребром, а также объемные конические и полу-

Т а б л и ц а 1

(по Альбауму, 1969; Ртвеладзе, 1975; Сагдуллаеву, 1978)

Район-оазис	Памятники	Год открытия	Площадь, га
Уланбулаксайский	Кучуктепе	1962	0,5
	Бешкутан	1969	0,2
	Дабиль Курган	1969	0,2
	Пшактепе	1973	0,2
Шерабадский	Талашкан 1	1972	1,6
	Джандавлят	1972	5,0
	Пашмактепе	1972	0,1
	Безымянное	1973	0,5
	Джаркутан	1973	2,0
Бандыханский (Ургюльсайский)	Бандыхан 1	1973	1,6
	Бандыхан 2	1973	14
	Газимулла	1973	10
Миршадинский (Халкаджарский)	Безымянное	1970	1,0
	Буйраги 1	1974	2,0
	Буйраги 2	1974	1,5
	Кызылтепе	1971	22
	Кызылча 1	1973	0,12
	Кызылча 2	1974	0,08
	Кызылча 3	1973	0,04
	Кызылча 4	1974	0,15
	Кызылча 5	1974	0,15
	Кызылча 6	1973	0,17
	Кызылча 7	1976	
	Кызылча 8	1976	
	Кызылча 9	1973	
	Кызылча 10	1973	
	Кызылча 11	1973	
Халкаджарский	Каратепе	1977	0,5
	Чоргуль	1977	1,0
Сангардак-Тупалангский (Вахшуварский)	Сартепе	1977	1,0
	Обишир	1977	3,0
	Шерабадтепе	1978	1,0
Среднесурханский	Бандыхансай	1976	1,0
	Хаитабад	1976	
Нижнесурханский (Приамударьинский)	Термез	1984	
	Шортепе	1985	

сферические сосуды. Некоторые станковые формы имеют расписной геометрический орнамент.

Кызыл III. Характерна посуда со светло-желтым ангобом. Исчезает станковая расписная посуда типа Кызыл II и крючкообразный профиль венчика у крупных тарных сосудов, который ста-

новится валикообразным или подтреугольным. Размеры цилиндрической посуды варьируются от мелких чаш и кубков высотой 6—10 см до хумов высотой 1—1,2 м. Очень много банок и чаш с острым ребром на цилиндрическом тулове и низкой конической донной частью.

Археологический материал, обнаруженный на Кызылча 6, значительно дополняет охарактеризованные выше керамические комплексы Кызылтапе.

В заключение отметим, что до 1986 г. в долине Сурхана было открыто 36 памятников первой половины I тыс. до н. э. Из них 28 поселений обнаружено сотрудниками УзИскЭ, 8 памятников — археологическими отрядами Института археологии АН УзССР.

Оседлые поселения концентрируются в отдельных районах-сазисах, расположенных в Кугитангтау — Байсунской подгорной аллювиально-пролювиальной равнине. Поселения находятся непосредственно у русла рек — саев или на незначительном удалении от берега, чаще группами, явно связанными с общим источником водопользования.

Районирование поселений долины Сурхана эпохи раннего железа показывает сложные процессы освоения территорий земледельцами и эволюцию границ оседлого расселения, которые не были постоянными и расширялись по мере освоения новых земель (Ртвеладзе, 1975; Сагдуллаев, 1984 а).

Для переходного периода к раннежелезному веку (Кызыл I) характерно освоение пяти районов-оазисов — Уланбулаксайского, Шерабадского, Бандыханского, Миршадинского и Вахшуварского (или Сангардак-Тупалангского). Оседлых поселений этого времени восемь.

Четыре вышеназванных района (кроме Вахшуварского) интенсивно обживались в раннежелезном веке. Для периода Кызыл II известно 14 поселений.

Период Кызыл III характеризуется резким расширением освоенных территорий и формированием новых оседлых зон расселения. Всего для VI—IV вв. до н. э. в долине Сурхана установлено наличие 8 оседлоземледельческих районов и 30 поселений (рис. 3).

Общие сведения о поселениях рассматриваемой области приведены в таблице 1.

АРХИТЕКТУРА

Усадьба Кызылча 6 состоит из хозяйственно-жилого комплекса и прилегающего к нему с юга внешнего двора (рис. 4, 5). Изменения в застройке происходили внутри этого пространства за счет ремонтов, перестроек, уменьшения либо увеличения площадей помещений и внешнего двора.

Здание в северной части Кызылча 6 имеет квадратную планировку. Прямоугольные в плане помещения расположены вокруг внутреннего двора по периметру внешней стены, толщина которой

достигает 3 м. Размеры двора на разных строительных этапах колебались от $16 \times 16,2$ до $16,5 \times 16,5$ м. Постройки связаны с двором проходами шириной 0,6—0,8—1,2 м. Толщина стен — от 0,8 до 1,2 м.

Внутренние стены не всегда параллельны внешним. Это особенно характерно для помещений СГ III. Строгий квадратный план жилой комплекс усадьбы имел на уровне СГ I, II и IV. Основной проход в дом устроен в его юго-восточном углу. На различных этапах он представлял собой коридорообразное помещение шириной от 2 до 2,5 м.

Западная сторона внутреннего двора имела перекрытие айванного типа. Ямы от опорных столбов хорошо фиксируются для СГ IV. Всего обнаружено шесть ям. Они круглые, диаметром до 30 см, либо прямоугольные 30×15 —20 см и устроены в два параллельных ряда. Опорные столбы были удалены от стен западной половины дома на 1,5 м, от южной — на 2,4 м, от северной — на 4,5 м. Крытая галерея устроена в наиболее солнечной стороне двора.

Строительный горизонт I. Первоначально усадьба представляла собой квадратный в плане дом площадью 30×30 м (рис. 4, а). Кроме входного помещения в юго-восточном углу в обводе двора было устроено еще восемь коридорообразных комнат — по две в каждой стороне дома. Они изолированы друг от друга, но связаны с двором отдельными проходами. Застройка комплекса осуществлена так, что помещения западной и восточной частей, находящихся друг против друга, близки по размерам. Почти все помещения продолговатые, длиной 5—9—11,2, шириной от 2,3 до 2,7 м.

Помещение 1 расположено в северо-западном углу дома. Пол утрамбован и обмазан глино-саманным раствором. Стены без штукатурки. На полу отмечается скопление фрагментов крупных хозяйственных сосудов, а также найдены два каменных серповидных ножа и обломки зернотерок.

Культурный слой помещения 4 включает рыхлую землю с золой, угольками, костями животных и фрагментами керамики.

У западных стен отмечены очажные пятна и пахсовая очажная перегородка. В небольших ямках, углубленных в пол, скопилось зола. Поверхность пола вокруг очажных пятен сильно утрамбована. В помещении обнаружено 814 фрагментов керамики. Многие из них с внешней стороны закопчены и, видимо, являются частями сосудов, предназначенных для приготовления пищи. Стены помещения неоднократно покрывались штукатуркой, толщина которой — 8—10 см.

Поверхность пола помещения 8 с пятнами зеленоватого цвета, характерного для органических разложений, скорее всего — пищевых. На это указывает и большое число костей животных, втопанных в пол. Среди керамических находок преобладают фрагменты кухонно-столовой посуды.

Помещение 5 (11,2×2,3 м) находится в центре западной половины дома. Стены сохранились на высоту до 0,6 м. Вдоль восточной и северной стен прослеживаются остатки разрушенной сырцовый кладки, видимо, суфы. Основание кладки совпадает с уровнем пола.

Пол перекрывают строительные завалы и рыхлые прослойки с фрагментами керамики и каменных орудий труда. Обмазка пола толщиной до 12 см покрыта истлевшими циновками из камыша, следы которой выявлены и на сырцовый кладке суфы.

В заполнении прохода — глинистый грунт с наносным песком и намывами. У входа обнаружены обугленные фрагменты деревянной конструкции, очевидно, от балки перекрытия. Стены помещения оштукатурены глиной с саманом. Установлено несколько наслоений обмазки, сильно размытых у прохода, устроенного рядом с проходом в помещении и напротив основного входа в дом.

Комната отапливалась открытым способом, горячими углями, о чем свидетельствуют две обожженные, углубленные в пол у западной внешней стены ямки диаметром до 40 см.

В помещении найдены однолезвийный бронзовый серп и двухперый втульчатый наконечник стрелы. Другие многочисленные находки представлены фрагментами керамики.

Культурный слой помещения 6 включает плотный строительный завал. Здесь обнаружены бронзовый двухперый втульчатый наконечник стрелы, три цилиндроконических хумча, обломки крупных хумов и фрагменты зернотерок. На дне некоторых сосудов отмечаются следы истлевших зерен, видимо, остатки сельскохозяйственных запасов, хранившихся здесь.

Помещение 9 (7,5×2,5 м) служило проходом во внутренний двор и жилой комплекс. Его глинобитный пол без обмазки. Помещение в центре перегорожено паховыми стенами толщиной 0,5 м, которые сужали проход до 0,8 м. Основной проход во двор, шириной 1,2 м, находился в северо-западном углу.

Стены без штукатурки. На их поверхности прослеживаются натеки. Основание стен над полом частично разрушено. В заполнении помещения — рыхлая земля с завалом; обнаружены многочисленные фрагменты керамики, две крупные зернотерки, ступка, пест и три каменных терочника. У западных стен скопилось мусорные отложения с костями животных.

Строительный горизонт II (рис. 4, б). В сравнении с предыдущим горизонтом планировка хозяйственно-жилого комплекса, особенно северная, южная и западная стороны дома, существенно не изменяется. В восточной части закладывается сырцовым кирпичом вход в помещение 8, из которого устраивается проход в помещение 4. На 0,6 м в длину увеличиваются размеры помещения 6 и уменьшается толщина стен между помещениями 4 и 8, 5 и 6. Основной проход в дом закладывается с юга сырцовый перегородкой, в которой устроена прямоугольная смотровая

шель. Вход располагается с западной стороны у угла внешней стены. Учитывая, что помещение 9 в центре перегорожено паховыми стенками, такое устройство основного прохода в дом, видимо, было обусловлено фортификационными приемами.

Стены СГ II надстроены над стенами СГ I и часто совпадают с ними по размерам и направлению. Приблизительное равенство соблюдается и в площади помещений.

Нижний уровень пола СГ II покоится на культурном слое СГ I. Верхний пол неровный из-за отложений на нем мощных горелых наслоений. Стены СГ II, сохранившиеся в высоту до 0,4—0,5 м, в большинстве помещений разрушены. Постройки на всей площади усадьбы заполнены завалом из разрушенных стен, который после утрамбовки послужил фундаментом для сырцовых стен СГ III.

Основные новшества в планировке СГ II связаны с устройством к югу от жилого комплекса двух внешних дворов, перегороженных стеной, размерами 30×10 м каждый (рис. 4). На их территории очень мало производственно-бытовых находок. Поверхность пола внешних дворов также имеет горелые наслоения — следы общего пожара в доме, — над которыми отложились мусорные и гумусированные наслоения. Здесь выявлены и натеchno-надувные прослойки. Лессовый уровень пола утрамбован и не имеет каких-либо следов обмазки.

Находки в помещениях СГ II — фрагменты керамики и каменных орудий труда, пряслица, поделки из стенок сосудов и камня. Довольно хорошо сохранились зернотерки, ступки, песты, терочники и серповидные ножи. Следует отметить также изделия из бронзы — обломок сосуда, гвоздь, мелкие предметы и двухперый втульчатый наконечник стрелы.

Строительный горизонт III (рис. 5, а). Изменения в планировке дома происходят за счет уменьшения площади внешнего двора до 300 м². Строения северной и южной частей усадьбы сохраняют прежние размеры, за исключением помещения в юго-восточном углу, которое разделяется стеной на две комнаты 8 и 9. Они связаны общим проходом. В восточной и западной сторонах дома число помещений увеличивается до трех. Этому способствовали сырцовые перегородки, сократившие площади помещений и разделившие их на отдельные части, связанные друг с другом общим проходом.

В ряде помещений появляются суфы из сырцового кирпича, а во внешних стенах прямоугольные и округлые вентиляционные отверстия. Интенсивно использовалась площадь внутреннего двора, где отмечены очаги и скопления керамики, а также каменных орудий труда.

В помещении 7 (8×2,5 м) толщина обмазки пола 10—12 см. Она включает рубленую солому — саман. В юго-западном углу помещения возводится паховая перегородка.

В строении, заполненном плотным завалом с кусками глины и сырцового кирпича, обнаружено большое количество керамики. Вдоль восточной стены располагались обломки шести разрушенных хумов. Фрагменты еще двух хумов обнаружены напротив прохода. Несколько таких сосудов стояли, видимо, и вдоль западной стены. Всего по сохранившимся донным частям, многочисленным обломкам тулова и венчиков можно заключить, что в помещении было не менее 15 крупных сосудов, употреблявшихся для хранения сельскохозяйственных продуктов.

Помещение 5 (5,2×2,4 м) находится в центре западной половины дома. Оно заполнено строительным завалом с рыхлыми прослойками земли. В нем обнаружены галечники — заготовки для каменных орудий со следами шлифовки и первичной обработки (19 экземпляров), а также 153 фрагмента керамики, 12 пряслиц и 27 керамических дисков, выточенных из стенок или дна сосудов.

Помещение связано с двором проходом. В северо-восточном углу находился хум, видимо, для питьевой воды.

Помещение 6 (5×2,4 м) расположено в юго-западном углу. Стены аккуратно обмазаны глиняной штукатуркой. Уровень пола ровный, с обмазкой толщиной до 12 см. На нем следы циновки и скопления фрагментов столовой посуды.

Помещение 2 (10,2×2,5 м) наиболее крупное в застройке СГ III. В стене, разделяющей помещения 1 и 2, а также во внешней обводной стене имеются прямоугольные и округлые вентиляционные отверстия. В центре комнаты отмечаются округлые очажные пятна. Находок здесь сравнительно немного. На полу следы истлевших циновок и зеленоватые органические прослойки.

В помещении 3 (5×2,6 м) пол утрамбован и обмазан глиной с песком. Стены оштукатурены. Напротив прохода обнаружен подпятник от двери. В центре помещения зафиксирована очажная ямка.

Из находок, собранных на полу, кроме фрагментов керамики встречены поделки из стенок сосудов типа керамических дисков.

Помещение 4 (8,2×2,8—2,3 м) находится в северо-восточном углу дома. Уровень пола неровный. Культурный слой включает плотный завал с кусками кирпича, забутовку из половинок кирпича, а также рыхлые прослойки земли с золой и угольками. На полу вдоль восточной стены в 1—1,2 м друг от друга очажные пятна. В пол втоптаны угольки, зола и кости животных. Особенно много здесь фрагментов кухонно-столовой посуды (975 экземпляров), среди которых выделяются лепные и станковые котлы. Многие фрагменты средних сосудов типа хумча и горшков имеют по внешней стороне следы копти. Возможно, они использовались для кипячения воды.

В северной части помещения 4 во внешней стене устроена овальная ниша глубиной до 0,6 м и максимальным диаметром

устья 1,5 м. Она заполнена рыхлым слоем с угольками. На основании ниши отмечаются прослойки пепла. Здесь найдены донная часть и фрагменты стенок цилиндрикоконической чаши с закопченными пятнами внутри. По сторонам ниши устроены два прямоугольных вытяжных дымовых отверстия, шириной до 15—20 см.

Уровень пола у стены под нишей утрамбован. На нем скопились угольки и зола. Здесь найдена округлая керамическая очажная подставка, на которой разжигался огонь либо содержались горячие угли из кухонных очагов. В северной части помещения на площади около $2,6 \times 1,4$ м зарегистрированы два кухонных очага с выгребной зольной ямой и много находок производственно-бытового инвентаря.

Помещение 7 ($7,1 \times 2,5$ — $3,4$ м) расположено в юго-западном углу дома и связано с двором проходом. Пол утрамбован, без обмазки. Стена в западной стороне разрушена. Культурный слой включает строительный завал. На полу органические пятна. В восточной половине помещения найдены обломки донных частей и стенок тулова шести крупных хумов. На дне четырех из них обнаружены обугленные зерна (пшеницы?) и органические пятна, характерные для разложившихся сельскохозяйственных продуктов.

В числе других находок — двухлопастной черешковый бронзовый наконечник стрелы, фрагменты зернотерок и ступок. В южной, внешней стене помещения устроено световое отверстие.

Помещение 10 ($5,5 \times 3$ м) находится в восточной половине усадьбы. Стены и пол обмазаны глиняным раствором. Среди находок преобладают фрагменты столово-кухонной посуды. На полу большое количество костей животных.

Помещение 11 ($3,3 \times 3$ м) связано с комнатой 10 проходом шириной до 1,3 м. Вдоль западной и восточной стен устроены обмазанные штукатуркой сырцовые суфы, ширина которых 0,4—0,6 м. Здесь найдены фрагменты кухонно-столовой посуды. Культурный слой включает рыхлую землю с прослойками строительного завала.

Необходимо отметить, что в восточной части усадьбы Кызылча 6 располагались явно не жилые, а хозяйственные помещения, имевшие, скорее всего, функцию бытовых построек типа кухни и столовой. Именно здесь обнаружено наибольшее число столовой и кухонной керамики, а также кухонных очагов.

Помещение 8 ($7,2 \times 2,5$ м) — в юго-восточном углу дома. На полу очажные пятна и много бытового инвентаря. Здесь найдены бронзовые и железные штыри, заклепки и мелкие кусочки металла.

Из помещения в комнату 9 ($2,7 \times 2,4$ м) ведет проход шириной 1,1 м. Оба комплекса перегораживает сырцовая стена толщиной 0,9 м. Стены и полы обмазаны глиняной штукатуркой. Вдоль западной и южной стен устроена суфа-лежанка шириной 1,5 м. Она

выложена из сырцового кирпича $37 \times 25 \times 10$ см. Поверх обмазки суфы — следы камышовой циновки.

Помещения 8 и 9 отапливались горячими углями, которые содержались в небольших ямах на полу. Во внешней, южной стене имеются два прямоугольных вентиляционных или световых отверстия.

Входное помещение 12 ($7,9 \times 2,6$ — $1,9$ м) представляет собой коридорообразную комнату, связанную с внутренним двором проходом шириной $1,2$ м, а с внешним — проходом $0,8$ м. В южной части помещения устроена прямоугольная ниша $1,3 \times 0,8$ м.

Пол утрамбован, но без обмазки, как и стены помещения. Его заполнение — лесс с прослойками строительного завала. Со стороны внешнего двора у прохода отложился плотный глинистый грунт с натечными прослойками. Находки представляют фрагменты керамики и каменных орудий труда.

Стены внешнего двора сохранялись частично в западной стороне и на протяжении 14 м в южной. Так же, как и помещения усадьбы, они выложены из сырцового кирпича $42 \times 28 \times 9$ см, $41 \times 28 \times 12$ см. Глинистый пол двора перекрыт гумусовыми и мусорными отложениями. Находок здесь крайне мало. Вся территория внешнего двора перекрыта отложениями надувного лесса, достигающего местами мощности $0,8$ — $1,2$ м.

Поскольку усадьба возведена на естественном всхолмлении, уровни полов внешнего двора оказались ниже полов помещений на 30 — 40 см.

Строительный горизонт IV (рис. 5, 6). Планировка южной, северной и западной сторон усадьбы не изменяется. Направления стен СГ IV, надстроенных над стенами СГ III, совпадают. Однако на всех участках они становятся шире и массивней.

Нижний уровень пола СГ IV покоится на завалах из разрушенных стен и забутовках. Завалы были утрамбованы. Некоторые перестройки наблюдаются в восточной половине дома.

В северо-восточном углу возводятся помещение 4 ($4,5 \times 2,8$ м) и помещение 10 ($3,2 \times 2,3$ м). В помещениях сохранился лишь нижний уровень пола, тогда как верхний оказался размытым. Внешние стены частично разрушены.

Из-за утолщения стен сокращаются площади помещений. Так, в юго-восточном углу усадьбы толщина западных стен помещения 12 достигает $1,2$ м. По сравнению с СГ III увеличивается число комнат. Внешний двор ограды не имеет. В целом планировка СГ IV напоминает первоначальную застройку усадьбы СГ I, хотя для первого характерно несколько большее число помещений.

Помещение 11 ($5,5 \times 2,9$ м) и помещение 12 ($3 \times 2,5$ м) расположены в центре восточной половины дома и связаны друг с другом проходом. Поверхность пола утрамбована и обмазана глиной

с саманом. На полу зеленоватые органические прослойки, а также очажные пятна.

Стены комнат оштукатурены. Вдоль западной и восточной стен помещения 12 наблюдается разрушенная кладка из сырцового кирпича $37 \times 25 \times 10$ см, предназначенная, видимо, для устройства сидений у боковых стен или же подставок «столов», шириной 0,4 м, что характерно и для СГ III. Высота сырцовой кладки от уровня пола СГ III достигает 0,5 м. Ее поверхность обмазана штукатуркой.

Пол перекрывает рыхлая земля со строительным завалом. Керамика представлена фрагментами кухонно-столовой посуды. В помещении 11 найдены обломки двух хумов, фрагменты зернотерок и серповидных ножей.

Помещение 7 ($7,1 \times 2,5 - 3,4$ м) расположено в юго-западном углу усадьбы и состоит из различных по ширине частей. Пол глинобитный, без обмазки. На нем — органические прослойки и зола. Стены разрушены в западной части помещения и местами в северной. У входа отложился надувной песок, лесс и глинистый грунт, образованный натеками. В помещении найдены обломки хумов и фрагменты каменных пестов. Таковы основные этапы застройки дома-усадьбы Кызылча 6. Как видно из вышеизложенного, усадьба представляла собой квадратный в плане дом с внутренним двором, затем с юга оформлялись еще два внешних огороженных стеной двора, в следующие периоды постепенно утрачивающие планировку и функциональное назначение.

Перестройки, ремонты и основные изменения в планировке дома происходили на ограниченном внешними стенами и внутренним двором пространстве. Не случайно поэтому в застройке усадьбы происходит как бы «наращивание» стен и уровней полов, которые покоятся на культурных слоях и строительных завалах.

Внешние стены сохранялись в южной части на высоте 1,2—1,4 м, в северной — более 2 м, в восточной — 1,3 м и в западной — около 1,8—2 м. На протяжении четырех строительных горизонтов в кладке стены видоизменяются лишь форматы сырцового кирпича, характерного для того или иного горизонта, тогда как толщина самой стены остается прежней (за исключением СГ IV, где внешняя стена несколько сужается).

Внутренние стены помещений сохранились в высоту до 0,5—0,7 м, что объясняется интенсивным их разрушением. Для разных горизонтов они отличаются не только размерами сырцового кирпича, но и толщиной, составлявшей от 0,8 до 1,2 м.

Входные ворота первоначально были направлены на юг к руслу канала, а затем во внешний двор (рис. 4, 5), в восточной стороне которого устраивался еще один проход. По микрорельефу бугра прослеживается, что вдоль восточных стен усадьбы проходила дорога, которая вела к саю и, видимо, к возделываемым землям.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И КОНСТРУКЦИИ

Раскопанная усадьба оказалась интересной с точки зрения изучения древней архитектуры южного Узбекистана, строительных материалов, техники и конструкций раннежелезного века (рис. 7, 8).

Основным материалом являлась глина. Она употреблялась в виде пахсы — битой глины и сырцового кирпича, а также служила раствором для обмазки полов, очагов, стен и суф. Глина использовалась и в кладке сырцовых стен.

Пахса на Кызылча 6 широкого применения не получила. Она отмечена лишь в забутовках и во внутрикомнатных перегородках. Из пахсы были выложены некоторые кухонные очаги, а также тандыр для выпечки хлеба.

Стены хозяйственных и жилых помещений выложены из сырцового кирпича прямоугольного формата, который широко использовался при устройстве суф, очагов, порогов, в забутовках комнат и при закладке проходов.

На поселениях Миршадинского культурно-хозяйственного района употребление квадратного кирпича не отмечено. На юге Узбекистана наиболее раннее его использование зарегистрировано в кладке стен СГ IV Бандыхантепе I, который ориентировочно датируется VIII в. до н. э. (Сагдуллаев, 1978 г, с. 33, 34). Это кирпич размерами $30 \times 30 \times 8$ см, $32 \times 30 \times 8$ см. В других среднеазиатских областях более древним является квадратный кирпич $24 \times 24 \times 10$ см из Намазгатепе, обнаруженный в слоях Намазга VI (Щетенко, 1969). Таким образом, в некоторых районах Средней Азии этот формат был известен уже в эпоху поздней бронзы и переходном к раннежелезному веку периоде, хотя получил в строительстве массовое употребление значительно позже.

Размеры сырцового кирпича усадьбы Кызылча 6 колебались от 36 до 40—43 см при ширине от 20 до 28 см и толщине от 8 до 13 см. В таблице 2 по отдельным строительным горизонтам сопоставлены размеры сырцовых кирпичей Кызылтепе и Кызылча 6.

Размеры сырцового кирпича сравниваемых поселений во многом близки для СГ I и III. Однако на Кызылтепе при возведении монументальных построек и оборонительных стен цитадели, а также поселения применялся крупноформатный кирпич, достигавший в длину 60—64 см. Такой же сырец обнаружен при раскопках крепостных стен Талашкантепе (Заппаров, Ртвеладзе, 1976; Пидаев, Ртвеладзе, 1978).

При раскопках верхнего строительного горизонта усадьбы Кызылча I в кладке стен установлено наличие сырцового кирпича $40 \times 22 \times 12$ см, $42 \times 23 \times 12$ см. Все это свидетельствует об использовании в архитектуре поселений древнего района единых или близких форматов сырцового кирпича.

На Кызылтепе строительные остатки СГ IV прослеживаются недостаточно четко, так как поселение в это время пришло в упа-

док и его площадь значительно сократилась, тогда как многие усадьбы в его округе продолжали функционировать.

Сырцовые кирпичи изготавливались в деревянных формах. На многих из них сохранились вмятины, видимо, от неровного грунта, на который они укладывались. При ремонте зданий и перестройках в кладке стен употреблялись и половинки кирпичей, разрушавшихся во время высушки.

Камень в строительстве применялся крайне редко. На усадьбе отмечена вымостка пола мелким галечником. Наличие единич-

Т а б л и ц а 2

Размеры сырцовых кирпичей Кызылтапе и Кызылта-6

С.Г	Кызылтапе	Кызылта	Слои	Мощность слоя, м
V	—	32×24×10 33×23×10		забутовка
IV	—	36×24×8 38×24×10	Кызыл IV	0,7
III	40×28×10 41×28×11 42×27×9 42×29×12 44×28×11 44×27×10 48×28×10	37×25×10 41×28×12 42×28×9	Кызыл III	1,2—2,5
II	58×29×12 59×28×10 60×30×12—12	43×25×11	Кызыл II	1,3—2,2—3
I—II	62×30×12—14 64×32×13			
I	43×20×11 44×24×12	41×20×12 41×24×13	Кызыл II	

ных каменных блоков было установлено в кладке пахсовых стен Кызылтапе и Бандыхантепе I.

Сохранилось очень мало данных об использовании строителями усадьбы ганча. О его применении свидетельствуют лишь фрагменты затвердевшего алебастрового раствора, который, видимо, употреблялся при отделочных работах.

Стены и полы помещений обмазывались глиняной штукатуркой с добавлением песка и рубленой соломы. Для обмазки полов использовался более грубый раствор, в качестве которого выступал песок, часто без отошающей примеси.

Строительный лесс, очевидно, служил не только для приготовления глины, но и при забутовке и заполнении старых помещений, при выравнивании уровней полов. Пахса и сырцовые кирпичи изготовлялись из местного лесса, которым был богат древний район Миршаде. В целом такие строительные материалы, как лесс, галечник и песок были легко доступны древнеземледельче-

скому населению Миршадинского оазиса, расположенного в подгорной зоне.

Из других материалов надо отметить камыш и дерево. Первый широко использовался не только для циновок, но и как составная часть кровли. Строительный лес сохранился в виде обугленных фрагментов балок плоского перекрытия. Он употреблялся также в виде круглых или затесанных на концах прямоугольных столбов, служивших опорой перекрытия навесов. На это указывают круглые и подпрямоугольные ямы от опорных столбов в западной половине двора усадьбы. В ямах прослеживаются остатки истлевшего дерева. Судя по размерам первых, диаметр столбов мог составлять в среднем 15—20 см.

Как сказано выше, усадьба возникла на освоенном ранее месте, о чем свидетельствуют находки грубой лепной керамики под полом. Не исключено, что здесь находилось какое-то временное жилище, разрушенное в процессе строительства дома.

Усадьба выстроена на небольшом естественном всхолмлении, верхняя площадка которого на месте будущего хозяйственно-жилого комплекса была выровнена. Вероятнее всего, вначале по периметру обводных стен был возведен один ряд коридорообразных помещений, а не использованная для постройки площадь в центре стала двором.

Все наблюдения позволяют считать, что архитектурный комплекс Кызылча 6 построен по заранее продуманному плану и отражает целенаправленную строительную деятельность. Это подтверждают также предварительные данные раскопок усадьбы Кызылча 1 (Сагдуллаев, 1981, с. 10), где в основу хозяйственно-жилого комплекса положен квадрат, достигающий в стороне 25 м. Как и на Кызылча 6, здесь по периметру внутреннего двора располагается один ряд коридорообразных помещений.

Внешние сырцовые стены усадьбы Кызылча 6 несколько сужались от основания кверху. Толщина внутренних стен различная. Для СГ I и II в среднем — 0,8—0,9 м, для СГ III, IV — 0,8—1,2 м. В последних несколько утолщенными являются стены восточной половины дома.

В постройках нижних строительных горизонтов отмечается кладка в два и четыре кирпича, что вместе с обмазкой составляет толщину стен до 0,5—0,9 м. Для наращивания толщины стен часто применялись половинки кирпичей. Так, для ряда помещений верхних строительных горизонтов отмечается кладка в 4,5 кирпича. Ширина швов между кирпичами достигает 3—5 см.

Помещения СГ I и II не связаны друг с другом дверными проемами, но имеют выход во внутренний двор. Проходы не являлись одинаковыми. Их ширина колебалась от 0,6—0,8 до 1—1,2 м. Широкие проходы характерны для СГ III и IV, где было восемь дверных проемов, ведущих во внутренний двор, а также три-четыре внутрикомнатных прохода и одно общее входное помещение в хозяйственно-жилой комплекс (рис. 4, 5).

При перестройках и ремонтных работах местоположение дверных проемов менялось — они расширялись либо сужались. Первое установлено в трех случаях — в помещениях 8, 5 и 2, тогда как в помещениях северо-западного и северо-восточного углов, а также в южной половине усадьбы дверные проемы не изменяли местоположения на протяжении всех строительных этапов.

В плане проходы являются прямоугольными, некоторые из них имеют округлые углы, обмазанные штукатуркой. Двери были, видимо, деревянными (или плетеными) и навешивались на подпятники, которые в двух случаях обнаружены непосредственно в дверных проемах.

Пороги находились на уровне пола, либо обкладывались сырцовым кирпичом на высоту до 15 см. Они также обмазывались глино-саманной штукатуркой.

Уровни полов усадьбы покоятся на культурных слоях, чаще на строительных завалах, а в СГ IV на забутовках из сырцового кирпича. При устройстве полов площадь строящегося помещения разравнивалась и утрамбовывалась.

В жилых комнатах полы были ровные и неоднократно обмазывались глиняным раствором. Установлено также, что утрамбованная поверхность пола засыпалась тонким слоем песка, а в одном случае мелкой галькой, затем обмазывалась глиной. В хозяйственных постройках оставалась глинистая основа пола без дополнительной обмазки.

По мере отложения на нижних полах золы, угольков, пищевых остатков и фрагментов производственно-бытового инвентаря происходило наращивание обмазки и уровней полов.

Перекрытие усадьбы, очевидно, было плоским, возможно, с некоторым уклоном для стока воды за пределы дома. Для сравнения обратимся к этнографическим материалам, в соответствии с которыми основу плоского перекрытия составляют балки. Поверх них клались жерди, камышовые циновки, тростник и хворост. После заполнения кровли она засыпалась землей и обмазывалась слоем глины.

О балках перекрытия усадьбы можно судить по их обугленным фрагментам, а также по ямкам от опорных столбов айвана. На раскопках встречались также куски затвердевшего раствора обмазки кровли с отпечатками камыша.

Балки укладывались непосредственно на стены помещений без дополнительных опорных столбов. Их длину можно определить по ширине помещений.

Можно заключить, что на протяжении всех строительных горизонтов ширина построек являлась приблизительно одинаковой — от 2,3—2,5 до 2,8—3 м — и лишь в западной части помещения 7 превышала 3 м. Такое постоянство, видимо, объясняется тем, что ширина помещений во многом зависела от наличия соответствующих по длине балок перекрытия. Кроме того, над узкими постройками было гораздо легче устроить кровлю, чем над

широкими, причем такое перекрытие не нуждалось в опорных столбах.

Пролеты навеса-айвана в западной половине внутреннего двора дома также незначительны, лишь в северной части они достигают в длину 4,5 м, а в центре — 4,3 м. Однако кровля айвана, видимо, была значительно легче, чем над помещениями. Столбы здесь устроены в два ряда. Расстояние между ними в ширину 0,8 м, а в длину до 4,3 м. Спаренное устройство опорных столбов обусловлено конструкциями перекрытия.

Шесть столбов поддерживали навес на площади около 52,5 кв. м. Они расставлены достаточно широко, и пролеты между ними достигают максимальной величины. Уже по этим показателям можно считать, что балки перекрытия айвана были довольно массивными. Некоторые несущие балки, видимо, достигали в длину более 5 м, тогда как в перекрытии помещений они составляли в среднем 3—3,5 м.

Учитывая, что под навесом айвана были расположены очаги, следует предположить наличие в кровле дымовыводящих отверстий. В помещениях эту роль играли вентиляционные проемы.

В кухонных помещениях дымовыводящими люками служили, очевидно, и отверстия, устроенные в плоской кровле.

Световые проемы (щели-окна) могли закрываться крупными фрагментами сосудов, плоскими камнями или занавешиваться материей, шкурами либо частями циновок. Не исключено, что циновки навешивались также над внутрикомнатными дверными проемами, где устройство деревянных дверей не вызывало особой необходимости.

В темное время помещения освещались светильниками — чирагами. Так, во входном помещении (СГ IV) у прохода во внутренний двор была устроена прямоугольная ниша 30×20 см, высотой 18 см, в которой обнаружены фрагменты лепных светильников. Более крупная ниша 50×30 см, высотой 20 см зарегистрирована в южной стене помещения (СГ III), где также найдены обломки лепных светильников с закопченной поверхностью. Стены хозяйственных помещений часто даже не оштукатурены. В жилых комнатах устраивались суфы, представлявшие собой сырцовые возвышения, прилежавшие к стенам. Они покрывались циновками.

Большинство суф оказалось разрушенными. Лучше всего они сохранились в помещениях 8 и 9 (СГ III), где устроены вдоль южной и западной части стен и занимают площадь $11 \times 1,3$ —1,5 м, возвышаясь над уровнем пола на 30—35 см. Суфа выложена горизонтальной кладкой в три кирпича и обмазана глиняным раствором. В помещении 5 (СГ I) возвышение устроено горизонтальной кладкой в два кирпича. Величина суф позволяла использовать их как лежанки.

Своеобразные возвышения типа пристенных столов или скамеек шириной 40 см и высотой до 50 см устроены вдоль боковых

стен в помещении 11, 12 (рис. 5). Они сложены из трех рядов кирпичей, два нижних положены горизонтально на уровень пола, тогда как верхний составляют кирпичи, поставленные вертикально. Поверх таких «столов» отмечается тонкий слой глиняной обмазки. Следует подчеркнуть, что вертикальная кладка или поставленные на ребро по ширине кирпичи зарегистрированы и в забутовке помещения 3 (СГ IV).

Устройство суф в виде пристенных скамеек по раскопкам синхронных поселений юга Средней Азии пока не известно, но зарегистрировано на усадьбе Дингильдже в Хорезме.

М. Г. Воробьева отмечает, что их происхождение объясняется возможным влиянием архитектуры ахеменидского Ирана, если, конечно, в Средней Азии не будут обнаружены генетические источники указанных конструкций (Воробьева, 1973, с. 107—109).

На наш взгляд, появление суфообразных скамеек (на Кызылча 6) следует связывать прежде всего с их функциональной необходимостью, особенно в кухонно-столовых помещениях, где они могли быть использованы как удобные сидения при приеме пищи или скорее всего как подставки-столы для посуды с горячей пищей (в таком случае люди должны были располагаться на полу). Не случайно поэтому возвышения устроены вдоль боковых стен, тогда как центр помещения оставался заниженным.

Кроме суф в помещениях располагались обогревательные и кухонные очаги. Среди них выделяются довольно примитивные очаги типа округлых ям (сандалов) или прокаленных пятен на полу. Они служили для обогрева помещений открытым способом — горячими углями из кухонных очагов, и возможно, для разогревания воды или приготовленной, но остывшей пищи.

Другой характерный тип — прямоугольный очаг из сырцовых кирпичей и круглый очаг (тандыр).

В помещении 4 (СГ III) у очага в северо-западном углу устроена яма, содержащая большое количество золы. Такие ямы отсутствуют у очагов во внутреннем дворе, и золу отсюда выносили за пределы дома.

Большинство очагов усадьбы оказалось разрушенным. Ограниченные сведения не позволяют достаточно полно определить их конструкцию.

Вышеприведенные данные в общих чертах характеризуют строительную технику и архитектурно-планировочные приемы на примере одного изученного поселения (Кызылча 6). Несомненно, с накоплением новых материалов представления об уровне развития строительной техники будут дополнены и расширены. Многие явления, зарегистрированные на раскопках Кызылча 6, видимо, были характерными для большинства усадеб района, а именно архитектурно-планировочные каноны, идентичные строительные материалы, техника и конструкции, что подтверждается предварительными результатами раскопок Кызылчатеpe I.

ИНВЕНТАРЬ

Массовый археологический материал Кызылча 6 представлен керамической посудой, изделиями из камня и металла. Многие предметы сохранились в виде фрагментов. Однако богатый и разнообразный производственно-бытовой инвентарь, полученный в других синхронных поселениях района, позволяет восстановить формы изделий и судить об уровне развития ремесла раннежелезного века на юге Узбекистана.

Лепная керамика типа Кызыл I обнаружена на материковом слое усадьбы. Она формировалась ленточным способом или на матерчатом шаблоне (рис. 20). Цвет черепка красный и коричневый. В тесте примесь крупнозернистого песка, черепок пористый и рыхлый. Вследствие неравномерного обжига на внешней поверхности посуды отмечаются красные и светло-коричневые пятна.

В комплексе выделяются открытые и закрытые формы. Крупные сосуды типа хумов и хумча имеют утолщенный прямой либо отогнутый наружу венчик (рис. 20, 1, 4, 6, 7). Ангоба и лощения на поверхности нет. Тулово цилиндрическое или округлое.

Следует отметить горшковидные сосуды с двумя петлевидными ручками (рис. 21, 22) и цилиндрические котлы с аналогичными ручками (рис. 20, 9). Довольно много фрагментов с круглыми, короткими либо удлиненными сливами-носиками (рис. 20, 5, 8; 21, 23—25).

Распространенными являются открытые полусферические сосуды типа чаш и мисок (рис. 20, 3; 21, 19—21, 26), в тесте которых отмечаются добавления песка и мелких зерен гипса. На стенках некоторых экземпляров видны следы затирки поверхности пучком травы, о чем свидетельствуют отпечатки злаков и соломки. Поверхность лепной посуды обрабатывалась также мокрой тряпкой. Многие фрагменты имеют ангоб светло-желтого цвета. Выделка лепной столовой посуды более качественная в сравнении с хозяйственной керамикой.

Описанная посуда по форме бедна и однообразна. В Миршадинском районе лепная керамика типа Кызыл I обнаружена еще на четырех поселениях — Безымянном (Пугаченкова, 1972; Беляева, Хакимов, 1973), Буйрачитепе 1, 2 и Кызылтапе (Сагдуллаев, 1978 а, б). Она появляется в оазисе на грани II—I тыс. до н. э. и получает широкое распространение в начале I тыс. до н. э. Охарактеризованный выше материал усадьбы представляет позднюю фазу развития лепной посуды типа Кызыл I.

В культурных слоях СГ I и СГ II Кызылча 6 обнаружена керамика типа Кызыл II, составляющая в подавляющем большинстве станковые формы (рис. 22).

Наиболее распространенными являются крупные сосуды хозяйственного назначения, которые использовались для хранения продовольственных запасов.

Хумы изготовлены из хорошо отмученной глины с редкими добавлениями зерен из гипса в тесте. Цветовые свойства черепка и поверхности следующие — коричневый и ярко-красный оттенки в изломе, красноватый оттенок внутри и по внешней стороне. Ангоб светло-желтый. По линейным размерам и по форме выделяются несколько подтипов — сосуды с резко выраженным крючкообразным (клювовидным) венчиком диаметром от 38 до 60 см (рис. 21, 2, 8; 23, 9, 13, 15), экземпляры с подтреугольным прямым венчиком (рис. 21, 1, 2) и формы с утолщенным, закругленным в профиле венчиком (рис. 21, 7, 16; 23, 18).

Аналогичные хумы в большом числе найдены в слоях Кызыл-тепе II (рис. 22; 24). Тулово сосудов цилиндрическое, вертикальное, либо с расширяющимися книзу стенками. Дно коническое. Видимо, цилиндрическая и коническая части хумов формовались раздельно, а затем соединялись на круге медленного вращения. Место стыка подрезалось ножом или заглаживалось рукой.

Высота хумов достигала 1—1,2 м. Как правило, высота цилиндрического тулова больше высоты конического дна в 2,5—3,4 раза, а общая высота больше диаметра венчика, который превышал диаметр дна. Средние по размерам хумы были весьма устойчивыми, однако крупные экземпляры (свыше 1 м), по всей вероятности, до места стыка зарывались в землю (рис. 22).

Хумча цилиндрической формы представляют объемные сосуды. По внутренне-внешним признакам (цветовые свойства черепка, поверхности, а также другие качественные показатели) хумча близки к хумам и отличаются от последних по внешним признакам (линейные размеры, форма, соотношение размеров частей формы).

Цилиндрические миски и чаши с хорошо отмученной глиной, примеси в тесте — зерна гипса, обжиг высококачественный. Почти все они покрыты светло-желтым ангобом (рис. 21, 12, 13; 23, 1, 2).

Различные варианты форм имеют правильные очертания и утолщенный либо приостренный у края венчик. Высота цилиндрического тулова от 6 до 12 см (у мелких чаш от 3 до 5 см).

В комплексе усадьбы отмечено наличие небольших и средних горшков (рис. 23, 3, 7). Они сфероидные либо близки к цилиндрической форме. Венчик утолщен, отогнут наружу и заострен у края.

В третьем строительном горизонте усадьбы найдена керамика типа Кызыл III (рис. 10; 12). Обращает на себя внимание резкое уменьшение числа крупных сосудов с крючкообразным профилем венчика, встречающихся в единичных экземплярах. Хумы и хумча имеют плоский валикообразный и подтреугольный с приостренным краем венчик (рис. 25, 10, 13, 14, 19).

Получают распространение хумча с выделяющимися плечиками и горловиной, первые подчеркиваются ребром (рис. 25, 10), а также хумча с отогнутым наружу венчиком и удлиненным ци-

линдрическим туловом (рис. 25, 17). Ангобом покрывалась лишь цилиндрическая часть до стыка с конической. Придонная часть без дополнительной обработки и сохраняет коричневый и светло-красный цвет черепка.

Очень много банок с плотным тонкостенным черепком, с добавлением зерен гипса в тесте и равномерным обжигом (рис. 25, 1, 2, 3, 7, 8).

Черепок в изломе коричневого и красноватого цвета, а на поверхности красный. Ангоб светло-желтый и белый. Ряд типов без ангоба.

Описываемые формы состоят из цилиндрической верхней и конической донной частей. Ребро на стыке подрезалось ножом, заглаживалось рукой, либо являлось подчеркнутым, острым. Стенки тулова вогнуты, венчик расширяется кверху, в профиле — прямой. На тулове некоторых форм оставлены рельефные гончарные пояски (рис. 25, 3, 7).

Как правило, диаметр венчика банок в два-три, и в редких случаях — в четыре раза превышал диаметр дна, тогда как цилиндрическое тулово превышало высоту конического дна в четыре-пять раз. Показательно, что приблизительное соотношение общей высоты банок и диаметра их венчика составляет 1 : 1. Диаметр тулова у стыка цилиндра и конуса равняется диаметру венчика. Линейные размеры сосудов указывают на определенные стандарты, которые, видимо, использовались при формовке и были традиционными в ремесленном производстве района (рис. 12; 15).

Надо отметить, что в синхронных по времени слоях Кызылтепе отмечается посуда с красным и розовым ангобом наряду со светло-желтым. Керамика типа Кызыл III найдена на многих поселениях юга Узбекистана, кроме того она является характерной для большинства среднеазиатских памятников бассейна Амударьи и юга Туркмении середины I тыс. до н. э. Традиционно посуду этого времени принято называть «баночной», «цилиндроконической» или «ахеменидским комплексом» (рис. 10; 12; 15).

Данная терминология остается условной. В первых названиях отражены ведущие гончарные формы, а не весь керамический комплекс, тогда как слово «ахеменидский» раскрывает лишь приблизительный временной признак или один из исторических периодов бытования материала в пределах второй половины VI—IV в. до н. э. Новейшие открытия последних лет, особенно в верхней и нижней части бассейна Амударьи, в долинах Кашкадарьи и Зарафшана, показывают необходимость разработки более четкого терминологического словаря с учетом общепринятой археологической и исторической периодизации. Это вызвано тем, что в слоях поселений наряду с традиционной цилиндрикоконической керамикой найдены конические, полусферические, сфероидные и цилиндрические формы. На поселениях юга Узбекистана последние составляют около 34% из общего числа (Сагдуллаев,

1978 а, с. 7). На наш взгляд, более верно называть указанные комплексы терминами, которые отражают временные либо стратиграфические признаки, например, керамика предахеменидского, ахеменидского периодов, керамика типа Яз II—III, Кызыл II—III, Елькен III, Афрасиаб I и т. д.

Обращает на себя внимание и то, что керамические материалы, называемые обобщенно «ахеменидскими», в большинстве областей получают распространение в доахеменидское время, поэтому при описании комплексов следует учитывать их хронологию. По внутренним и внутренне-внешним признакам на протяжении длительного времени они демонстрируют общий технологический уровень развития — хорошо отмученное тесто, примеси мелких зерен гипса, высококачественный обжиг, цвет черепка красный и коричневый различных оттенков, абсолютное преобладание неорнаментированной светлоангобированной посуды и т. д. Различия типов керамики четко фиксируются по формам и линейным размерам, то есть внешним признакам (рис. 25; 26).

Особого подъема производство цилиндрической керамики достигает в середине I тыс. до н. э., то есть в ахеменидское время, а затем наступает время постепенного ее уменьшения и распространения новых форм, демонстрирующих отличительные технологические признаки.

Указанные новшества связаны с распространением посуды, дающей как бы переходные формы к раннеантичным типам. Это обстоятельство подтверждают материалы усадьбы Дингильдже (Воробьева, 1973, с. 127 и сл.), керамика которой (особенно красноангобированная) отражает развитие новых форм и иных технологических признаков. Ранее переходные керамические формы были выявлены в слоях позднего Яз III (Массон В. М., 1959, с. 23), на Эрк Кале (Усманова, 1969, рис. 3) и Афрасиабе (Филанович, 1969, с. 214, рис. 3).

При раскопках Кызылтапе переходные формы к раннеантичным типам проявлялись недостаточно четко, и в ряде случаев эволюционная связь керамики ахеменидского времени и эпохи ранней античности не прослеживалась. Это можно было связать с упадком Кызылтапе задолго до конца IV—III в. до н. э. либо поздней датировкой раннеантичных материалов или же другими обстоятельствами. Однако, благодаря раскопкам Кызылча 6, эта существенная лакуна для поселений Миршадинского района заполняется.

Керамика усадьбы из помещений СГ IV, условно отнесенная нами к комплексу типа Кызыл IV, демонстрирует традиционные черты развития и наряду с ними показывает новшества в гончарном производстве. Сохраняются хумча с подтреугольным венчиком, мелкие цилиндрикоконические чаши (рис. 27, 12, 13, 14), однако у последних происходит закругление ребра стыка, то есть грань между цилиндром и конусом начинает стираться или оста-

ется весьма условной. Венчики хумча несколько видоизменяются в профиле (рис. 27, 6, 8, 11).

Наряду с ними следует выделить конические формы с закругленным или плоским сверху и приостренным у края, опущенным вниз венчиком (рис. 27, 1, 2, 9). Они как бы предвосхищают прототипы «рыбных блюд» эпохи античности, хотя сходства проявляются между ними весьма условно. Тем не менее описываемые формы не встречены в более ранних слоях Кызылча 6, Кызылтепе и на ряде других поселений юга Узбекистана.

Из других новых форм (СГ IV) Кызылча 6 отметим крупные толстенные хумы с утолщенным и отогнутым наружу, а также резко выраженным клювовидным венчиком. Они имеют плоское дно, цилиндрическое и сфероидное тулово. Поверхность большинства сосудов светло-желтая или серая с зеленоватым оттенком (Сагдуллаев, 1980, рис. 5). В керамическом комплексе горизонта IV Кызылча 6 выделяются также другие формы, близкие к раннеантичным типам (рис. 27, 3, 4, 15, 18; 28).

Изделия из камня и металла. Каменные изделия из Кызылча 6 связаны с обработкой зерна, растиранием красок, а также представляют производственно-бытовой инвентарь и заготовки для орудий труда. Они имеют обработанную поверхность и рабочие грани (рис. 14).

Описываемые ниже предметы изготовлены из местных галечных пород, аплитов, песчаников, туфопесчаников, базальта и известняков.

Зернотерки — (рис. 29, 1, 6, 18; 30, 1—4) в фрагментарном состоянии. Обнаружено всего лишь несколько целых экземпляров, в среднем $30-40 \times 10-12 \times 6-9$ см. Известны также более крупные изделия. Они имеют ладьевидную либо подпрямоугольную форму и интенсивно обработанную вогнутую рабочую поверхность.

Песты использовались для растирания зерна на зернотерках и в ступках (рис. 29, 5, 16, 19, 20, 21; 30, 5). В сечении они округлые либо цилиндрические.

Ступки полусферической и цилиндрической формы (рис. 30, 6, 7, 9), использовавшиеся в течение длительного времени, о чем свидетельствует углубленная и разработанная чаша.

Терочки-песты цилиндрической, ромбовидной и овальной форм (рис. 30, 15) являются наиболее массовыми из находок. Вследствие интенсивного употребления следы затирки имеют две или три стороны орудия. Терочки изготавливались из галечных пород.

Отбойники представлены несколькими экземплярами (рис. 29, 7, 9). Они состоят из нижней рабочей части и верхней рукоятки. В сечении основания округлые, подтреугольные и подпрямоугольные. Ширина ударной площадки — 6—7 см. Длина отбойников 13,5—20 см. На рабочем основании одного из экземпляров хорошо читаются следы зубцов-сколов (рис. 29, 3).

Серпы. При раскопках поселений района обнаружены серпы из камня, бронзы и железа (рис. 9; 17; 31). Каменный серп изогнутой формы, однолезвийный. Бронзовый серп также имеет слабоизогнутое лезвие. Один край его закруглен с отверстием диаметром 5 мм, другой приострен.

Аналогичный бронзовый однолезвийный серп найден на Кучуктепе (Аскаров, Альбаум, 1979, табл. 23, 2; с. 60). На других поселениях юга Узбекистана они не выявлены, но известны на памятниках более отдаленных областей — в Ташкентском оазисе, Фергане, восточном Казахстане и др. (Дуке, 1976, с. 51; Спришевский, 1957, рис. 26; Заднепровский, 1962, табл. XXI, 7; Черников, 1960, табл. XXVII, 6). Эти изделия в большинстве комплексов датируются эпохой поздней бронзы. Железный серп снабжен втулкой диаметром 1,8 см, в которой сохранились две заклепки для закрепления деревянной рукоятки.

Железный серп из Кызылча 6 — второй известный экземпляр (тип с втулкой и заклепками) этого времени в Средней Азии. Ранее аналогичный серп был обнаружен на Афрасиабе (Тереножкин, 1950, с. 155, рис. 2, 11, 69).

Другие железные серпы, характерные для комплексов Средней Азии, демонстрируют генезис иных типов. Наиболее ранние экземпляры происходят из слоев южного холма Анау (Pimpelly, 1908, с. 157, рис. 289, 290), несколько железных серпов обнаружено при раскопках поселений Хорезма архаического времени (Толстов, 1958, с. 149, рис. 56, 17; Воробьева, 1973, с. 154). Серп из усадьбы Дингильдже также имеет изогнутую форму (Воробьева, 1973, рис. 9, 45, с. 154), однако отсутствие рукояти не позволяет произвести более конкретные сопоставления с изделием из Кызылча 6. Заклепками для закрепления рукояти снабжен один из серпов Анау.

Можно отметить, что в конце первой трети — середине I тыс. до н. э. в Средней Азии получили широкое распространение каменные, бронзовые и железные серпы, бытовавшие и на Кызылчате 6. Железные серпы были скорее всего двух типов — черешковые или с заклепками и раскованной у рукояти частью, а также втульчатые. Последние представлены пока двумя находками — из Афрасиаба и Кызылча 6.

Следует подчеркнуть, что за исключением поселений южного Узбекистана — Кучуктепе, Кызылтепе, Кызылча 6, Буйрачате 2 и Бандыхантепе 1 — на других памятниках юга Средней Азии начала и середины I тыс. до н. э. еще не обнаружены каменные серпы или серповидные ножи, которые находят аналоги и в изделиях северо-восточных районов Средней Азии.

Ножи изготовлены из камня и железа. Первые — серповидные из породы липоритового порфирита зеленого цвета, высокой твердости. Ширина лезвия 2,8—3 см (рис. 34).

Однолезвийный железный нож обнаружен на Кызылчате 1. Длина 14,3 см, ширина лезвия до 1,5—4 см, толщина 1—5 мм (рис. 34, 1).

Изделие относится к типу однолезвийных ножей с выделенной рукоятью, которая у конца закруглена. Лезвие шире рукояти, переход от последнего плавный с выделяющимся уступом. Сечение лезвия подтреугольное. Рукоять прямоугольная и составляет чуть менее половины общей длины ножа.

Близкие по форме изделия обнаружены на ряде памятников Средней Азии — могильнике Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XXI, 8), усадьбе Дингильдже (Воробьева, 1973, рис. 2, 5, 45), в Фергане (Горбунова, 1963, с. 102, рис. 5). Надо отметить также общие сходства с бронзовым ножом из Яздепе (Мас-сон В. М., 1959, табл. XXIII, 11). По мнению, высказанному в литературе, форма этих ножей восходит к бронзовым ножам култур степного круга (Кузьмина, 1966, с. 47).

Топоры найдены при раскопках безымянного тепе (рис. 16), а также на Кызылчате 1 (рис. 32, 2, 3). Первый изготовлен из алевролита красного цвета, что обусловлено наличием в породе гидроокислов железа. Он является наиболее древним (Пугаченкова, 1972) и может быть датирован комплексом керамики первой трети I тыс. до н. э. Длина сохранившейся части 7,5 см. Орудие, видимо, обломалось при сверлении отверстия для рукояти, которое до конца не завершено. После этого фрагмент топорика использовался в каких-то других целях, согласно мнению Г. А. Пугаченковой, для размельчения минералов краски (1972, с. 44).

Топор из Кызылча 1 — чернополированный из андезитового порфирита или базальта (рис. 32, 2), длина сохранившейся части 13,3 см. Все орудия сужаются от основания к центру и расширяются кверху. Топор из базальта утолщается от верха к рабочему основанию. Лезвия орудий довольно острые и составляют у рабочего конца до 4 мм.

Заготовки для каменных орудий обнаружены при раскопках Кызылчате 6 в большом количестве. Они имеют слабо обработанную поверхность (рис. 29, 2, 4, 17, 22, 23). Для зернотерок и отбойников отбирается крупный речной галечник, чаще с плоской подпрямоугольной поверхностью для первых и тяжелой массивной нижней частью для отбойников. Породы обрабатывались точильными камнями, после шлифовки им придавалась нужная форма, которая окончательно устанавливалась уже в процессе воспроизводства.

Среди заготовок для серпов выделяются изогнутые в форме экземпляры из твердой зернистой породы туфопесчаников с добавлением кварца и вулканического стекла. Длина сохранившейся части одного из них 15 см, ширина 5 см (рис. 29, 22). Другая, менее обработанная заготовка, целая, длиной 15,5 см (рис. 29, 23).

Для ступок чаще выбирались довольно твердые породы, которые не должны были разбиваться при ударе тяжелых пестов. Изготовление последних являлось довольно сложным процессом,

связанным с длительной обработкой пород, предназначенных для указанных орудий. Гораздо легче было найти соответствующие по размерам и формам породы для терочников. Часто в их роли выступали окатанные водой речные галечники.

Метательные камни (рис. 29, 10, 11) изготавливались из распространенных в природе округлых и яйцевидных камней небольших размеров. Некоторые из них сохранили на поверхности следы затирки и шлифовки. По раскопкам Кызылтепе известно, что в качестве метательных орудий применялись также необожженные или слабо обожженные округлые глиняные ядра. Большая их часть использовалась для метания из пращи.

Наконечники стрел. При раскопках усадьбы найдено четыре бронзовых наконечника. Двухлопастные втульчатые наконечники имеют листовидную форму (рис. 32, 4, 5). Их размеры до начала втулки — 3,7 и 4,2 см. Они широко распространены в комплексах южных областей Средней Азии первой половины I тыс. до н. э. Несколько таких наконечников обнаружено нами на Кызылтепе, они известны также на Кучуктепе (Аскаров, Альбаум, 1979, рис. 19, 3) и Яздепе (Массон, 1959, табл. XXXIII, 5, 10).

Другой наконечник стрелы (дротика?) Кызылча 6 черешковый с ромбической головкой (рис. 32, 6). Острые и грани лопастей заточены. Его размеры 5,2 см. Типологически это один из редких экземпляров, и мы не находим ему точных аналогий (рис. 11). Весьма общие сходства можно отметить с трехгранными черешковыми стрелами из могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. V), а также Кучуктепе (Аскаров, Альбаум, 1979, табл. 24) или с трехгранным черешковым наконечником из усадьбы Дингильдже (Воробьева, 1973, табл. 1, 82).

При раскопках поселений Миршадинского оазиса в верхних слоях Кызылтепе был обнаружен еще один двухлопастной черешковый бронзовый наконечник длиной 6 см. Однако на других поселениях юга Средней Азии раннежелезного века двухлопастные черешковые наконечники стрел этого типа не найдены, и не исключено, что описанные выше находки были наконечниками дротиков. На поселениях юга Узбекистана обнаружены в основном двухлопастные втульчатые наконечники стрел и лишь на Кучуктепе фиксируется наличие трехлопастных черешковых стрел. Нет также никаких данных о бытовании на поселениях железных наконечников стрел.

Мелкие изделия из бронзы и железа. Среди них гвоздь и фрагмент сосуда из бронзы, у которого сохранилась часть венчика (рис. 33, 1, 5). Другой фрагмент бронзового сосуда обнаружен на Кызылча 1 (рис. 32, 1). Обращают на себя внимание мелкие железные предметы (рис. 33, 3, 4, 6, 9), сохранившиеся в длину от 1,6 до 2,7 см. Судя по их толщине (2,5—4 мм), они могли быть шильями, булавками, либо мелкими гвоздями и заклепками. Аналогичную функцию, видимо, выполнял и фрагмент орудия из бронзы (рис. 33).

Подплатники от дверей. Обнаружено три целых экземпляра и несколько их фрагментов (рис. 30, 8, 11, 12). Диаметр чашевидного углубления 5—7 см. Подплатники округлые, диаметр до 15—20 см.

Прочие находки. При раскопках Кызылча 6 найдены различные мелкие изделия из керамики, камня и кости, применявшиеся в хозяйстве и быту обитателей усадьбы. Необходимо отметить форму из гипса для отливки изделий из бронзы (рис. 33, 10) диаметром 5,2 см, высотой 5 см. На дне с внутренней стороны зеленые пятна от бронзы. Форма до середины тулова, видимо, стояла в ямке, так как из-за неровного дна она была неустойчивая. Стенки тулова в центре сужаются и расширяются к устью.

Своеобразна керамическая модель топорика длиной 4 см, в центре которого высверлено отверстие (рис. 33, 2). Она находит аналогии в одном из экземпляров металлических моделей топоров длиной более 6 см, найденных в северном Афганистане (Сарианиди, 1978, с. 190, рис. 5). Среди других изделий — оселок с отверстием в верхней части и небольшое каменное ложило (рис. 33, 8, 11).

Очень много керамических дисков, выточенных из дна и стенок тулова сосудов (рис. 33, 12, 15, 16, 21). Они округлые либо подтреугольные и подпрямоугольные, неправильных очертаний. Наиболее древние аналогичные изделия отмечались в Миршадинском оазисе на поселениях эпохи бронзы Муллалитепе и Буйрачитепе 1, распространены они и в комплексах Бандыхантепе 1 и Кызылтепе, а также на поселениях других областей Средней Азии (Массон В. М., 1959, с. 72; Воробьева, 1973, с. 143). В специальной литературе такие керамические диски считаются заготовками для пряслиц и грузиков; не исключается их назначение в качестве счетных и весовых камней (Заднепровский, 1962, с. 29; Воробьева, 1973, с. 144) или, по другому мнению, — для прикрытия отверстий на дне сосудов (Альбаум, 1969).

Пряслица — специально изготовленные из глины (рис. 33, 13, 14, 20, 19) или выточенные из стенок сосудов (рис. 33, 17, 18); обнаружены также их заготовки (рис. 33, 22). Пряслица первого типа цилиндрические и ромбовидные по форме. Изготовление их связано с гончарным ремеслом. В частности, на поверхности пряслиц отмечается ангоб и слабое лощение, обжигались они в гончарных печах, о чем свидетельствует ровный, высококачественный обжиг. Некоторые изделия имеют подчеркнутые при формовке грани (рис. 33, 13, 14, 20).

Для пряслиц второго типа отбирались стенки сосудов средних размеров, которые обтачивались, им придавалась форма овала. Сверление отверстий одностороннее, отверстия устраивались ближе к центру. Изготовление таких пряслиц было возможно в условиях домашних мастерских и не требовало особых материальных затрат.

ХРОНОЛОГИЯ

Вопросы хронологии поселений раннежелезного века Миршадинского района уже рассматривались автором в связи с выделением стратифицированных комплексов типа Кызылтепе. Относительная дата функционирования Кызылча 6 приводилась в предварительных публикациях (Сагдуллаев, 1977; 1980). Раскопки усадьбы показали хронологическую последовательность ее застройки. Разновременные археологические материалы отражают различные этапы обживания дома. Хронология Кызылча 6 основана на стратиграфических данных и сравнительной характеристике производственно-бытового инвентаря.

О начальном этапе обживания Кызылча 6, как было сказано, свидетельствует грубая лепная керамика типа Кызыл I, обнаруженная под полом строительного горизонта I. Она характерна для ряда поселений оазиса. В соседних районах эта посуда обнаружена на Бандыхантепе 1 и Бандыхантепе 2 (Ртвеладзе, 1976, с. 99). По ряду технологических признаков и формам лепная керамика Бандыхантепе 2 и Кызылча 6 относится к позднему этапу развития керамических комплексов типа Кызыл I и, видимо, к концу первой трети I тыс. до н. э.

Строительство на Кызылча 6 архитектурного объекта приходится на время распространения в районе комплекса типа Кызыл II, который существенно отличается от материалов Кызыл I. Строительный горизонт I совпадает по времени с ранним Кызыл II. Это подтверждается сопоставлением археологических данных Кызылтепе и Кызылча 6.

Археологические комплексы типа Кызыл II—III, Яз II—III, Кучук III—IV и Афрасиаб I, относящиеся к предахеменидскому и ахеменидскому времени, получили широкое распространение на юге Средней Азии.

Соотношение строительных горизонтов и мощности культурных слоев в ряде памятников юга Средней Азии начала I тыс. до н. э. выглядит следующим образом:

Слой	Число строительных горизонтов	Мощность, м
Яз II	2	3,0
Яз III	1	0,8—1,8
Кучук III	1	1,0—1,2
Кучук IV	1	1,7
Кызыл II	2	1,8—2,6—3,2
Кызыл III	2	1,2—1,5—2,4

Наибольшее число поселений рассматриваемого времени изучены в долине Сурхандарьи. Как показали раскопки, мощность культурного слоя и количество строительных горизонтов в зависимости от длительности обживания памятников были в отдельных районах различными:

Слой	Поселение	Число строительных горизонтов	Мощность, М
Кызыл II	Кызылтепе	2	2,6—3,2
	Кызылча 6	2	1,3
	Бандыхан 2	2	2,0—2,5
	Буйрати 2	1	0,8
Кызыл III	Кызылтепе	2	1,5—2,4
	Кызылча 6	2	1,4
	Кызылча 1	2	1,3
	Талашкан	2	1,5
	Газимулла	2	2,0

В помещении 5 усадьбы Кызылча 6 (СГ I) были обнаружены бронзовый серп и фрагмент двухлопастного втульчатого наконечника стрелы, близкого по форме к наконечникам стрел СГ II из помещения 6. Эти изделия найдены вместе с хумча и хумами типа Кызыл II, имеющими резко выраженный крючкообразный венчик, и в данном случае керамические комплексы могут быть датированы металлическими изделиями.

Однолезвийные серпы восходят к эпохе бронзы и характерны для широкого круга памятников — Дальверзинтепе (Заднепровский, 1962, табл. XXV, 7), Семиречья (Бернштам, 1950, табл. XXXV, 4, 5); восточного Казахстана (Черников, 1960, табл. XXXVI, 9), бургулюкской культуры (Дуке, 1976, с. 49) и Кучуктепе (Аскаров, Альбаум, 1979, табл. 23, 2).

В комплексах вышеназванных памятников они датируются концом II — первой третью I тыс. до н. э. На Кучуктепе серпы найдены в слоях четвертого строительного горизонта (Кучук II), отнесенных ко второй половине VIII—VII вв. до н. э. (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 66). Серпы бургулюкской культуры датированы IX—VII вв. до н. э. (Дуке, 1976, с. 49), а находки Дальверзина — концом II — началом I тыс. до н. э. (Заднепровский, 1962, с. 64 и сл.). Обращает на себя внимание то, что большая часть бронзовых серпов выявлена на памятниках степного круга, и, по высказанному в литературе мнению, изделия этого типа должны датироваться не позже VIII в. до н. э. (Кузьмина, 1966, с. 55).

Бронзовые двухперые втульчатые наконечники стрел характерны для обширных регионов. Они получили распространение от Скифии до юга Сибири (Смирнов, 1961; Мелюкова, 1964; Киселев, 1949, с. 263, табл. XXVI). По форме головки и размерам они подразделяются на различные подтипы и варианты. Подобные найденным на Кызылча 6 наконечники стрел известны на поселении Якка-Парсан 2 (Итина, 1963, с. 124, рис. 13, 5, 6). Наиболее близкие аналогии находят наконечники из слоя Яздепе I (Мас-сон, 1959, табл. XXXIII, 5, 9, 10) и Кучуктепе II (Аскаров, Альбаум, 1979, рис. 19, 2—5). Они были также распространены на юге Таджикистана (Литвинский, 1968, с. 91), могильнике Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XIII, 6, 7), на поселении Куюсай 2 (Вайнберг, 1977, рис. 2) и усадьбе Дингильдже (Воробьева, 1973, табл. 1 А, 5; Б35). Сходные варианты наконечников отмечаются

в савроматских и скифских комплексах VII—VI вв. до н. э. (Смирнов, 1961, табл. I; Мелюкова, 1964, табл. V).

Хронология изготовления среднеазиатских наконечников стрел колеблется от начала до середины I тыс. до н. э. Несомненно, что все они не идентичны по формам и размерам, однако отражают эволюцию типа листовидного двухлопастного наконечника стрелы с выступающей, либо слабо выделенной втулкой, который получает широкое распространение в культуре скотоводческих и земледельческих племен. Прототипы указанных наконечников стрел в слоях поселений юга Средней Азии II тыс. до н. э. не обнаружены. В литературе генезис двухлопастных втульчатых наконечников связывается с культурами степного круга, а их распространение на юге — с возможным передвижением скотоводческих племен в земледельческие области (Кузьмина, 1966, с. 37).

На юге Узбекистана втульчатые наконечники стрел известны также на Кызылтепе, Бандыхан 2 и Газимуллактепе. На Яздепе они вместе с комплексом других находок датированы IX—VII вв. до н. э. (Массон В., 1959, с. 48), на Кучуктепе — второй половиной VIII—VII вв. до н. э. (Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 64), а найденные в погребениях могильника Уйгарак двухлопастные наконечники стрел отнесены к VII—VI вв. до н. э. (Вишневская, 1973, табл. XXV, 14, 18). Кроме того, мы уже отмечали общие моменты сходства наконечников стрел из Кызылча 6 со скифскими наконечниками VII—VI вв. до н. э.

Проведенные аналогии свидетельствуют о весьма широкой хронологии сопоставляемых металлических предметов — от конца II до середины I тыс. до н. э. Скорее всего, распространение бронзовых однолезвийных серпов и втульчатых наконечников стрел в комплексах тех или иных областей отражает различные этапы развития описываемых изделий, а также свидетельствует о хронологической близости отдельных из них.

Для определения относительной хронологии усадьбы важную роль играют стратиграфические данные, полученные на Кызылча 6 и при изучении других поселений.

В Миршадинском районе наиболее древними являются археологические комплексы Муллалы-Буйрачи I типа Намазга VI, отнесенные нами к 1300—1000 гг. до н. э. Следующий этап представляет стратифицированные материалы Кызыл I, датированные 1000—700 гг. до н. э. (Сагдуллаев, 1978 а, с. 13). Раннее обживание Кызылча 6 (слой I под СГ I), как было отмечено, относится к концу периода Кызыл I или ориентировочно к концу VIII в. до н. э. Культурные наслоения горизонтов I и II усадьбы Кызылча 6 синхронны по времени периоду Кызыл II, датированному 700—550 гг. до н. э. (Сагдуллаев, 1978 а, с. 13). Это подтверждается стратиграфией сравниваемых поселений, вплоть до сходных стандартов сырцового кирпича, не говоря уже о существенной близости производственно-бытового инвентаря.

Керамические комплексы типа Кызыл II, обнаруженные в слоях строительных горизонтов I и II усадьбы Кызылча 6, известны в наслоениях Яз II, среди которых следует особенно выделить хумы и хумча с резко выраженным крючкообразным венчиком (Массон В. М., 1959, табл. XVIII, 8, 12, 15, 17). Аналогичные типы сосудов выявлены на Елькентепе (Марущенко, 1959), Яссытепе (Гутлыев, 1970, рис. 21—23) и в верхних слоях Улутепе (Сарианиди, 1972 а). Керамика типа Кызыл II найдена также в курганах 71 а и 44 а могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, с. 78, рис. 47). В южном Узбекистане она характерна для слоев Кучук II—III (Аскарлов, Альбаум, табл. 16, I, 5; табл. 15, 9, 13, 14), а также Бандыхантепе 2 (Рувеладзе, 1976, с. 99).

Как известно, комплексы Яз II были датированы 650—450 гг. до н. э. Хронология Язтепе исходила из состояния и изученности археологических материалов раннежелезного века, накопленных в Средней Азии к концу пятидесятих годов нашего столетия, и не вызвала в литературе особых возражений. К этому времени поселения Средней Азии эпохи раннего железа в одних областях оставались не изученными вообще, а в других — крайне неравномерно и недостаточно полно. За более чем 25 лет, прошедших после полной публикации материалов Язтепе, в Средней Азии открыты десятки новых памятников раннежелезного века, на многих из которых проведены широкомасштабные исследования. Качественно изменились и количественно возросли археологические источники, следовательно, и фактологическая база, позволяющая ставить и решать весьма актуальные историко-культурные вопросы. Новейший археологический материал показал необходимость удревнения среднеазиатских стратифицированных комплексов типа Язтепе. Например, существенно углублены даты Тилятепе, Кучуктепе и Кызылтепе (Сарианиди, 1977; Аскарлов, Альбаум, 1979; Сагдуллаев, 1978 а).

Необходимость уточнения и дополнения хронологии среднеазиатских комплексов типа Язтепе вызвана объективными фактами, которые получены не только на юге Средней Азии, но и в северных районах. Так, курганы Уйгарака, где обнаружена керамика типа Яз II, датированы VII—VI вв. до н. э. (Вишневская, 1973, с. 78—79, прим. 23), а усадьба Дингильдже, где выявлены материалы, находящие аналогии в инвентаре Яз III, отнесена к V в. до н. э., то есть ко времени позднего Яз II (Воробьева, 1973, с. 207).

Уже в слоях Кызыл II находки бронзовых и каменных серпов, а также некоторые типы наконечников стрел показывали несколько более раннюю дату, чем Яз II, хотя особых различий в керамических комплексах Кызыл II и Язтепе не фиксировалось. Причем бронзовые двухлопастные втульчатые наконечники стрел, характерные для Кызыл II, были известны в более древних слоях Язтепе I, отнесенных к 900—650 гг. до н. э. (Массон В. М., 1959, с. 48, табл. XXXIII, 5, 10).

Вышеприведенные сопоставления позволяют отнести строительные горизонты I и II усадьбы Кызылча 6 к VII—VI вв. до н. э.—ко времени бытования археологических комплексов типа Кызыл II (Сагдуллаев, 1980). Следующие горизонты III и IV отражают развитие других разновременных материалов. Первый синхронизируется с периодом Кызыл III.

В керамике усадьбы типа Кызыл III очень мало сосудов с резко выраженным крючкообразным венчиком. Хумы и хумча имеют валикообразный или плоский подтреугольный венчик, встречаются также фрагменты с отогнутым наружу венчиком. Сравнительно немного лепной посуды. Широкое распространение получили цилиндроконические банкообразные формы с острым либо притупленным вследствие подрезки и заглаживания рукой ребром. Почти все они покрыты ангобом желтого и серого оттенка (рис. 25, 26).

Эта керамика характерна для широкого круга памятников Средней Азии середины I тыс. до н. э. На юге Узбекистана она найдена на Кызылтапе, усадьбах Кызылча 1, 2, 3, 4 и на Газимуллатепе, Бандыхансайтепе, Каратепе, Талашкантепе 1 (Ртвеладзе, 1973; 1976; Заппаров, Ртвеладзе, 1976), Пшактепе (Дуке, 1974), Кучуктепе III и IV (Аскарлов, Альбаум, 1979, табл. 15, 1—8; 16, 17).

Керамический комплекс усадьбы горизонта III находит ближайшие аналогии в материалах Язтепе II и III — небольших цилиндроконических горшках, чашах и тарных банках (Массон В. М., 1959, табл. XII; XXXVII, 2, 39, 10, 14, 18), а также некоторые параллели с посудой Кюзели Гыр (Воробьева, 1959, с. 66) и Афрасиаб 1 (Филанович, 1969, с. 211, 212, рис. 2). В основном это крупные сосуды типа хумов и хумча с уплощенным валикообразным венчиком, а также цилиндроконические банки. Весьма общие сходства наблюдаются в керамике усадьбы Дингильдже (Воробьева, 1973, рис. 33, 34, 39). Основная масса посуды Дингильдже дает как бы переходные типы для раннеантичной керамики и демонстрирует развитие иных форм и технологических признаков.

В Кашкадарьинской области керамика, аналогичная рассматриваемой нами, выявлена на Джартепе 2 (Усманова, 1973, с. 54—55, рис. 1) и Еркургане (Исамиддинов, 1982), а также обнаружена нами при изучении более десяти поселений подгорной полосы средней части бассейна Кашкадарьи (Сагдуллаев, 1984).

Такая посуда найдена также на памятниках северо-восточного Ирана и Афганистана. Она характерна для большинства поселений северного Афганистана ахеменидского времени (Gardin, 1957; Сарияниди, 1977). В других комплексах — Над-и-Али (Chirshman, 1959, р. 44) и Кучанском поселении (Сарияниди, 1972 а, рис. 55) встречаются в основном цилиндроконические банки и чаши. Для комплексов южного Афганистана и Ирана рассматриваемая керамика в целом не характерна и отмеченные вы-

ше формы, по мнению исследователей, могли распространиться здесь под влиянием среднеазиатского гончарного производства (Cattenat, Gardin, 1976, p. 241, fig. 1).

Керамика Кызыл III находит гораздо больше аналогий в комплексе Яз II, чем Яз III. По стратиграфической шкале Кызылтепе она была отнесена к 550—400 гг. до н. э. Весьма близкие даты предложены для слоев Кучук IV — конец VI—V вв. до н. э. (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 67).

На нижнем уровне пола строительного горизонта IV Кызылча 6 встречаются керамические формы типа Кызыл III, наряду с ними распространяется посуда иных форм и технологических признаков (Сагдуллаев, 1980, рис. 4, 5), которая преобладает в слоях, перекрывающих верхний уровень пола. Она все более отличается от широко известного комплекса цилиндроконической керамики середины I тыс. до н. э. (рис. 27, 28).

Важную роль в датировке строительных горизонтов III и IV играет намеченная нами внутренняя стратиграфия усадьбы, которая в значительной мере повторяет стратиграфию Кызылтепе. На последнем, в слоях Кызыл III, были обнаружены двухлопастные втульчатые наконечники стрел. Двухлопастной черешковый наконечник дротика характерен и для верхнего слоя усадьбы. Учитывая все названные обстоятельства в целом, строительные горизонты III и IV ориентировочно следует датировать в пределах второй половины VI—IV вв. до н. э.

Керамические материалы, найденные в слоях СГ IV, условно можно назвать комплексом Кызыл IV, хотя на Кызылтепе аналогичная керамика остается пока неизвестной. Раскопки Кызылча свидетельствуют о том, что независимо от упадка Кызылтепе, некоторые сельские дома-усадьбы продолжали функционировать в древнем оазисе и в IV в. до н. э.

На Яздепе III обнаружена посуда, дающая как бы переходные типы для раннеантичной керамики и демонстрирующая развитие иных форм и технологических признаков. По раскопкам Эрк Калы в Мервском оазисе установлено, что керамика типа Яз III продолжает существовать здесь с посудой «раннеантичного» облика (Усманова, 1963; 1969). Все это не отмечалось в стратиграфии Кызылтепе и Кучуктепе, то есть в слоях указанных поселений недостаточно четко прослеживались переходные керамические формы к раннеантичным типам и к тому же для комплекса Кызыл III характерны бронзовые двухлопастные втульчатые наконечники стрел. Учитывая названные обстоятельства, дата комплекса Кызыл III (из Кызылтепе) не была завышена нами до 350 г. до н. э., как на Яз III, принимая во внимание не только керамические, но стратиграфические различия сравниваемых комплексов (материалы Кызыл III находят больше аналогий в комплексе Яз II, чем Яз III).

Однако эти серьезные расхождения не обратили внимания ряда исследователей, и они предложили завысить дату Кызыл III

до 350 г. до н. э. (Сарианиди, Кошеленко, 1985, с. 187, табл.). Основой этому послужил вывод о том, что керамика типа Яз III «не исчезает внезапно около 400 г. до н. э.» (Сарианиди, Кошеленко, 1985, с. 181). Действительно она не исчезает в это время на Яздепе или Эрк Кале и продолжает бытовать на Кызылча 6 в слоях строительного горизонта IV наряду с посудой новых форм и технологических признаков (Сагдуллаев, 1980, с. 233, рис. 4). Этот материал все более отличается от широко известного комплекса цилиндроконической керамики середины I тыс. до н. э. Однако вновь обратим внимание на то, что Кызылтепе приходит в упадок раньше Кызылча 6, и в слоях первого поселения керамика переходных форм не обнаружена. Поэтому хронология комплекса Кызыл III основана больше на внутренней стратиграфии и меньше на традиционной дате «ахеменидского комплекса».

Не случайно поэтому абсолютные даты среднеазиатских керамических материалов типа Яз II—III различны и весьма противоречивы. Слои Афрасиаб I относятся к VII—VI вв. до н. э. (Филанович, 1969, с. 211) или к VI—V вв. до н. э. (Кабанов, 1973, с. 49—52, рис. 11), либо к V—IV вв. до н. э. (Немцева, 1969, рис. 3—4). В свое время А. И. Тереножкин датировал их V—IV вв. до н. э. (Тереножкин, 1950, с. 153). Ныне для материалов Афрасиаб I, разделенных на Ia и Ib (Кабанов, 1981), предлагается дата VI (?)—IV вв. до н. э., а комплекс Лолазар I в округе Афрасиаба относят предположительно к VII (?)—VI вв. до н. э. (Шишкина, Сулейманов, Кошеленко, 1985, с. 275, табл.). В данном случае возражения вызывает не стратиграфическая шкала Афрасиаба, а приведенные выше хронологические расхождения. Возможно, что и здесь сказывается конкретное влияние традиционной даты «ахеменидского комплекса» в интерпретации различных исследователей. Поэтому едва ли целесообразно продолжать излагать спорную хронологию в пределах всего рассматриваемого региона.

Как было отмечено, термин «ахеменидский комплекс» раскрывает лишь приблизительный временной признак или один из исторических периодов бытования керамического материала в пределах второй половины VI—IV вв. до н. э., так как распространение самих керамических комплексов в Средней Азии, по справедливому заключению М. М. Дьяконова, В. М. Массона, Е. Е. Кузьминой и других исследователей, отнюдь не связано с политикой Ахеменидов.

Расхождение в датировке слоев показывает и хронологическое различие предполагаемого распространения на юге Средней Азии материалов типа Яз II. Если на Яздепе, по мнению В. М. Массона, это середина VII в. до н. э., на Кучуктепе, согласно А. А. Аскарову и Л. И. Альбауму, — VII в. до н. э. в целом, на Тиллятепе, по предположению В. И. Сарианиди, — конец VII в. до н. э., то на Кызылтепе — конец VIII в. до н. э. Пересматривая хронологию Кызылтепе в сопоставлении с материалами Яздепе и Ку-

чуктепе, В. И. Сарианиди синхронизирует по времени два во многом разных комплекса Кучук II и Кызыл II или Яз II и Кучук II (Сарианиди, Кошеленко, 1985, с. 187, табл.). Достаточно отметить, что для Яз II и Кызыл II лепная расписная посуда нехарактерна, тогда как в слоях Кучук II она встречается часто (Аскаров, Альбаум, 1979, табл. 7, 8).

Едва ли оправдано представление о том, что Кызылтепе, Кучуктепе или другие поселения пришли в упадок непременно одновременно с Яздепе, то есть в 350 г. до н. э. (ср. Сараниди, Кошеленко, 1985, с. 187, табл.). С другой стороны, предполагаемый упадок Яздепе в 350 г. до н. э. или Кызылтепе в 400 г. до н. э. вовсе не означает, что комплексы типа Яз III и Кызыл III в других областях внезапно «исчезают». Приведенные даты должны распространяться прежде всего на комплексы Яздепе или Кызылтепе, выделение которых основано на вертикальной внутренней стратиграфии именно этих поселений. Но часто хронология комплексов типа Яздепе, Кызылтепе и Кучуктепе переносится на вновь открытые памятники в региональном масштабе и нередко до раскопок последних, на основе аналогий для подъемного материала. Это привело к тому, что для многих районов Средней Азии хронологически «белым пятном» остается период между 350—300 гг. до н. э.

Если хронологическая лакуна между Яз III и «раннеантичными» комплексами все еще влияет на датировку ряда поселений, то пока не аргументированной остается весьма узкая хронология материалов Тилля III (600—500 гг. до н. э.).

Однако, если комплексы Тилля III, аналогичные Кызыл III, Кучук IV, Яз III, могут датироваться до 500 гг. до н. э. (очевидно из-за небольшого культурного слоя, свидетельствующего об узких хронологических рамках существования комплекса), то, видимо, и хронология Кызыл III до 400 г. до н. э. не должна вызывать сомнения (Сарианиди, Кошеленко, 1985, с. 187), так как она основана на внутренней стратиграфии именно Кызылтепе, а не другого памятника.

Таким образом, обживание усадьбы СГ I—IV предполагается в широких пределах VII—IV вв. до н. э. Эта дата не кажется слишком растянутой, она обусловлена наличием разновременного стратифицированного материала, который обнаружен в слоях строительных горизонтов, отражающих различные этапы застройки и функционирования усадьбы. На первые два нижних горизонта приходится около или немногим более 150 лет, то есть по 75—80 лет бытования построек. Несколькими другими показателями для верхних горизонтов, возможно, более 100 лет для помещений каждого строительного горизонта, а в целом можно допускать, что усадьба функционировала на протяжении 350—370 лет.

Естественно, что эти подсчеты во многом условны, но, видимо, приведенные выше данные близки к исторической действительности. Существование дома одного строительного горизонта

в пределах 75—80 или 100—110 лет вполне допустимо, в зависимости от качества построек и конкретных условий, когда происходило строительство и обживание усадьбы. К примеру, для верхних строительных горизонтов характерны более частые ремонты и перестройки; там значительно толще внутренние стены помещений (на 0,3—0,4 м). Это в некоторой степени объясняет то, что постройки СГ III и IV существовали более длительное время, чем помещения СГ I и II. К тому же, надо учитывать весьма различную социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию, которая оказывала определенное влияние на характер застройки и планировки усадьбы.

Упадок Кызылча 6 произошел внезапно и связан с пожаром и разрушениями, фиксируемыми для СГ IV. Попытки возрождения дома археологически устанавливаются наличием забутовок в помещениях, очажных пятен и хозяйственных ям на гребне древних стен, однако более поздние стены не обнаружены. Не исключено, что в последующем усадьба обживалась не на всей площади и не очень долго. Пока трудно судить о причинах ее упадка. В литературе в качестве свидетельств возможных обстоятельств этого приводилось сообщение Арриана о подавлении Кратером антимакедонского восстания бактрийцев (Ртвеладзе, 1973; Заппаров, Ртвеладзе, 1976, с. 24). Вместе с тем процесс запустения центра древней области бассейна Сурхана — Кызылтапе начинается значительно раньше и уже в V в. до н. э. поселение было обжито не на всей площади. Замирание жизни на усадьбах в IV в. до н. э. знаменует собой всеобщее запустение Миршадинского культурно-хозяйственного района — оазиса. Новый крупнейший оседлоземледельческий оазис с центральным поселением формируется в районе городища Дальверзинтепе у основного русла Сурхандарьи, что связывается с перемещением орошаемых площадей или дальнейшим расширением оседлых зон расселения, началом освоения крупных рек и созданием технически более прогрессивной системы ирригации (Сагдуллаев, Хакимов, 1976, с. 29).

Коренные изменения, происходившие в земледельческих районах юга Средней Азии V—IV вв. до н. э., видимо, следует объяснять кризисом социально-экономической структуры ахеменидской сатрапии в целом, а также формированием новой общественно-политической ситуации, которая проявилась здесь в последней трети IV в. до н. э. в результате походов Александра Македонского. Однако данный аспект является предметом специального анализа и выходит за рамки настоящего раздела.

АРХИТЕКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Изучение генезиса планировочных особенностей оседлых поселений является одной из важных проблем среднеазиатской археологии. В последние годы в ряде работ были обобщены вопросы, связанные с исследованием массовой ар-

хитектуры, общественных и производственных построек, а также планировочных схем поселений юга Средней Азии эпохи бронзы, тогда как изучение в этом аспекте поселений раннежелезного века не полно.

Ряд важных вопросов архитектурной типологии древнейших областей Среднеазиатского региона в сопоставлении с планировочными композициями Передней Азии подробно рассмотрен Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1978; 1982).

Типологическая схема и варианты планировки домов-усадёб Кызылча были известны по раскопкам античных и раннесредневековых памятников Средней Азии, генезис которых из-за отсутствия местных планировочных прототипов проявлялся недостаточно четко.

На протяжении четырех строительных периодов на Кызылча 6 отмечается развитие квадратного в плане здания, организуемым ядром которого является двор. Внешние открытые дворы, обнесённые стеной, имели подсобное значение и в целом не влияли на архитектурно-строительный облик основного комплекса.

По композиционной структуре Кызылча 6 можно отнести в разряд многокамерного здания, представлявшего собой комплекс жилых и хозяйственных построек. Проход в помещения осуществлялся через внешний и внутренние дворы. Последний с западной стороны был закрыт навесом-кровлей, тогда как другие его части оставались открытыми. Такое решение, видимо, было вызвано необходимостью хорошего освещения и климатическими особенностями района (рис. 7, 8).

Генезис усадёб типа Кызылча можно связывать с развитием более ранних поселений юга Средней Азии. Моменты поразительного сходства отмечаются в планировке здания эпохи бронзы, изученного на Келлели 4 в низовьях Мургаба (Масимов, 1986, с. 172, рис. 1). Полностью совпадают и параметры сравниваемых объектов. Келлели 4 представляет собой квадратное здание со сторонами 29,5 м, застроенное узкими продолговатыми помещениями по периметру внешних стен. Однако в отличие от Кызылча на Келлели 4 интенсивно застроена и центральная часть, а снаружи дом оформлен прямоугольными помещениями «башенного» типа, которые с трех сторон (по одной комнате в северной, западной и восточной стороне) расположены посередине внешних стен.

На более крупном поселении Сапалли также изучена многокамерная застройка, представлявшая комплексы жилых и хозяйственных помещений (Аскарлов, 1977). Они расположены по периметру внутренних стен, за которыми чередуются обводные коридоры и длинные коридорообразные помещения (по две с каждой стороны крепости).

Во дворце Дашлы проявляется аналогичная, хотя и несколько сложная планировка (Сарианиди, 1977, рис. 15, 17). Его цент-

ральная часть застроена менее интенсивно, чем на Сапалли, и здесь гораздо больше открытых площадей. Вместе с тем за пределами обводных коридоров построены массивные и обширные здания.

На примере Сапалли и дворца Дашлы 3 проявляется застройка по периметру замкнутого квадратного пространства, однако если проходы в помещения Кызылча 6 осуществлялись только через двор, то в центральную часть Сапалли и объекта Дашлы 3 проходы вели из обводных коридоров.

Г. А. Пугаченкова выделяет для сходных архитектурно-планировочных композиций античного времени «двор в обводе одного ряда комнат» и «двор в обводе коридоров и разнообразных комнат» (Пугаченкова, 1978, с. 24). Кызылча 6 относится к первому варианту, тогда как Сапалли и дворец Дашлы 3, скорее всего, — ко второму. Последний композиционный вариант четко отражен в планировке объекта 2 Алтынтепе 10 (Сарианиди, 1977, рис. 60).

В квадратном здании указанного объекта организующим элементом плана является двор, вокруг которого проходит обводная галерея (рис. 35, 2). Она выводит в узкие коридорообразные помещения, расположенные по периметру внешних стен. Все комнаты имеют отдельные проходы, связаны с обводным коридором.

В планировке устанавливается четкая квадратная композиционная схема. При общем сходстве с Кызылча 6 она отличается наличием обводной галереи, расположением и числом помещений. Планировочная схема, аналогичная объекту 2 Алтын 10, наблюдается также в архитектурных отделах Персепольского дворцового ансамбля (ВИА 1, 1970, с. 259, рис. 8).

Несколько иной вариант демонстрирует планировка объекта 1 Алтын 10 (рис. 35, 3). Он представляет собой крупное прямоугольное здание, разделенное помещениями в центре на два прямоугольных двора, по трем сторонам которого устроены многоколонные айваны (Сарианиди, 1977, рис. 59). Они расположены в обводе дворов по периметру внешней стены. По этим признакам сходство с застройкой Кызылча 6 очевидно.

Вышеприведенные сопоставления свидетельствуют о развитии в Бактрии композиционных схем, представляющих застройку вокруг внутреннего двора с обводной галереей либо без нее. Причем по форме здания подразделяются не только на квадратные и прямоугольные, но и круглые. Последние демонстрирует планировка храма Дашлы 3 и Кутлугтепе (Сарианиди, 1977, рис. 11, 55). Храм Дашлы 3 представляет застройку в центре и вокруг круглого двора в обводе коридора и башнеобразных помещений по его периметру. На Кутлугтепе отмечаются две обводные галереи, внешняя из которых без построек. Помещения здесь расположены внутри центрального двора и первой обводной галереи (рис. 35, 13).

Квадратная прямоугольная и округлая планировка характерна для ряда поселений бассейнов рек Сурхана и Балхаба. Так, квадратная крепость с башнями и мощными оборонительными стенами выделяется в планировке Бандыхантепе 2 VIII—VII вв. до н. э. (Ртвеладзе, Хакимов, 1975), прямоугольным является Кызылтепе (Сагдуллаев, Хакимов, 1976), а тип округлых поселений демонстрируют Алтындыльяртепе (Кругликова, Сарияниди, 1976) и Талашкантепе I (Заппаров, Ртвеладзе, 1976). Указанные памятники имеют сложную планировку, многочастное деление и, как правило, занимают обширную территорию. Тем не менее все это обобщено определенными архитектурно-планировочными канонами, характерными, как для небольших, так и для крупных поселений. Сам факт свидетельствует об общих планировочных приемах, присущих для разного рода объектов, что, видимо, было обусловлено целенаправленной строительной деятельностью и конкретной социально-экономической и общественно-политической ситуацией.

Планировочная структура дома-усадыбы Кызылча 6 во многом связана с эволюцией древневосточных зданий этого типа. Наиболее ранние генетические прототипы наблюдаются в архитектуре Двуречья второй половины — конца IV тысячелетия до н. э. (Мы подразумеваем не прямые аналогии, а общность композиционной схемы). Уже в планировке храмов в Эриду и Уруке имеет место застройка в обводе внутреннего двора (ВИА 1, 1970, с. 199, рис. 4—5), а небольшой жилой дом в Уре начала II тыс. показывает формирование подквадратного здания, семь помещений которого располагаются вокруг двора (ВИА, 1970, рис. 12). Все они связаны с последним отдельными проходами, а сам двор является организующим ядром плана здания. Если на примере вышеуказанных храмов отмечается прямоугольная форма дворов и архитектурных ансамблей, то жилой дом в Уре — квадратный.

Характерной особенностью Кызылча 6 и объекта Алтын 10 является развитие почти строго квадратного в плане здания с четкой регулярной структурой и с упрощенной, на первый взгляд, планировкой. На Кызылча 6 выделяется двор, один ряд прямоугольных помещений в его обводе и внешняя массивная стена по периметру построек и двора. Как подчеркивалось в литературе, по перечню основных планировочных компонентов усадьба Кызылча 6 соответствует описанию жилища во втором фаргарде Видевдата (Гуревич, 1979, с. 93). В числе возможных прототипов авестийской «вары» уже сравнивались древнехорезмийские городища с жилыми стенами (Толстов, 1948, с. 77) или поселения Сапалли и Дашлы 3, а также отличающееся от них застройкой, размерами и общей планировкой Кучуктепе (Аскаров, 1977, с. 143).

Археологические источники имеют большое значение для сопоставления с письменными данными, однако локализация вары, как и ее хронология, остается неизвестной.

Независимо от окончательного решения вопроса, формирование квадратного в плане дома-усадьбы, видимо, имеет и древнебактрийские генетические истоки, продолженные и разработанные на новой основе в последующее время. Рассмотрим это обстоятельство по археологическим данным отдельных исторических областей Средней Азии.

Бактрия. Здесь раскопаны семь относительно небольших объектов предахеменидского и ахеменидского периодов. Эволюция квадратных в плане поселений прослеживается по планировке ряда памятников. Выше было сказано о генезисе округлых и прямоугольных поселений Бактрии. Все они демонстрируют линию развития, преемственную в пределах середины II тыс. до н. э.—IV в. до н. э.

Для античного времени предполагается сохранение композиционного типа «двор в обводе коридоров и разнообразных помещений», а также типа «зал в обводе кулуара и разнообразных помещений» (Пугаченкова, 1978, с. 24). В последнем случае вместо внутреннего двора создается центральный зал. Вместе с тем близкие к планировке Кызылча 6 и объекта 2 Алтын 10 строения выявлены на Ай-Ханум. Здание в северо-западном углу дворцово-административного комплекса этого городища повторяет композицию Кызылча «двор в обводе помещений», а планировка комнат, их расположение и наличие обводного коридора в одной из сторон здания перекликается с застройкой объекта 2 Алтын 10 (Bernard, 1982, p. 133). В данном случае, в грекобактрийской архитектуре наблюдается продолжение более ранних местных строительно-планировочных традиций.

Строительство продолговатых комнат с двух сторон внутреннего двора, разделенного в центре узким помещением, отмечается в здании Пшактепе, которое определяется как «мемориально-культовый комплекс», «патриархально-семейный мавзолей» конца VII—VI вв. до н. э. (Аскаров, 1983, с. 32, 41).

К началу раскопок Кызылча I в 1981 г. обводные стены усадьбы и помещения местами по верхней части были распаханы. Раскопками вскрыты три помещения, намечены контуры еще четырех и установлены размеры двора (рис. 6). Все это позволило реконструировать планировку Кызылча I.

В основу жилого комплекса этой усадьбы положен квадрат, достигавший в стороне около 25 м. По периметру внутреннего двора 12×12 м здесь, как и на Кызылча 6, располагался один ряд коридорообразных помещений (по две комнаты по сторонам двора и одно входное помещение). Внешний огороженный стеной двор имел прямоугольную форму размерами 25×20 м.

В северо-западной стороне дома расположены помещение 1 (7,5×2,4 м) и помещение 9 (6,5×2,5 м). Во внешней стене первого устроена полуовальная ниша глубиной около 1 м, по сторонам которой отмечаются вентиляционные либо световые отверстия.

В юго-западной части раскопаны помещения 2 и 3 размерами 8,1×2,5 м и 6,8×2,5 м. Планы помещений 4, 5, 6, 7 и 8 восстанавливаются по частично сохранившимся стенам и внутрикомнатным перегородкам, позволившим наметить их размеры, составлявшие соответственно 8,2×2; 5,4×2,1; 6,3×2,2; 4,5×2,3; 6,2×2,3 м.

Раскопки велись по уровню сохранившегося строительного горизонта, материалы которого по аналогии с комплексом Кызылча 6 и Кызылтепе могут быть датированы VI—V вв. до н.э. Под этим уровнем располагается нижний строительный горизонт, однако выступившие подпочвенные воды не позволили изучить его.

Обращает на себя внимание взаимосвязь помещений 1 и 2, а также 5 и 6, либо помещений 7, 8 и 9. Они связаны друг с другом внутрикомнатными проходами шириной 0,6—0,8 м и имеют общий выход во внутренний двор (рис. 6).

Назначение комнат из-за плохой сохранности установить весьма сложно. Можно лишь отметить, что здесь так же, как и на Кызылча 6 выделяются изолированные самостоятельные отсеки, состоящие из одного (комн. 3), двух (пом. 1 и 2; 6 и 5) и трех (7, 8, 9) строений в различных частях дома. Такое расположение было, видимо, обусловлено назначением помещений.

По планировочной композиции Кызылча 1 не отличается от застройки Кызылча 6, хотя уступает последнему в размерах. Общая площадь застройки жилого комплекса Кызылча 1 достигала 625 кв. м, из которых 144 кв. м занимал двор. Площадь внешнего двора 500 кв. м. Если общая площадь Кызылча 6 вместе с внешними дворами составляла 1 600 кв. м, то Кызылтепе 1 — 1 125 кв. м. Для сравнения укажем, что площадь еще одной хорошо сохранившейся усадьбы Кызылча 2 достигает 840 кв. м. По этим показателям в Миршадинском районе можно выделить крупные, средние и малые дома-усадьбы.

Северная Парфия. К типу квадратных в плане зданий относится известный объект в Старой Нисе, назначение которого вызвало в литературе весьма различные предположения (Пугаченкова, 1958; 1978, с. 19 и сл.; Кошеленко, 1966; Гуревич, 1979, с. 93). Не анализируя подробности дискуссий, остановимся лишь на общих положениях архитектурной типологии здания.

После археологических открытий в Бактрии разработка архитектурной типологии Квадратного дома в Старой Нисе и его эволюционная связь с более ранними среднеазиатскими прототипами становится вполне объяснимой. При сравнении планировки описываемого объекта Нисы и дома-усадьбы Кызылча 6 прослеживаются следующие моменты сходства:

1. Общая планировочная композиция с учетом центрального двора и одного ряда комнат по его периметру.

2. Единственный проход в пространство двора, расположенный в одном из углов здания.

3. Наличие независимых выходов из помещений во двор.

4. Устройство пристенных суф и портика-айвана над двором (в Квадратном доме айван прослеживается по всем сторонам двора, тогда как на Кызылча 6 его наличие удалось установить лишь в западной части двора).

Характерная отличительная особенность Квадратного дома наблюдается в устройстве перекрытия комнат, которое поддерживали ряды из четырех колонн. Само здание (60×60 м) в два раза крупнее дома Кызылча 6, однако внешние стены первого менее массивны и по толщине совпадают с внутренними стенами. Несомненно, Квадратный дом демонстрирует дальнейшее развитие центральной композиции с двором на новой основе, сохраняя при этом архаичные организующие элементы плана, известные в древнебактрийских архитектурных прототипах, прежде всего в жилых. Последнее обстоятельство позволило сделать в литературе предположение о том, что квадратный дом был построен как «символическое родовое жилище — памятник Аршакидов — типа царской сокровищницы» (Гуревич, 1979, с. 93). Ранее исследователи считали Квадратный дом аудиенц-залом, которому в эпоху Аршакидов были приданы «качества зала обожествленных предков» (Пугаченкова, 1959, с. 93) или оговаривали дворцовое в своей основе назначение Квадратного зала, который позднее как памятник родоначальникам династии «обрел функции дома обожествленных предков» (Пугаченкова, 1978, с. 19, 21).

После открытия в западной части двора Кызылча 6 навеса-айвана, а также айвана на объекте 1 Алтын 10 можно допускать не столько чисто греческое происхождение дворовой колоннады Квадратного дома с переработкой мотивов архитектуры более западных областей и происхождение рассматриваемой архитектурной композиции от эллинистических жилых домов, сколько местную, видимо, бактрийскую основу всей этой композиции.

Не исключено, что дальнейшие археологические исследования в Парфии выявят более ранние местные прототипы Квадратного дома. Наличие же таковых в соседней Бактрии свидетельствует о сходном пути развития древнего зодчества юга Средней Азии и указывает на разработку во многом общей или даже единой архитектурной типологии зданий.

Результаты раскопок последних лет в северной Парфии показывают, что планировка домов, организующим элементом плана которых является двор в обводе помещений, становится характерной в античной архитектуре сельских поселений области. Это наглядно иллюстрирует план верхнего здания Кошадепе, датированного II—I вв. до н. э. (Пилипко, 1980, с. 23, 214, рис. 1). Здание имеет неправильную прямоугольную форму с общим проходом во внутренний двор, по трем сторонам которого располагаются коридорообразные помещения. В качестве предположения рассматриваемый дом считается «родовой усадьбой» (Пилипко, 1980, с. 229). К близкому типу, видимо, можно отнести дом № 3,

раскопанный в местности Гарры-Кяриз, хотя он демонстрирует развитие несколько отличного композиционного варианта (Пилипко, 1970, рис. 25).

Согд. Долгое время в этой области полностью изученным оставался квадратный дом в Кызылкыре (ВИА 1, 1970, с. 356, рис. 10), обладающий моментами сходства с планировкой Гарры-Кяриза и храма огня на Сурх-Котале, а также с застройкой кушанского форта в Беграме (Пугаченкова, 1978, с. 23, рис. 6).

Главным организующим ядром плана Кызылкыра является центральное квадратное помещение, вокруг которого по периметру здания устроены четыре комнаты. Все они связаны с центральным помещением отдельными проходами. Основной проход в дом располагался в юго-западном углу здания. По ряду планировочных компонентов жилой дом Кызылкыра находит существенные аналогии в застройке Кызылча 6. Однако в первом вместо внутреннего двора устроено центральное помещение. Известные моменты сходства наблюдаются и в форме сравниваемых домов, хотя архитектурный комплекс Кызылкыра (23×23 м) несколько уступает в размерах Кызылча 6.

Общие данные для античных домов (композиция двора в обводе помещений) известны по материалам Кашкадарьинской области. К этому типу относится Гаумурдатепе, в центре которого выделяется подпрямоугольный двор. В северо-западном углу поселения располагался основной проход. Конфигурация бугра предполагает наличие здесь массивных внешних стен, имевших, возможно, оборонительное значение.

Одним из древних в Согде является объект в Канмехском районе Бухарской области, предварительно датированный VI—V вв. до н. э. (Мухамеджанов, Валиев, 1977). В информационной заметке сообщается, что размеры поселения 44×50 м, «вскрыты девять помещений и внутренний дворик» (Мухамеджанов, Валиев, 1977, с. 535). Не исключено, что указанный объект относится к близкой Кызылча 6 типологической композиции, однако мы пока не располагаем материалом для сравнений.

Хорезм. Благодаря раскопкам в урочище Дингильдже и исследованиям большого числа античных поселений в других районах, здесь накоплен солидный материал для изучения древне-хорезмийского сельского жилища (Воробьева, 1973; Неразик, 1976).

Усадьба Дингильдже V в. до н. э. демонстрирует отличающийся от планировки Кызылча 6 тип поселения, связанный с местными строительными традициями. Некоторые моменты сходства можно отметить в расположении помещений хозяйственного жилого комплекса Дингильдже по трем сторонам двора, который с запада ограничен длинным коридором (Воробьева, 1973, рис. 6), однако помещения здесь изолированы от двора и не связаны с ним отдельными проходами. Так, из западной половины дома во двор можно было попасть только через коридор. Такая компо-

зиционная схема наблюдается в планировке объекта 2 Алтын 10 (Сарианиди, 1977, рис. 60), однако на Дингильдже коридор проходит не по периметру, а лишь по одной стороне двора и разделяет дом на две части — западную (четыре помещения) и восточную (три помещения) со двором в южной стороне.

Западная половина дома Дингильдже напоминает планировку нижних строительных горизонтов Кучуктепе. Организующим ядром сравниваемых объектов является коридорообразное помещение, которое в центре связано проходами с комнатами северной и южной сторон, а также выходящее на Дингильдже в коридор, а на Кучуктепе — во двор (рис. 35, 8—11).

Дом Дингильдже окружает глинобитная ограда, благодаря которой с юга и запада образуются незастроенные открытые площади. Такая ситуация характерна и для Кызылча 6 (горизонт 2 и 3), когда с юга к архитектурному комплексу пристраивается огороженный стеной внешний двор. Вышеприведенные сравнения позволяют наметить некоторые планировочные сходства поселений древнего Хорезма и юга Средней Азии.

Разработка композиционной схемы «двор в обводе» одного ряда комнат прослеживается в некоторых античных домах Хорезма, например, в застройке дома № 3 Джанбаскалинского поселения (Неразик, 1976, с. 25, рис. 8). Прямоугольный внутренний двор 11×16 м занимает центральное положение. У двух противоположных стен по сторонам двора устроено несколько помещений. Более разработанная система аналогичной застройки наблюдается в квадратной усадьбе близ Аякалы 11 (рис. 35, 7), датированной VI — началом VII вв. (Неразик, 1976, с. 62, рис. 32).

По мнению Е. Е. Неразик, для первых веков нашей эры в Хорезме как один из типов домов функционировали здания, представлявшие собой «каре построек», располагавшихся вокруг двора (Неразик, 1976, с. 159). Однако дома этого типа здесь не раскапывались. Обращает на себя внимание тот факт, что для Хорезма вплоть до раннесредневекового времени квадратные в плане усадьбы с внутренними дворами в обводе помещений по его периметру остаются не выявленными. Возможно, их отсутствие объясняется также тем, что рассматриваемая композиционная схема не получила здесь столь широкого распространения, как на юге Средней Азии в предахеменидский и античный периоды. Наряду с этим в Хорезме обнаружены квадратные в плане крепости середины I тыс. до н. э., например, у Тупраккалы, где застройка была осуществлена по периметру оборонительных стен толщиной 3,5 м вокруг обширного центрального двора (Неразик, 1976, с. 19, 20).

Такие поселения находят определенные сходства в планировочной структуре Кызылча 6, хотя назначение первых остается пока открытым. Все это, видимо, отражает развитие в среднеазиатском регионе единых приемов строительной техники. Вместе

с тем в архитектуре некоторых объектов Хорезма ахеменидского и особенно античного времени проявляется ряд локальных различий, показывающих формирование архитектурно-планировочных канонов, характерных для данного региона, что позволяет выделить его в самостоятельную строительно-архитектурную провинцию. Однако генезис архаичных поселений Хорезма, где появляются первые глинобитно сырцовые здания из-за отсутствия более ранних местных источников, остается во многом неисследованным.

Вышеизложенные положения позволяют сделать некоторые выводы. Композиция зданий, организующим элементом плана которых был двор, прослеживается в развитии древневосточной архитектуры с эпохи энеолита. На территории Бактрии эволюция рассматриваемой архитектурно-планировочной схемы, по имеющимся данным, начинается в эпоху бронзы, когда здесь формируются поселения квадратной, прямоугольной и округлой планировки.

Генезис композиции на новой основе и дальнейшей разработки отражает застройка Кызылча 1, 6, объекта 2 Алтын 10 и Кутлугтепе, объекта 1 Алтын и др.

В эпоху раннего железа в Бактрии вырабатывается несколько планировочных вариантов небольших зданий — двор в обводе одного ряда комнат, расположенных по периметру массивной внешней стены (Кызылча 1, 2, 6), планировка хозяйственно-жилого комплекса квадратная; двор в обводе коридора и помещений (Алтын 10, объект 2), планировка квадратная; частично застроенный двор в обводе застроенной галереей (Кутлугтепе), планировка круглая; двор в обводе айвана с застройкой в центре и по углам, планировка прямоугольная (Алтын 10, объект 1); композиция со сплошной застройкой внутри подквадратного пространства с учетом небольшого дворика у основного прохода в дом (Кучуктепе). Гораздо более сложную планировку демонстрируют крупные поселения Бактрии эпохи раннего железа.

Если на Кызылча 6 площадь внутреннего двора больше, нежели общая площадь построек, то на объекте 2 Алтын 10 полезная площадь помещений больше двора; а на Кучуктепе внутренний дворик не превышает размеров одного из соседних помещений дома, к тому же он не составляет здесь организующего ядра архитектурной композиции.

Перечисленные выше архитектурно-планировочные варианты для Бактрии, северной Парфии, Согда получают продолжение и дальнейшую разработку. В литературе отмечены различные типы и варианты зданий с центральным двором или залом, характерные для Бактрии, северной Парфии, Согда (Пугаченкова, 1978). Сельские поселения Хорезма этого времени демонстрируют за редким исключением совсем иные типы. И хотя, по мнению исследователей, дворы и залы как планировочный элемент характерны для хорезмийских зданий, тем не менее они не слу-

жили организующим ядром композиции местных домов (Неразик, 1976, с. 168).

Г. А. Пугаченкова на основе тщательного анализа архитектурной типологии древнейших памятников Среднего Востока выделила бактрийско-маргианский региональный архитектурный комплекс, который, по мнению исследователя, имел в первой половине I тыс. до н. э. ряд своеобразий в сравнении с месопотамскими и западноиранскими архитектурно-планировочными традициями (Пугаченкова, 1982, с. 38). Определенные различия проявляются как в монументальной, так и в рядовой жилой застройке (Chirshman, 1954).

Вместе с тем, если рассматривать цивилизации Древнего Востока как центры распространения передовых достижений в строительстве и архитектуре, то Бактрия и Маргиана уже в эпоху бронзы испытывали определенные культурные влияния этих цивилизаций. Это проявляется не только в архитектуре, но и в искусстве, особенно при изготовлении однородных высокохудожественных металлических изделий (Сарианиди, 1986).

Внешние воздействия способствовали распространению экономических, технологических и культурных новшеств из одних областей в другие, а внутренние закономерности развития конкретного общества в дальнейшем придавали им ряд локальных своеобразий. Далеко не случайно уже в архитектуре Ура периода III династии при застройке так называемого теменоса — «священного участка» — можно найти общие аналогии планировки Кызылча (двор Наннара), а также планировочной композиции объекта 2 Алтын 10 (здание Э-нун-мах) (Ллойд, 1984, с. 113, рис.). Причем различные варианты строительства по периметру двора в обводе одного и двух рядов комнат получают дальнейшее развитие в Передней Азии и в последующее время (Хинц, 1977, с. 118, рис. 31; Ллойд, 1984, с. 212).

Эта планировочная схема была распространена и в архитектуре Урарту, в жилых домах-особняках и жилищах воинов в цитадели города Аргиштихинили (Мартirosян, 1974, с. 90, сл., 104), что еще раз свидетельствует о наличии близких вариантов архитектурно-планировочных схем в отдельных областях Ближнего и Среднего Востока независимо от территориального отдаления и разного хронологического бытования.

Наличествуют отдельные однопорядковые или близкие типологические схемы, получившие широкое географическое распространение. Однако выделение Г. А. Пугаченковой бактрийско-маргианского регионально архитектурного комплекса представляется принципиально важным для изучения характерных особенностей и закономерностей в эволюции древней архитектуры Средней Азии.

С эпохи бронзы Бактрия и Маргиана постепенно начинают играть роль конкретного среднеазиатского центра высокоразвитых культур и многие новшества архитектуры и строительства,

получившие здесь первоначальное распространение, передаются затем более широкому кругу оседлых областей Средней Азии. Во всяком случае, стандартный крупный формат прямоугольного кирпича, выделенные выше архитектурно-планировочные композиции некоторых жилых домов, сельских усадеб и культовых зданий, а также фортификация с учетом полуовальных башен с бойницами и внутрстенными стрелковыми казематами, получившие распространение в VII—VI вв. до н. э. в ряде районов Средней Азии, являются бактрийско-маргианской или бактрийской культурной инновацией, во многом уже отличающейся от ирано-мидийской и нововавилонской культурных традиций.

Как показывают новые археологические исследования поселений раннежелезного века в Южном Согде, внешние культурные импульсы, исходившие из Бактрии, фиксируются в культуре первой области достаточно четко (Сагдуллаев, 1984). Причем поразительное сходство археологических материалов и типов поселений начала I тыс. до н. э. (например, Сангиртепе в долине Кашкадарьи и Бандыхантепе I в бассейне Сурхана и других) позволяет ставить вопрос о прямой миграции оседлого населения древней Бактрии в Южный Согд.

Ранее В. М. Массон специально подчеркивал возможность распространения техники домостроительства глинобитно-сырцовый и прямоугольного сырцового кирпича в Хорезме в результате маргиано-парфянского культурного влияния (Массон, 1959, с. 54). Обращает на себя внимание и сравнение планировки круглых зданий Хорезма и Северного Афганистана (Сарианиди, 1977).

Все это свидетельствует о распространении различных строительно-архитектурных нововведений в отдельных областях Средней Азии в результате тесных культурных контактов и, очевидно, миграционных процессов, характерных для древности и отражающих закономерный процесс расширения территорий расселения скотоводов и земледельцев.

Необходимо отметить, что в раннежелезном веке экологические и социально-экономические условия продолжали влиять на планировку поселений, но размеры последних, фортификация и характер застройки все чаще определялись общественно-политической ситуацией. По сравнению с эпохой бронзы в планировочной схеме происходили различные структурные изменения, а в строительстве и архитектуре наблюдалась прогрессирующая эволюция.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Древние поселения содержат существенные материалы для реконструкций историко-культурного порядка. В условиях почти полного отсутствия письменных данных археологические комплексы приобретают значение важнейшего источ-

ника изучения культурной, хозяйственной и социальной истории древних обществ Средней Азии. Это подтверждается конкретным анализом материалов ряда разновременных среднеазиатских поселений, типологически и функционально отличавшихся друг от друга.

Для социально-экономических обобщений по данным жилищ и поселений выработаны методические основы исследований (Массон В. М., 1976, с. 110 и сл.; Неразик, 1978, с. 8 и сл.), составлены программы для сбора этнографического материала (Васильева, Махова, 1961) и созываются специальные семинары. Перед ними стоит цель разработки общих теоретических и практических оценок материалов поселений как источника историко-культурной и социально-экономической интерпретаций.

Изучение планировки Кызылча 6 позволило охарактеризовать архитектурную типологию объекта и по предварительным данным, на основе материалов верхних строительных горизонтов, поставить вопрос о назначении помещений (Сагдуллаев, 1978, с. 9—10; 1980; 1981). Основная задача функциональной классификации учитывала выбор необходимых признаков, в числе которых — размеры, планировки и внутренний облик помещений, распределение в них очагов, суф, находки и их назначение, а также концентрацию разных типов производственно-бытового инвентаря в отдельных комнатах.

Функция помещений. Площади комнат усадьбы Кызылча 6 различны и составляют в среднем следующие показатели:

Помещения	Площадь м ²			
	СГ I	СГ II	СГ III	СГ IV
1	27,07	27,00	19,68	20,00
2	27,54	27,54	21,50	25,50
3	13,00	13,00	13,00	13,00
4	21,32	20,60	20,47	12,60
5	25,76	25,76	12,48	12,48
6	22,15	22,00	12,00	12,00
7	26,40	23,57	21,00	12,00
8	23,10	23,92	18,09	18,00
9	18,75	20,65	6,48	6,48
10	—	—	16,50	7,36
11	—	—	9,97	15,90
12	—	—	17,38	7,50
13	—	—	—	16,50
Итого:	9—13	198,02	199,97	192,32
				186,32

Суфы-лежанки характерны для помещений: 5 — СГ I—II и 2, 3, 6, 8, 9 — СГ III, IV с остатками циновки на полах, аккуратно обмазанных глино-саманной смазкой, покрывающей также стены. Керамика из них представлена в основном столовой посудой; в числе других находок — фрагменты зернотерок, каменные грузики, металлические серпы, наконечники стрел, мелкие бронзовые и железные изделия, пряслица. Комплекс данных позволяет отнести эти помещения к жилым. Таким образом, характер-

ными признаками жилых комнат усадьбы являются суфы-лежанки, следы циновок на полу, обогревательные очаги и массовость находок.

В северо-западном и юго-западном углах усадьбы находились специальные хранилища — складские помещения — 1, 7 (СГ III, IV). Их интерьер довольно прост: стены и полы без штукатурки, отсутствуют обогревательные или кухонные очаги. Среди находок абсолютно преобладают данные части и фрагменты тулова крупных толстостенных сосудов типа хумов и хумча, употреблявшихся для хранения сельскохозяйственных продуктов.

Для общих сравнений приведем в таблице показатели преимущественного распределения находок в помещениях СГ I и III.

<i>Находки</i>	<i>Помещения СГ I</i>	<i>Помещения СГ III</i>
Столовая посуда	4 5 8	2 3 4 6 8 11
Кухонная	4 8	410 11
Хозяйственная	146	1 47
Зернотерки	1469	5 47
Ступки	4 9	12
Песты	9	5 7
Терочники	4	5 4
Ножи	1	7
Серпы	5	8
Наконечник стрел	5 6	7
Пряслица		5 3
Поделки	5	5
Заготовки		5

Помещение 4 насыщено фрагментами посуды со следами копоти, нагара и остатками пищи. В керамическом комплексе выделяются лепные и станковые котлы. Здесь установлено наличие пристенных очагов, выгребной зольной ямы и крупной подставки. Обращают на себя внимание орудия типа точильных камней, зернотерок и ступок. Очаги служили для приготовления пищи, а само помещение играло роль кухни.

Рядом с кухней в восточной половине дома (пом. 8 — СГ I, II; пом. 10, 11 — СГ III; пом. 11, 12 — СГ IV) располагалась, видимо, трапезная. На это указывают следы органических пятен — остатки пищи, содержащие втопанные в пол кости животных, наличие пристенных скамеек в помещении 11 (12), а также многочисленные фрагменты кухонно-столовой посуды, обнаруженные здесь.

Перечисленные данные позволяют поставить вопрос о наличии в доме двух хранилищ, четырех жилых комнат, кухни и столовой. Кроме того, в планировке СГ III и СГ IV выделяется небольшая производственная мастерская (пом. 5). Здесь найдены заготовки для каменных орудий или уже готовые, но еще не применявшиеся в хозяйстве изделия, а также мелкие поделки, пряслица и керамические диски, выточенные из стенок сосудов, гип-

совая форма для отливки мелких бронзовых изделий и лепные светильники-чираги.

Наличие в доме жилых, хозяйственных, производственных и кухонно-столовых помещений позволяет функционально рассматривать их как индивидуальные строения (самостоятельные хозяйственно-бытовые единицы), что визуально прослеживается и в общей планировке здания.

В северной части дома располагались две жилые комнаты, в южной — хранилище-хумхана и жилая комната, в западной — жилая комната и хранилище, в восточной — кухня, столовая и вход-помещение типа «дарвазахоны», известной по этнографическим данным. В планировке верхних горизонтов это соотношение несколько нарушается устройством производственной мастерской (помещение 5) в западной стороне усадьбы Кызылча 6.

Назначение отдельных строений усадьбы определяется довольно четко. Все помещения планировочно и функционально являются частью здания, которое можно отнести к типу многоквартирного дома, представлявшего собой комплекс жилых и хозяйственных построек.

Особая роль принадлежит также центральному двору, где, надо полагать, сосредоточивалась хозяйственная деятельность обитателей усадьбы в летнее время. Кроме того, здесь располагались кухонные очаги и тандыры для выпечки хлеба.

Внешний двор, где фактически не было находок и следов долговременных глинобитных строений, служил, очевидно, загонem для скота как обширное, огороженное стеной пространство.

Для нижних горизонтов жилые комнаты занимают несколько большую площадь, чем хозяйственно-бытовые постройки, тогда как последние в планировке СГ III и IV превышают общие размеры жилых комнат. Уменьшение жилой площади дома, возможно, было связано с изменением численности обитателей усадьбы или же с интенсификацией производственно-хозяйственной деятельности последних (это документируется, например, устройством домашней мастерской в западной половине усадьбы).

Традиции многоквартирного домостроительства восходят в Средней Азии к глубокой древности. Уже в эпоху позднего энеолита на юге Туркмении выделяются многоквартирные дома-массивы, имеющие общий хозяйственный двор и кухни (Сарианиди, 1965, с. 13 и сл.). Анализ этих построек позволил предположить, что они были рассчитаны на многосемейную (домовую) общину, состоящую из нескольких малых семей, «живущих под общей крышей и ведущих общее хозяйство» (Массон В., 1976, с. 120).

На Алтындепе раскопаны многоквартирные дома, включающие жилые комнаты с отопительными очагами, отдельной кухней и хозяйственным двором (Массон В., 1972, 1976, с. 121). Наряду с крупными поселениями в южной Туркмении выделяются мелкие населенные пункты эпохи бронзы типа Шордепе, Тайчанакдепе

и др. (Щетенко, 1969, 1970), назначение которых остается пока неизвестным.

Раскопанные полностью поселения Бактрии эпохи бронзы исследователи склонны рассматривать как родовые поселки, состоящие из отдельных массивов-кварталов (Аскаров, 1977, с. 132 и сл.), либо полагать, что ряд из них выполняли дворцовые и храмовые функции (Сарианиди, 1977).

По мнению Аскарова А. А., на Сапаллитепе обитало восемь большесемейных общин, проживавших в многокомнатных жилых комплексах (1977, с. 142). При этом оговаривается, что у каждой большой семьи было свое отдельное хозяйство, то есть такие коллективы представляли самостоятельные хозяйственные единицы, существующие в рамках крупного социального организма.

На поселениях северного Афганистана эпохи бронзы В. И. Сарианиди также выделяет многокомнатные жилые и хозяйственные строения, принадлежавшие большим семьям. В частности, к этому типу относятся здания, возникшие на руинах дворца Дашлы-3 (Сарианиди, 1977, с. 134). Наряду с рядовыми выделяются храмовые постройки, обитатели которых были заняты преимущественно земледелием. В. И. Сарианиди предполагает наличие в североафганском регионе двух секторов землепользования — частного и храмового.

Тип многокомнатного дома, возникшего в Средней Азии, по-видимому, в позднем энеолите, сохраняется также в эпоху бронзы и получает дальнейшее развитие в раннежелезном веке. Исследователи допускают существование большесемейных общин и наряду с этим — общественно-экономическое обособление малых семей, продолжающих проживать в домах-массивах III—II тыс. до н. э. (Массон В. М., 1972, с. 9, 1976, с. 122).

Комплекс данных Кызылча 6 не позволяет считать, что домовладение принадлежала малой семье.

В четырех жилых комнатах здесь могло проживать соответствующее число малых семей, объединенных в рамках большесемейной общины, которая представляла собой единый в экономическом отношении коллектив. Хранилища-кладовые, кухня, столовая, видимо, были для всех общими. Думается, что община Кызылча 6 была патриархальной, связанной общностью происхождения по отцовской линии.

Большесемейная община длительное время сохранялась в ряде районов Средней Азии и других сопредельных областях. Ее характерными чертами оставались принцип расселения семейно-родовыми группами или территориальными землячествами (сб. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, 1966, с. 65), наличие домов, где большие семьи включали малые, ведущие совместное хозяйство (Кисляков, 1936; Андреев, 1958), раздел общинных земель по семейным очагам или с учетом численности семей, тогда как пастбища и другие угодия оставались в совместном пользовании (Давыдов, 1979, с. 112—115).

Известные параллели наблюдаются и в архитектуре усадеб. Для позднесредневекового времени также характерны хозяйственно-жилые комплексы с расположением помещений в обводе двора (Жилина, 1978, с. 57 и сл.), обитатели которых представляли большесемейную общину с главой в лице отца или старшего брата. Кухня и кладовые являлись общими, хотя по ряду признаков отмечалось частичное экономическое обособление малых семей (Жилина, 1978, с. 59).

Палеодемография. При решении вопроса о численности обитателей усадьбы мы учитывали разработки, принятые в среднеазиатской археологии. Для сравнения приведем палеодемографические расчеты, применяемые к разным поселениям (от неолита до средневекового времени). Исследователи используют весьма различные данные — площадь поселения, плотность застройки, количество домов, численность состава одной семьи, этнографические параллели и т. д.

В отечественной литературе специальные демографические расчеты производились для древнеземледельческих поселений юга Средней Азии (Массон, 1964, 1971; Лисицына, 1965, 1978; Сарияниди, 1977; Аскаров, 1977), античных поселений Бактрии (Ртвеладзе, 1978) и Хорезма (Неразик, 1976) или средневековых среднеазиатских городов (Большаков, 1973).

Относительно древневосточных пунктов широко известны сопоставления зарубежных авторов (Р. Брейдвуд, Р. Адамс и др.).

На основе этнографических параллелей для стран Востока И. М. Дьяконов определяет среднюю численность отдельной семьи в 4—5 человек (1959 а, с. 17, 18). Анализ списка семейств по шумерским документам из Лагаша показал численность древневосточной семьи в 5,2; 5,9; 4,24; 4,91 или в среднем 5,03 человека (Дьяконов, 1959 а, с. 18).

В. М. Массон для Джейтуна принимает цифру в 5—6 человек (1971, с. 101). По мнению Г. Н. Лисицыной, для неолитических поселений более приемлема численность семьи в 4 человека (1978, с. 69). А. Аскаров придерживается показателя семьи эпохи бронзы в 5,2 человека (1977, с. 150). Эти незначительные в общем противоречия свидетельствуют о том, что в демографических расчетах достаточно надежных критериев еще нет, а методика определения численности населения тех или иных объектов разработана не полно. В качестве одного варианта демографических расчетов предлагалось найти среднюю цифру численности малой семьи, исходя из количества жилых комнат в доме и опираясь на этнографические параллели (Неразик, 1976, с. 215).

На наш взгляд, следует учитывать также норму жилой площади на одного человека.

Так, по данным Джейтуна (Массон В. М., 1971, с. 104), размеры домов составляют в среднем 10—40 м². Приблизительное равенство сохраняется также в постройках Песседжикдепе и Чагалыдепе (Массон В., 1976, с. 119, рис. 13). Наиболее распрост-

ранены неолитические дома площадью от 15 до 30 м². Если принять в среднем показатель в 10—40 м², норма жилой площади на человека (из расчета 5—6 человек в малой семье) составит здесь около 1,6—2, 4—6,6 м². В соответствии с определением численности семьи в 4 человека (Лисицына, 1978, с. 69), максимальная норма жилой площади на человека будет несколько выше.

Сходные и другие показатели получаются по данным Алтын-депе (дом-массив раскопа 10, дом в раскопе 5 — «дом вождя»), где по мнению В. М. Массона, проживало, соответственно четыре и по одной семье (Массон В., 1972, с. 9; 1976, с. 122, табл. 3). На Сапаллитепе средняя норма жилой площади на семью устанавливается в 32,5—30—33,6 м², а на человека — не более 6,5 м² (Аскаров, 1977, с. 150).

Естественно, что поселения эпохи неолита и бронзы отражают развитие иной социально-экономической ситуации, нежели усадьба Кызылча 6. Поэтому данные древнейших памятников юга Средней Азии могут привлекаться лишь для ориентировочных сопоставлений.

По демографическим расчетам, применительно к античной Бактрии, допускается средняя норма «спального места» в 2—4 м² на человека (Ртвеладзе, 1978, с. 110). На этой основе определяется количество жителей небольших сельских и крупных городских населенных пунктов юга Узбекистана эпохи кушан. Для домов городища Дальверзин, полезная площадь которых равнялась 94,5 м², допускается проживание 20—22 человек (Ртвеладзе, 1978, с. 110).

Сопоставим указанные выше нормы жилой площади на человека:

<i>Джейтун</i>	<i>Алтындепе</i>
по В. М. Массону—1,6—2—4—6 м ²	1,6—2,5; 7,1,1—9,4 м ²
по Г.Н.Лисицыной—1,6—2—8—10 м ²	—
Сапаллитепе	Дальверзинтепе
по А. А. Аскарову — 5,8—6—6,5 м ²	по Э.В.Ртвеладзе—2—4 м ²

Отсюда следует, что минимальная норма равняется 1,6—2 м², а максимальная — 8—10 м², средний показатель составляет 4—6 м². Кызылчате 6 хронологически занимает промежуточное положение между поселениями эпохи бронзы и античного времени, поэтому для дома-усадьбы более близкими являются средние цифровые данные поселений типа Сапалли и Дальверзинтепе (причем, последние расположены в той же области, что и Кызылча 6).

Попытаемся определить возможное число обитателей усадьбы Кызылча 6, исходя из нормы 4—6 м² жилой площади на человека:

<i>Комнаты СГ I</i>	<i>Площадь, м²</i>	<i>Число обитателей</i>
2	27,54	6,88—5,5 ¹ —4,59
3	13,00	3,25—2,6 ¹ —2,16
5	25,76	6,44—5,15—4,23
7	26,41	6,60—5,28—4,40
Итого	92,70	23,17—18,53—15,44

Жилая площадь комнат СГ II фактически не превышает общие размеры жилых помещений СГ I. Поэтому из приведенных в таблице показателей для двух нижних горизонтов получаем ориентировочную среднюю цифру 15—18—23 обитателей четырех жилых комнат или четырех малых семей.

Из расчета состава малой семьи в 4—5—6 человек получим соответственно 16—20—24 обитателя усадьбы. Приведенные сравнения свидетельствуют о том, что в доме Кызылча 6 пред-ахеменидского времени могло проживать в среднем не менее 16 и не более 24 человек. Общая жилая площадь нижних строительных горизонтов I, II составляет около 93 м². Следовательно, норма жилой площади на человека равнялась 5,18—4,65—3,87 м² или, обобщенно — 5—4 м². На наш взгляд, в пред-ахеменидское время в доме-усадьбе, видимо, проживало 20—24 представителя четырех малых семей. Тогда цифра 6 м² жилой площади на человека является несколько завышенной.

Значительное сокращение жилой площади усадьбы ахеменидского времени — горизонты III—IV может отражать численные изменения в составе коллектива. В соответствии с принятым выше показателем в 4—6 м² на человека конечные результаты получаются иными:

<i>Комнаты СГ III</i>	<i>Площадь, м²</i>	<i>Число обитателей</i>
2	25,5	6,26—5,10—4,25
3	13,0	3,25—2,6 ¹ —2,16
6	12,0	3,00—2,40—2,00
8,9	24,48	6,12—4,80—4,00
Итого	74,98	18,63—14,99—12,41

С учетом состава малой семьи в 4—5 и 5—6 человек на четыре жилые комнаты Кызылча 6 приходится 16—20 и 20—24 человека. Однако площади помещений были неодинаковыми, то есть в них не проживало равное число людей, и более реальной является численность обитателей усадьбы в 15—20 человек. Это подтверждается следующим обстоятельством. Жилая площадь ахеменидского времени по отношению к нижним горизонтам пред-ахеменидского периода сокращается на 18 м².

Если размеры жилищ являются показателем количества обитателей дома, то, предполагая, что на человека приходится 4—5 м², численность проживающих в доме в ахеменидское время уменьшается на 4,5—3,6 человека (сопоставим: 15—20 предполагаемых обитателей верхнего горизонта плюс цифры, пока-

зываются сокращение населения, получим 19,5—24,6 обитателей дома предахеменидского времени, что приближается к названной цифре 20—24 человека в строительных горизонтах I и II).

Сопоставим размеры общей полезной площади дома без учета дворов и входного помещения:

СГ

П л о щ а д ь , м²

	<i>Жилая</i>	<i>Хозяйственная</i>	<i>Кухня</i>	<i>Столовая</i>	<i>Производственная</i>
I	92,7	42,15	21,3	23,10	—
II	92,8	42,0	20,6	23,92	—
III	75,0	40,7	20,4	26,40	12,5
IV	75,0	41,0	20,0	23,40	12,5

Вопрос о палеодемографии широко раскопанных поселений представляет особый интерес для дальнейших исследований. Если бы на крупных центрах типа Кызылтепе осуществлялась аналогичная Кызылча 6 и 1 застройка, то плотность населения на 1 га здесь, из расчета общих площадей названных усадеб в 0,16—0,12 га, могла составлять от 120—150 до 160—200 человек. Без учета площади внешних дворов эти показатели были бы иными — от 225—280 до более чем 300 человек на 1 га, то есть в данном случае принимаются во внимание только площади основных жилых комплексов. Застройка крупных поселений во многом отличалась от усадебной, поэтому приведенные данные могут использоваться для сравнений весьма условно. Тем не менее, имея в распоряжении относительно устойчивые статистические данные, ориентировочно можно определить население сельскохозяйственной округи изучаемого района. Так, в округе Кызылтепе, видимо, было не менее пятнадцати отдельных домов-усадьб, кроме того обживалась территория поселения Буйрачи 1 и 2 до 1,5—2 га, застройка которых еще не изучена.

Можно допустить, что общее число населения усадеб округи Кызылтепе, очевидно, не превышало 300 человек (из среднего показателя коллектива усадьбы в 20 человек), тогда как число обитателей поселений типа Буйрачи, как и Кызылтепе, установить пока весьма сложно.

Планировка усадьбы и характер ее застройки во многом были связаны с жилой, производственной и хозяйственной видами деятельности коллектива. Они протекали в большей степени именно в доме, за исключением сезона земледельческих работ и некоторых других занятий (придомное скотоводство, заготовка сырья для циновок, топлива, строительных материалов, каменных пород для орудий труда, промысловые виды хозяйства, внешние контакты, общественные работы и т. д.), когда определенной части обитателей усадьбы приходилось проводить время за пределами дома. В данном случае важную роль играло разделение труда и обязанностей в коллективе, которое, видимо, контролировалось главой дома.

Компактность планировки усадьбы и четкое функциональное разделение (специализация) помещений отражают разработанные архитектурно-планировочные стандарты или целенаправленную строительную деятельность, обусловленную, скорее всего, сложной социально-экономической структурой общества. Бесспорно также проявление значительного развития производительных сил.

Хозяйство и домашние промыслы. Уже топография сельских домов-усадьб Миршадинского района, а также различные находки — обугленные зерна злаков, орудия труда, сосуды для хранения сельскохозяйственных продуктов указывают на наличие конкретной формы хозяйства.

Г. Н. Лисицына, детально изучавшая проблему становления и развития орошаемого земледелия в Южной Туркмении, специально отмечала, что для определения характера и особенностей земледелия еще недостаточно только археологических данных. Поэтому необходимо также учитывать специфику экологической среды, важнейших компонентов земледельческого производства — почвы, культурные растения, орудия труда и водообеспечение (Лисицына, 1978, с. 8).

В Миршадинском оазисе земли древнего орошения и поселения находились между тремя протоками горного сая, образующего долину шириной до 2 км. Ирригация в районе целиком базировалась на савом орошении, и возделываемые земли находились в непосредственной близости от русл протоков, поэтому длина древних каналов не превышала здесь 0,5—0,8—2 км. Русло канала Кызылча на правом берегу Кызылджара четко прослеживается на протяжении 220 м, ниже его рельеф уничтожен современными строениями и садами. Очевидно в Миршаде крупных магистральных каналов не было, и преобладала мелкая арычная сеть. Ширина одного из древних арыков в округе Кызылтепе достигает 0,8 м, глубина 0,6 м.

С поливными и, видимо, богарными формами земледелия здесь сочеталось отгонное скотоводство. В районе довольно четко устанавливается наличие обширных пастбищ, расположенных в округе орошаемых земель (рис. 1).

По количеству оседлых поселений Миршадинский район выступает одним из крупных в долине Сурхана и в бактрийском регионе в целом. Сельские дома-усадьбы имеют небольшие размеры, но рассредоточены на площади 165 га. Отметим, что сельские усадьбы в округе крупнейшего центра архаического Дахистана-Тангскинджа разбросаны на площади 180 га (Лисицына, 1978, с. 140).

Масштабы орошения и особенности землепользования в разных районах Бактрии раннежелезного века не совпадали друг с другом, что было обусловлено не только социально-экономическим, но и экологическим фактором. В предгорных районах узких речных долин, ограниченных естественными адырными возвышен-

ностями, необходимость сооружения крупных магистральных каналов отпадала. Здесь преобладали средние и мелкие магистральные каналы. Так, длина канала в Бандыханском оазисе не превышала 10 км (Ртвеладзе, 1976, с. 100), в Миршаде же каналы имели гораздо меньшую протяженность. Для сравнения отметим, что в равнинной дельтовой зоне (низовье Мургаба) в соответствии с топографией и орошением древнемаргианских поселений протяженность магистральных каналов достигала нескольких десятков километров, и в округе поселений функционировали оросители разного порядка (Массон В., 1959, с. 63 и сл.).

В сельских домах-усадебх Кызылча в большом количестве встречаются орудия труда, связанные с земледелием. Это орудия жатвы — каменные, бронзовые и железный серпы, орудия переработки сыпучих сельскохозяйственных продуктов — зернотерки, ступки, песты и терочники.

Эти орудия найдены в каждом из изученных жилищ, и в археологических комплексах каменные орудия составляют наибольшее значительное количество материала после керамики. Указанные изделия входили в состав производственного инвентаря практически каждой семьи и по данным усадеб Кызылча 6 насчитывали несколько десятков.

Запасы зерна и муки земледельцы хранили в хумах, высота некоторых из них превышала 1—1,2 м. Реже в этих целях использовались ямы. В закромах хумы стояли вдоль стен. В стенах таких помещений с целью свободной циркуляции воздуха устраивались специальные вентиляционные отверстия.

Как было отмечено, на Кызылча 6 обнаружены хранилища сельскохозяйственных продуктов с остатками крупных раздавленных хумов. Внутренние дворы усадеб использовались для размельчения злаков на зернотерках и в ступах. Фрагменты данных орудий и целые экземпляры довольно часто встречались на территории дворов Кызылча 1 и Кызылча 6. Одна из главных функций обитателей последних была направлена на производство и обработку сельскохозяйственной продукции. Большой интерес представляют и находки на Кызылча 6 разнотипных жатвенных орудий.

Если сельскохозяйственная функция домов-усадеб выступает довольно четко, то материалы о производственных земледельческих объектах, расположенных на крупных центрах Бактрии раннежелезного века, изучены недостаточно полно.

Характеристика производств и трудовой деятельности в целом определяет сущность материального воспроизводства, заключающегося, по мнению исследователей, в использовании природных объектов для осуществления человеческой жизнедеятельности (Семенов, Коробкова, 1983, с. 3).

Вопрос о домашнем ремесле является весьма спорным, и уже высказывалось мнение о том, что понятие «ремесло» для разных

ступеней развития общества не единое (Бочкарев, Распопова, 1971).

При разработке археологической методики изучения домашних промыслов и ремесел особое значение придается определению территориального расположения на поселениях центров производств, их размеров и распространению связанных с ними орудий труда (Массон В. М., 1976, с. 57). Эта задача может быть успешно решена в процессе широких археологических исследований и тщательной фиксации материалов.

Из-за ограниченности информации на одних поселениях юга Средней Азии раннежелезного века фиксируется наличие ремесленного производства вообще. Но часто в процессе оценки его состояния исследователи ограничиваются констатацией одной керамики. На других поселениях предполагают различные виды ремесел. И лишь на некоторых памятниках (раскопанных широко) отмечается более или менее определенная картина становления и эволюции ремесла.

На усадьбе Кызылча 6 изучена домашняя производственная мастерская, устроенная в качестве составной части жилой комнаты. Основные находки описаны выше. Мастерская имеет небольшие размеры, на полу помещения кроме целых изделий (зернотерки, песты, пряслица, заготовки для каменных орудий труда) обнаружены многочисленные обломки керамических дисков, пряслиц, лепных светильников и керамики.

Очевидно в мастерской занимались изготовлением каменных орудий, плетением циновок и производством разного рода изделий, необходимых в хозяйстве и быту коллектива — лепной керамики, пряслиц, отливкой мелких металлических изделий, ремонтом посуды, поделок из камня, кости и глины.

На усадьбах Кызылча 6 и Кызылча 1 найдены также изделия специализированного ремесла. Это бронзовые наконечники стрел и дротика, гвозди, серпы, фрагменты сосудов из бронзы, железный серп и нож.

Орудия из камня значительно преобладали над металлическими. Обработка камня имела важное значение в процессе изготовления орудий, что осуществлялось и в условиях домашних мастерских. Как считают исследователи, большую роль в производстве земледельческих орудий труда — зернотерок, курантов, ступок, пестов и других — играла пикетажная и абразивная техника (Семенов, Коробкова, 1983, с. 76).

Каменные изделия были связаны с обработкой сельскохозяйственных продуктов, растиранием краски и имели производственное назначение. Большинство из них изготовлено из песчаников, аплитов, туфопесчаников, базальта и известняков.

Обращает на себя внимание, что некоторые изделия — серпы, топоры изготовлены из твердой зернистой породы липоритового порфира и туфопесчаников с добавлением кварца и вулканического стекла, а также из андезитового порфирита. Эти виды ка-

менных пород в округе поселений Миршадинского района не встречаются и разрабатывались в горах, возможно, в специальных камнеломнях. Все это свидетельствует о том, что разработка и доставка отдельных пород, а также изготовление тех или иных изделий является весьма сложным процессом.

Согласно трассологическим исследованиям, для изготовления одной зернотерки (длиной 40 и шириной 22 см) требовалось около 10 часов, на производство шаровидного каменного ядра затрачивалось от 50 до 90 минут (Ширинов, 1986, с. 17—18, сл.).

В домашнее производство входили орудия обработки кожи и кожаных изделий — каменные скребки и керамические проколки; орудия ткачества — грузики, керамические и каменные биконические пряслицы; орудия для обработки каменных изделий — отбойники, точильные и шлифовальные камни.

Из речных галечников яйцевидной и шаровидной формы изготавливались ядра для метаний из пращи. К домашнему производству относились также глиняные ядра, каменные грузики и оселки, каменные керамические ложила.

Придомное скотоводство стимулировало развитие прядения, ткачества и выделки кожи. Основным материалом для производства пряжи, видимо, оставалась овечья шерсть, хотя в этих целях использовались и растительные волокна. О ткачестве свидетельствуют отпечатки тканей на керамике и пряслица.

По данным усадьбы Кызылча 6 для домашних промыслов было характерно производство пищевых продуктов — мукомольное дело и хлебопечение (хумы для хранения запасов и очаги-тандыры), производство орудий труда и красильное дело.

Домашние промыслы и ремесленные производства концентрировались как на отдельных небольших поселениях типа сельских домов-усадьб, так и в крупных формирующихся городах раннежелезного века. В первом случае они, в частности производство лепной посуды, светильников, керамических прашевых ядер, отливка и изготовление мелких металлических изделий, плетение циновки, приготовление краски, ткачество и шитье, связывались с потребностями небольших коллективов.

Для разного рода сопоставлений большое значение имеет вопрос о соотношении домашних промыслов и ремесла. «Домашней промышленностью,— отмечал В. И. Ленин,— мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства». (ПСС, т. 3, с. 328). Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что в сельских общинах Бактрии раннежелезного века продукция домашних промыслов потреблялась в основном на месте, и поскольку главными ее потребителями оставались сами производители, то для этой продукции была свойственна невысокая степень товарности.

Вместе с тем мы наблюдаем распространение в доме Кызылча 6 высококачественных ремесленных изделий — гончарной посуды и разного рода металлических изделий, производство которых отнюдь не было налажено на самой усадьбе. Недостаток ремесленных изделий делал экономику общины зависимой от ремесленного производства крупных центров типа Кызылтепе. Все это предполагало развитие обмена. Однако и ремесленники испытывали недостаток в отдельных видах сырья, поэтому зависимой оставалась экономика не только отдельной общины, но и в целом района и крупной области. И сам обмен являлся не узко локальным, а региональным (межобластным).

Как писал Ф. Энгельс, в условиях разделения земледелия и специализированного ремесла возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, которое посредством торговли значительно расширяет сферу сбыта (Соч., т. 21, с. 163).

Для предахеменидского времени нет никаких данных о развитии в Бактрии товарно-денежных отношений. И хотя производство сельскохозяйственных общин оставалось натуральным, обеспечивающим главным образом внутренние потребности, надо полагать, что с целью поддержания традиционного хозяйственного цикла и накопления имущества, земледельцы вынуждены были использовать часть сельскохозяйственной продукции для обмена. Это было обусловлено традиционной зависимостью аграрной экономики от ремесленного производства.

Учитывая отсутствие денежной системы в Средней Азии до завоевания ее Ахеменидами, плата в ходе обмена и прежде всего в масштабах района, видимо, осуществлялась натуральными продуктами. Вместе с тем в ходе широких торговых операций или дальней торговли (сбыт полудрагоценных камней, редких металлов) мерилами стоимости выступали образцы высококачественной продукции ремесленников, а также драгоценные металлы. Примером накопления ценностей посредством обмена и торговли служат, видимо, предметы Фуллолского и Амударьинского кладов (Tosi, Wardak, 1972; Зеймаль Е. В., 1979), а также высокохудожественные изделия из бронзы, обнаруженные на памятниках северного Афганистана (Сарианиди, 1986). Известно, что ассирийские купцы в обмен на импортируемые товары приобретали золото и серебро (Адамс, 1986, с. 14). Ктесий сообщает о наличии в Бактрии серебряных и золотых рудников (Пьянков, 1975, с. 101, 109).

В ахеменидский период население среднеазиатских областей должно было впервые познакомиться с образцами ахеменидских монет, находки которых зарегистрированы в ряде районов (Массон М. Е., 1933, с. 6), и возможно, с образцами греческих монет, насколько позволяют судить об этом афинские тетрадрахмы из Амударьинского клада (Зеймаль Е. В., 1979).

В литературе появились первые сообщения, позволяющие исследователям предполагать в V—IV вв. до н. э. чеканку местных среднеазиатских монет (Пидаев, Ртвеладзе, 1978, с. 533). На поселении Талашкантепе I в долине Сурхана обнаружена медная монета, на лицевой стороне которой, как предполагают, изображен «коленипреклонный правитель» с остроконечной шапкой на голове и с каким-то предметом в правой руке (Пидаев, Ртвеладзе, 1978).

Известно, что в V—IV вв. до н. э. свои серебряные монеты выпускали правители малоазиатских сатрапий Ахеменидского государства (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 205). Независимо от окончательного решения вопроса становится ясным, что в южных областях Средней Азии V—IV вв. до н. э. денежное обращение несомненно существовало (дарика, афинские тетрадрахмы). Однако относительно небольшое число монетных находок этого рода в Средней Азии свидетельствует о том, что денежная система находилась здесь в стадии формирования, и ахеменидские либо греческие монеты использовались очень мало. Обмен и торговля на местах продолжали осуществляться посредством платы натуральными продуктами, так как более чем очевидно, что золотыми дариками или афинскими тетрадрахмами располагал далеко не каждый земледelec или ремесленник. Эти денежные единицы сосредотачивались скорее всего у должностных лиц, ведущих широкие торговые операции (в государственном, международном масштабе).

Семья и общество. Структура древнего общества Бактрии рассматриваемого периода может быть исследована на основе письменных и археологических источников, а также этнографических параллелей. В числе первых — данные древнейших частей Авесты, отражающие развитие архаичной общественной организации весьма обширного восточноиранского региона.

Использование авестийских текстов затруднено неясной датировкой и локализацией. Применительно к отдельным областям и памятникам Средней Азии они могут использоваться весьма осторожно. Однако ограниченность письменной информации вызывает необходимость разного рода сопоставлений и истолкования источников Авесты по археологическим материалам.

В отечественной литературе Авеста в этом аспекте специально рассматривалась И. М. Дьяконовым (1956), В. А. Лившицем, С. Н. Соколовым (ИГН, 1, с. 139 и сл.), В. М. Массоном (1968) и некоторыми другими исследователями, которые допускают, что общество, рисуемое древнейшими частями Авесты, во многом отражает социальные процессы, протекавшие на территории расселения восточноиранских племен VIII—VII вв. до н. э. Доахеменидская хронология ранних частей Авесты характеризовалась отсутствием в источнике упоминания о деньгах, о налоговых системах, сатрапиях и других государственных институтах (Дьяконов И. М., 1956, с. 47, 48).

Варианты интерпретации письменных источников в сопоставлении с новейшими археологическими материалами весьма важны для определения достоверности первых. Специально надо отметить, что для изучения семьи и общества Бактрии раннежелезного века археологические комплексы и поселения имеют значение источника первостепенной важности. Раскопанные поселения содержат актуальные материалы для реконструкций историко-культурного порядка. Это не раз уже подтверждалось конкретным анализом данных ряда contemporaneous среднеазиатских поселений, типологически и функционально отличавшихся друг от друга.

Данные усадьбы Кызылча VII—VI вв. до н. э., видимо, отражают генезис более развитых семейных и общественных отношений, чем ранние части Авесты. Наличие в это время большой семьи, которая проживает в отдельном укрепленном доме-усадьбе, позволяет считать ее по приведенным выше аналогиям патриархальной общиной. Как было сказано, усадьба не могла принадлежать, во всяком случае в предахеменидский период хозяйственно самостоятельной малой семье. Это подтверждается:

размерами дома, компактностью планировки, четкой специализацией помещений;

выделением на усадьбе четырех жилых комнат;

коллективным натуральным хозяйством.

Признание малой семьи свидетельствовало бы о том, что Бактрия опередила в этот период в социально-экономическом отношении не только все среднеазиатские области, но и многие древневосточные страны. В последних большесемейные общины, оставаясь производственной организацией, были довольно устойчивыми (Дьяконов И. М., 1963, с. 25—27; Янковская, 1959, с. 50). Кроме того, для проживания малой семьи в доме Кызылча 6 хватило бы площади одной крупной секции или двух комнат, тогда как в двух других должны были проживать слуги или рабы. Однако Бактрия до включения ее в державу Ахеменидов могла находиться на стадии раннего государственного образования или в условиях первичной классовой формации, для сельскохозяйственного производства которой рабский труд не считается обязательным (Дьяконов И. М., 1963, с. 16).

Таким образом, можно предположить проживание в доме-усадьбе Кызылча 6 большесемейной общины, владеющей домом и средствами производства, власть в которой осуществлялась главой рода — патриархом. Внутри дома выделяются жилища индивидуальных семей, однако их общественно-экономическое обособление исключено, так как малые семьи проживали внутри многокамерного дома-массива, где выделяется одна общая кухня, столовая и всего две кладовые, то есть строения и средства производства являлись частной собственностью коллектива. По древневосточным аналогиям известно, что на определенной ступени развития увеличение представителей домовых общины ведет

к ее распаду на отдельные ячейки, однако каждая из них вновь вырастает в большую семью (Дьяконов, 1963, с. 25).

Устойчивость патриархальной большой семьи Кызылча 6, видимо, можно объяснять коллективным владением дома и средствами производства, ведением общего материального хозяйства. Главная экономическая функция обитателей Кызылча 6 была направлена на производство и обработку сельскохозяйственных продуктов, прежде всего, для удовлетворения собственных потребностей.

При районировании усадеб в Миршадинском культурно-хозяйственном районе-оазисе установлен очень важный фактор их концентрации отдельными группами по три-четыре дома на расстоянии не более 20—30 и 50—100 м друг от друга вокруг крупного центра типа формирующего города раннежелезного века — Кызылтепе (рис. 1).

Уже по внешним признакам расположение усадеб свидетельствовало о том, что большесемейные домовые общины, видимо, входили в более крупные объединения. По территориальным признакам в роли последних скорее всего выступали соседские общины, которые заполняли сельскохозяйственную округу Кызылтепе.

Мы не знаем, как осуществлялось объединение древнебактрийской сельской общины, связывалось ли оно кровнородственными узами, по принципу соседства домов братьев или семей, главы которых вели происхождение от общего предка — патриарха, отстоящего от них на несколько поколений. Вполне возможно, что одна группа усадеб (Кызылча 1, 2, 3) могла образовывать родственные дома — селение, но другие (Кызылча 6, 7, 8) по отношению к ним являлись, видимо, уже не родственными, так как составляли самостоятельные изолированные группы домов и иные союзные общины. Вместе с тем все дома-усадыбы объединяет территория одного района, что предполагает наличие территориальной общины.

Согласно авестийской традиции, в состав рода — «вис» — должно было входить не менее 15 семей (ИТН, 1, с. 143). На примере группы домов Кызылча 6, 7, 8 можно выделить не менее 12 малых семей (если исходить из расчета четыре семьи на каждый дом). Тогда указанные три усадьбы действительно могли составлять небольшое селение, обитателей которых, возможно, и связывали кровнородственные узы. Это является предположением прежде всего в рамках возможных сопоставлений с материалами Авесты, но не доказанным окончательно фактом.

Топографические особенности расположения усадеб показывают обособление домов с земельными участками и их тяготение к определенному водному источнику. Одна группа усадеб располагалась по правобережью Кызылджарсая, другая на левобережье Кызылсу и третья по правому берегу Джоильмасая (рис. 1). В междуречье Кызылджара и Кызылсу располагается крупное поселение Кызылтепе. Отсюда становится ясным, что

сельская община, включавшая дома Кызылча 6, 7, 8, обрабатывала земли по правобережью Кызылджарсая, из которого выводились небольшие каналы и арыки. Земельные участки междуречья Кызылджара и Кызылсу должны были принадлежать общинникам Кызылтпе. Другие орошаемые площади, находящиеся к востоку от последнего в междуречье Кызылсу и Джоильмасая, обрабатывались обитателями домов Кызылча 1, 2, 3, 4 и Кызылча 9, 10, 11 (рис. 1). Однако все земельные угодия и микроиригационные системы опять же объединяла территория одного культурно-хозяйственного района, площадь которого в преахеменидское время не превышала 2,5 км².

Можно предположить, что собственность на землю была общинной — в пределах земельных угодий, за каждой большой семьей или домом-усадебой закреплялись отдельные наделы земли, которые обрабатывались на протяжении определенного времени, но впоследствии в зависимости от решения лиц, осуществляющих контроль за распределением земельных участков, они могли менять границы, расширять либо уменьшать их.

Термин «дом» или «усадеб» известен в ряде источников, где он чаще связывается с понятием «семья». По мнению исследователей, в Авесте это отражает *ptana* — семья и дом в смысле жилища (Дьяконов И. М., 1959, с. 180). В Иране для обозначения семьи пользовались словом *katak* — дом (Периханян, 1968, с. 28), ассирийские источники относят усадеб к «зерновым поселениям» (Янковская, 1959, с. 51), а аккадское слово *dintu* — «башня» подразумевает дом — укрепленную усадьбу (Дьяконов И. М., 1968, с. 7).

Таким образом, обособление отдельных домов-усадб восходит на Востоке к глубокой древности. На материалах Бактрии эпохи бронзы наряду с крупными поселениями отмечается распространение мелких населенных пунктов площадью не более 0,5 га (Аскаров, 1973, 1977; Сариниди, 1974, 1977; Сагдуллаев, 1977, 1978 б). Однако, так как эти поселения еще не раскопаны, судить об их назначении трудно.

Более древним, чем усадеб типа Кызылча, является дом площадью около 440 кв. м (по третьему строительному горизонту), который вскрыт на Кучуктепе. Как было отмечено, авторы раскопок определяют его как «дом родового вождя», «военно-административный и культовый центр» (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 3, 30). Оценка приемлемости данной гипотезы показывает, что едва ли такой небольшой дом мог совмещать в себе сразу несколько функций — жилую, военную, административную и культовую (Сагдуллаев, 1981, с. 11). Археологические материалы, полученные здесь, не содержат конкретной информации о том, что дом Кучуктепе принадлежал именно «родовому вождю».

Уже в X—VII в. до н. э. он состоял из трех небольших хозяйственно-жилых комплексов площадью 62 кв. м, кроме того дом включал проходную комнату и дворик. Согласно критериям, при-

нятым для подсчета количества обитателей усадьбы Кызылтапе 6 (4—5 кв. м на человека в доме), на Кучуктепе второго строительного горизонта могло проживать около 13—16 представителей не менее трех малых семей, которые должны были входить в состав большой патриархальной семьи. Все это свидетельствует о том, что вместо «дома родового вождя» или «семьи вождя», «родовой верхушки» (Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 30), видимо, более предпочтительно подразумевать родовой «дом семейной общины», а сам объект — Кучуктепе считать сельской усадьбой (Сагдуллаев, 1981).

Каждая домашняя община, например, по древневосточным аналогиям, управлялась единолично своими патриархами, а территориальная община имела коллективное управление (народное собрание, совет старейшин) (Дьяконов И. М., 1968, с. 16—19). На примере центрального ядра Кучуктепе особенно второго и третьего строительного периодов отмечается развитие дома, принадлежащего социально-экономически обособленной большой семье. Надо отметить также, что на примере планировки Кучуктепе довольно отчетливо фиксируется эволюция семьи от X до V в. до н. э.

В плане первого строительного горизонта здесь выделяются четыре помещения. Помещения 2 и 3 были жилыми, в них найдены обогревательные очаги, помещение 4 — хозяйственное, и наконец помещение 1, которое связывало жилые комнаты, видимо, являлось кухней. На это указывает найденная здесь выгребная яма с золой и кухонными отбросами.

Можно предположить, что дом в это время был построен небольшим коллективом, который выделился из большесемейной общины и затем вновь вырос в большую семью. Во всяком случае в плане второго строительного горизонта фигурируют уже шесть помещений и небольшой двор, а в застройке третьего горизонта — одиннадцать помещений, число которых значительно увеличивается в планировке четвертого горизонта (22 помещения). Изменения в планировке дома, увеличение числа помещений должны были быть связанными с качественной и количественной эволюцией семейной общины Кучуктепе.

Многочисленные археологические материалы, полученные в Бактрии за последнее десятилетие, позволяют предполагать, что в VII — середине VI в. до н. э. основной производительной силой и низовой ячейкой общества являлась домашняя община, состоявшая из нескольких малых семей. Уже отдельные типы поселений с разработанными архитектурно-планировочными стандартами и выступающей ремесленной либо сельскохозяйственной функцией свидетельствуют о наличии сложной социально-экономической структуры общества. По археологическим источникам предакхеменидского времени, в Бактрии можно выделить *крупные центры типа формирующихся городов с развитой фортификацией и цитаделями* — Кызылтапе, Алтындильтертепе (Сагдуллаев, Ха-

кимов, 1976; Кругликова, Сарнианиди, 1976); *крупные рассредоточенные поселения с мощными крепостями* — Бандыхантепе 2 (Ртвеладзе, 1976; Ртвеладзе, Хакимов, 1975); *отдельные крепости с башнями и бойницами для стрельбы из лука* — Талашкантепе 1 (Заппаров, Ртвеладзе, 1976; Пидаев, Ртвеладзе, 1978), *поселения-массивы, состоящие из отдельных домов* — Буйрачитепе 2 (Сагдуллаев, 1978 б), *многокамерные дома-усады с центральным и внешними дворами в обводе массивных внешних стен* — Кызылчатеpe 1, 2, 6 (Сагдуллаев, 1978 а, 1980) и, наконец, *укрепленные дома с регулярной застройкой, но без обширных центральных и огороженных внутренних дворов* — Кучуктепе (Альбаум, 1969; Аскаров, Альбаум, 1979).

На всех названных поселениях существовали различные типы построек. Так, например, монументальные строения цитадели Кызылтепе в обводе массивных сырцовых стен, имевших оборонительное значение, противопоставлены глинобитно-сырцовым жилищам поселения, которые располагались внутри укрепленного стеной и башнями обширного прямоугольного пространства. На Бандыхантепе 2 наряду с мощной крепостью зарегистрированы нерегулярно застроенные площади. Наконец, отметим в южном Узбекистане наличие различных вариантов обособленных домов. Все это, видимо, свидетельствует о значительной социальной дифференциации общества.

Как было указано, возведение отдельных домов-усадб отражает целенаправленную строительную деятельность. Скорее всего, это поощрялось и контролировалось отдельными лицами, известными, например, в Авесте как «дахьюпати» — правитель области, он же «састар» — военачальник (Дьяконов, 1956, 1971, с. 136, прим. 54; ИТН, 1, с. 145—149). К их числу предположительно можно отнести правителя Кызылтепе, власть которого, возможно, осуществлялась не только в пределах Миршадинского района, но, очевидно, и в целом в области бассейна Сурхана. Это подтверждается и тем, что в остальных районах долины Сурхана не обнаружено аналогичных крупных и сильно укрепленных поселений с цитаделью, монументальные строения которой защищены дополнительной системой фортификации, являвшихся культурно-идеологическими и социально-экономическими центрами. Для других областей юга Средней Азии раннежелезного века характерны лишь отдельные крупные доахеменидские поселения с цитаделями — Елькендепе, Яздепе, Алтындильяртепе.

В качестве дополнительных аргументов отметим, что в древнейших частях Авесты были известны привилегированные сослойки общества, называемые «азата» — благородный, знатный; «асна» — знатный (ИТН, 1, с. 145).

Распространение отдельных домов-усадб не является в долине Сурхана повсеместным. Наибольшее их число зарегистрировано в округе Кызылтепе, несколько объектов — у южных границ области в Приамударьинской зоне, тогда как в соседнем с Мир-

шадинским, Бандыханском районе для предахеменидского времени (VII — серед. VI в. до н. э.) отмечается одно крупное поселение Бандыхантепе 2 с площадью 14 га, которое в раннеахеменидское время приходит в упадок, однако в дальнейшем население района концентрировалось вновь в одном поселении — Газимуллатепе площадью до 10 га.

Можно предположить, что собственность большой семьи на землю контролировалась соседской общиной — ее советом или, возможно, правителем района, который или, верней, семья которого также являлась собственником отдельных земельных угодий. В таком случае общинники были обязаны платить последнему налоги за землю и воду.

Высказанная гипотеза не всегда подтверждается письменными источниками, относящимися непосредственно к среднеазиатскому региону, и видимо, она должна быть проверена новыми археологическими наблюдениями. Однако косвенным подтверждением вышесказанному может служить известный рассказ Геродота об использовании вод реки Акес (Геродот, 1972, 111, 117), в котором историк сообщает, что за открытие шлюзов водохранилища и пуска воды на поля древнеперсидский царь взимал большую дань.

При раскопках усадьбы Кызылча 6 получены очень важные, хотя и малочисленные данные, позволяющие ставить вопрос о древних культах, распространенных в сельских общинах раннежелезного века. В северной внешней стене помещения 4 (СГ III) отмечена глубокая овальная ниша с пеплом в ее основании и закопченными с внутренней стороны фрагментами чаши. Под нишей обнаружена керамическая очажная подставка, на которой возжигался огонь, либо содержались горячие угли из кухонных очагов. Априорно это можно было бы объяснить следующими предположениями:

в нише огонь горел для освещения комнаты;

в нише и на очажной подставке огонь поддерживался постоянно для разжигания очагов;

наличие керамической подставки связано с целенаправленным, ритуальным возжиганием огня.

Первое предположение, видимо, можно исключить, так как кухонное помещение в ночное время освещалось лепными светильниками и огнем нескольких очагов, устроенных здесь. Второе более вероятно, однако огонь, скорее всего, поддерживался здесь не только для разжигания кухонных очагов, но имел и иную функцию.

Третье предположение достоверно. Огонь имел не только бытовое, но и ритуальное назначение. Во всяком случае, ряд признаков свидетельствует о развитии в доме каких-то форм культа огня, которому здесь придавалось большое значение (огонь в крупной нише, на специальной керамической подставке и в кухонных очагах, кроме того, около ниши устроена небольшая яма

для хранения золы). Общность идеологических и культовых представлений следует отнести к числу критериев, объединявших домашнюю общину.

Приведенные выше положения позволяют заключить, что семейные и общественные отношения населения Бактрии предакменитидского периода из-за скудности письменных источников продолжают оставаться изученными недостаточно полно, и вопрос остается открытым. Однако нельзя не отметить довольно продуктивное освещение разных сторон социально-экономического процесса этого времени в обобщающих исторических исследованиях, основанных на археологических материалах. Наши разработки, связанные с новейшим археологическим материалом, являются во многом предварительными. Они отражают состояние изученности проблемы и должны быть проверены дальнейшими исследованиями.

Основываясь на археологических и письменных источниках, можно наметить следующую организацию семьи и общины в Миршадинском оазисе северной Бактрии VII—VI в. до н. э.:

<i>Типологическая</i>	<i>Пример</i>	<i>Социальная</i>	<i>Авестийские пар-ли</i>
Жилая комната в доме	помещение 5 Кызылча	малая семья	?
Дом-усадыба	Кызылча 1 Кызылча 6	большесемейная домашняя община	„нмана“, „дма-а“
Отдельная группа из 3-4 усадеб	Кызылча 1, 2, 3, 4, Кызылча 6, 7, 8	селение, союзная община, дома, принадлежавшие родственникам (?)	„вис“ (как родовая община)
Несколько отдельных групп домов-усадеб	(рис. 1)	территориальная соседская община, сельская	„варзана“
Зарождающийся город	Кызылтепе	общины формирующегося города	нет
Поселения района	(рис. 1)	территориальные общины района — сельская и „городская“	нет

Таким образом, в сравнении с архаичной социальной организацией Авесты, в Бактрии VII—VI вв. до н. э. вырисовывается более сложная структура общества. В ранних частях Авесты отсутствует специальный термин для обозначения малой и большой семей раздельно, так как название «нмана» относится к дому-семье вообще, а «вис» связывается с родом и родовым поселением. Однако дом-усадыба объединяет малые семьи по родственной линии, поэтому «вис» является в данном случае и прототипом термина, обозначающего общину — род дома.

В приведенной выше таблице нет места такому понятию, как «занту» — «племя». Что касается таких крупных поселений городского типа, как Кызылтепе и понятия «район», как компакт-

ная зона расселения, то древнейшие части Авесты их не знают. Поэтому предахеменидская структура общества северной Бактрии по археологическим материалам совпадает с использованными выше данными Авесты лишь в малой мере:

<i>Возможная система управления</i>		<i>Авестийские термины</i>
Малая семья	глава малой семьи	?
Большая семья	домовладыка-патриарх	„нманопати“
Союзная община (селение)	старейшина селения	„виспати“
Соседская община (несколько селений)	совет старейшин	„ханджамана“
Сел. ская и „городская“ общины (городище и его округа)	народное собрание совет старейшин правитель района правитель области	„вьяха“ „ханджамана“ „дахьюпати“ „састар“

Термины Авесты приводятся для сопоставлений лишь из-за отсутствия других источников предахеменидского времени, применимых к конкретному среднеазиатскому региону. Следует особо подчеркнуть, что рассматриваемые археологические материалы демонстрируют отнюдь не четырехступенчатую систему подразделения общества — семья, род, племя, область, характерную для Авесты, а показывают гораздо более сложные структуры. Так, вместо «занту» (племя) фигурирует соседская община, объединенная территорией расселения в оседлоземледельческом районе вокруг крупного центрального поселения.

Такие факторы, как кровнородственные отношения между отдельными домами (союзная община), видимо, начинают играть второстепенную роль. Это подтверждается тем, что каждая большая семья независимо от родственных связей владела отдельным домом, средствами производства, имела свои сельскохозяйственные запасы и поголовье скота, то есть представляла собой экономически обособленный коллектив. Кроме того, и земельные наделы распределялись в районе по территориальному принципу, о чем свидетельствуют уже внешние историко-топографические признаки домов-усадеб. Управленческий аппарат в пределах сельской общины скорее всего был выборным.

Форма большесемейной общины являлась выгодной в аспекте коллективного производства и управления хозяйством. Известно, что она приводила к экономическому укреплению общины, создавая стимулы для обогащения ее членов, и на определенное время задерживала процесс обособления, индивидуализации хозяйства малых семей (Юсифов, 1968, с. 125).

Судя по всем данным, территория древнего района типа Миршадинского делилась на:

территорию расположения отдельных компактных групп усадеб из 3—4 домов с приусадебными участками и изолированной сетью ирригации;

территорию, занятую крупным центральным поселением как Кызылтепе, которую составляли цитадель, укрепленная территория поселения и прилегающая к ней неукрепленная часть, вокруг которых также простирались орошаемые площади с ирригационной сетью;

незастроенные участки (либо участки с сезонными строениями), невозделанные земли вокруг поселений (не пригодные для орошения), пустыри, болота, заросли кустарника, камыша, догги и т. д.;

пастбища, прилегающие к речной долине, орошаемым площадям, которые, очевидно, находились в коллективном пользовании и за которыми начинались «ничи» или не освоенные, освоенные частично, нерегулярно и не заселенные земли, то есть границы древнего культурно-хозяйственного района.

Близкая к описанной ситуация районирования территорий расселения засвидетельствована уже в письменных источниках Элама (Юсифов, 1968, с. 95), где выделяются следующие понятия: «район жилищ поселения», «район перед поселением», «большой район» и «район (богини) Гула». Аналогии такой системы организации сельской общины мы находим и в структуре Бандыханского культурно-хозяйственного района, где в конце VIII—VI вв. до н. э. функционировало одно крупное поселение — Бандыхан 2 (Ртвеладзе, 1976).

Здесь на одной территории были сосредоточены жилища членов отдельных общин — «район жилищ поселения», вокруг них располагались земельные участки и система арыков, выведенных из крупного магистрального канала, — «район перед поселением», выделяются незастроенные участки, нерегулярно освоенные (орошенные) земли, а также пастбища — «большой район». Последний термин, видимо, в целом можно применить для обозначения отдельного культурно-хозяйственного района-оазиса независимо от его площади, числа и типов поселений.

Сложную структуру Миршадинского района в сравнении с другими зонами расселения в бассейне Сурхандарьи, очевидно, следует объяснять тем, что здесь располагался такой крупный укрепленный центр с цитаделью, как Кызылтепе, который превосходит по площади все известные в литературе поселения VIII—VI вв. до н. э. в южном Узбекистане, бассейнах Кафирнигана и Вахша, а также ряд поселений в низовьях Мургаба (если считать здесь центральным Яздепе в 16 га).

На основе изложенного может быть построена общая схема территориальной организации поселений и древнего населения.

1. *Культурно-хозяйственный район-оазис*. В него входят поселения, ирригационные системы, орошенные земли, пастбища, незастроенные участки и т. д. Культурно-хозяйственными районами-оазисами являлись, например, Миршадинский, Шерабадский и Уланбулаксайский районы бассейна Сурхана предакхеменидского времени.

По естественно-географическим признакам район-территория выступает как географическое пространство для расселения и как материальная база существования коллектива людей (Козлов, 1971, с. 100), которая обеспечивала последним водные источники, плодородные земли, пастбища, строительные материалы и т. д. В социально-экономическом отношении территория района является объектом труда и производства, местом концентрации производительных сил и средств производства, основой развития хозяйственных, культурных и других видов социальных связей.

По культурным признакам каждый обособленный район характеризуется наличием здесь поселений и разных типов жилищ, культовых и ремесленных объектов; распространением производственно-бытовых комплексов — орудий труда, оружия, украшений, керамики и т. п.; развитием и упрочением строительных и ремесленных навыков, бытовых канонов и идеологических представлений.

2. *Историческая (историко-географическая) область* объединяет несколько культурно-хозяйственных районов, расположенных в бассейне отдельной реки, связанных общей территорией расселения и имеющих географические границы с другими областями. Примером является долина Сурхана (рис. 18).

Такие районы и области юга Средней Азии, как правило, характеризуются распространением единых культурно-хозяйственных типов, близкими типами поселений, общностью архитектурно-планировочных канонов, строительных материалов и конструкций, орудий труда и бытового инвентаря. Возможным центром областей являются крупные укрепленные поселения с цитаделью (типа Кызылтепе). Однако границы историко-культурной общности не совпадают с географическими рубежами расселения (к примеру, бассейн Мургаба, северный Афганистан и долина Сурхана в предахеменидское и ахеменидское время с близкой культурой, но разными географическими зонами обитания (рис. 18). Историко-культурная общность нескольких таких областей, сходные пути генезиса хозяйства, архитектуры и населения, близкий уровень развития производительных сил и социально-экономических отношений, единая территория расселения, географически не разделенная труднопроходимыми препятствиями — высокими горами, морями и т. п., в зависимости от политической ситуации предполагают возможные территориальные объединения, более обширные чем области, давшие, например, письменные источники (Бактрия, Хорезм и т. д.).

И, очевидно, не всегда подобные объединения отражали понятия типа «страна бактрийцев». Они могли включать в свой состав несколько этносов. Сравним, например, следующее выражение: «Народности от бактрийцев до эглов» (Геродот, 111, 92) и известное заявление Дария I: «Вот что мною сделано в Бактрии», хотя речь шла о подавлении антиахеменидского восстания в Маргиане (Струве, 1949; Массон В. М., 1959, с. 142).

Показанные выше иерархические системы социальной и территориальной организации населения отражают возможные варианты исследования историко-географического и историко-культурного районирования. Особое значение в этом должен сыграть синтез археологических и письменных источников.

Остановимся на краткой характеристике историко-культурных и социально-экономических вопросов относительно интересующего нас объекта ахеменидского времени, освещенного памятниками письменности несколько шире, хотя и отрывочно.

Данные верхних строительных горизонтов усадьбы Кызылча 6 в сравнении с нижними горизонтами демонстрируют иную линию развития обитателей дома. Это, видимо, было обусловлено изменившейся социально-экономической и общественно-политической ситуацией, связанной с образованием системы сатрапий Ахеменидов.

Формы семьи VI—IV вв. до н. э. исследованы недостаточно полно и из-за отсутствия данных для ряда областей Средней Азии остаются вообще не изученными. По раскопкам сельских объектов Ирана предполагается сохранение большой семьи, проживавшей в относительно некрупных многокамерных домах (Chirshap, 1954, с. 16 и сл.). Согласно данным о хорезмских домах-усадьбах V в. до н. э., делается вывод о том, что позднеарханческие дома принадлежали малым семьям классового общества (Воробьева, 1973, с. 217). Причем такие большие усадьбы как Дингильдже могли принадлежать уже «не просто богатому хорезмийцу, но скорее всего правителю района» (Воробьева, 1973, с. 217).

По письменным источникам известно, что ахеменидские правители в качестве поощрения и, очевидно, с целью укрепления власти на местах, одаривали имениями своих вельмож (Дьяконов И. М., 1959, с. 70 и сл.). Эти факты позволили предположить, что усадьба Дингильдже, вероятно, принадлежала «доверенному лицу... связанному с ахеменидской администрацией» (Воробьева, 1973, с. 217).

Допуская достоверность указанной гипотезы, отметим, что такой случай применительно к одному району скорее всего был единичным, так как в отдельных домах и других арханческих усадьбах Хорезма обитателями являлись местные сельские общинники, семейные формы которых не должны объясняться по материалам Дингильдже, если данная усадьба принадлежала правителю района. Предположение о малой семье как об основной социальной ячейке Хорезма середины I тыс. до н. э. (Воробьева, 1970, с. 79) вызвало известные возражения, которые сводились к тому, что большая патриархальная семья сохранялась в Хорезме и в IV—III вв. до н. э. (Неразик, 1976, с. 206—211).

Дискуссию, возможно, разрешит анализ данных усадьбы Кызылча 6 ахеменидского времени. Необходимо отметить, что, рассматривая те или иные исторические проблемы, не следует при-

давать слишком большого значения исключительно политике Ахеменидов, в частности строительной. Так, по мнению И. В. Пьянкова, строительство на Калалы-Гыре «громадной крепости и дворца, подражавшего персепольскому..., велось ахеменидскими властями» (Пьянков, 1972, с. 18).

Все это не исключено, однако задолго до Калалы-Гыра, видимо, еще в доахеменидское время в Хорезме формируется такой крупный укрепленный центр, как Кюзели-Гыр, и уже поэтому развитие монументальной архитектуры было здесь связано не только с Ахеменидами. Более того, и в Бактрии генезис усадеб типа Кызылча или других поселений не отражает дарственный процесс — раздачу имений древнеперсидским вельможам, как и строительную практику Ахеменидской династии в отдаленных восточных сатрапиях.

Новшествами в планировке дома-усадьбы Кызылча 6 СГ III и IV являются:

разделение помещения в западной половине дома на жилую комнату № 6 и мастерскую № 5 (рис. 5);

разделение столовой комнаты, а также кухни (по горизонту IV) на два отсека, связанных друг с другом и центральным двором общим проходом;

значительное уменьшение жилой площади (около 18 м²), тогда как сокращение площадей хозяйственно-бытовых строений составляет незначительные показатели (1—2 м²).

Первое из приведенных выше обстоятельств свидетельствует о том, что взаимосвязь производственного и жилого отсеков не должна быть характерной для планировки дома, так как по застройке СГ I и II жилые строения четко изолированы от других. Обращает внимание и разделение столовой комнаты на два отсека, причем в одном из них устроены сидения суфы (помещение 11 СГ III, помещение 12 СГ IV).

Сокращение площади внешнего двора объяснить довольно трудно. Но не исключено, что уменьшение размеров загона для скота отражает сокращение его поголовья. Хотя, конечно, скот могли содержать и за пределами дома во временных загонах.

На наш взгляд, справедлива гипотеза о том, что изменение размеров жилых домов может показывать увеличение или, наоборот, уменьшение количественного состава семьи (Неразик, 1976, с. 205). На Кызылча 6 проявление разного рода новшеств, вероятно, также было обусловлено качественной и количественной эволюцией обитателей дома и прежде всего внутренней организацией семьи.

В ахеменидский период на юге Средней Азии сформировались многие черты социально-экономических отношений, характерных для классовых обществ (Дьяконов М. М., 1954, с. 136; Масон В. М., 1959, с. 160). Надо также учитывать, что Бактрия играла важную роль в общественно-политической истории Ахеменидского государства. Не случайно поэтому бактрийскими сатра-

пами, как правило, являлись представители правящей династии. Кроме того, верхушку общества данного региона составляли и семьи местной аристократии — Хориен, Катан, Австан и другие, упоминание о которых есть в античной письменной хронике (Арриан, IV, 21, 8; 22, 1). В литературе уже обращалось внимание на то, что представители среднеазиатской аристократии управляли отдельными районами и областями (Массон В. М., 1959).

Различные категории знати известны еще по Авесте. Однако общественная структура Авесты значительно отличалась от социальной организации ахеменидского времени.

Социальное ядро общества продолжали составлять многочисленные общинники, проживавшие в отдельных типах поселений. Сокращение жилой площади в доме Кызылча 6, видимо, было связано с численным изменением состава домашней общины. Не исключено, что в жилом комплексе усадьбы проживали уже не четыре малые семьи, а две. Возможно, в рамках кооперации они представляли хозяйственно обособленные единицы, прежде всего по отношению к земле, средствам производства и накоплению сельскохозяйственных запасов, хотя продолжали жить в многокомнатном доме. На это указывает ряд археологических данных.

В плане усадьбы верхних горизонтов жилая секция 8 и 9, а также кладовая 7 могли принадлежать одной семье, тогда как жилые комнаты 2 и 3, кладовая 1 — другой (рис. 5).

В данном случае дом мог объединять семьи двух братьев либо отца и старшего сына, то есть продолжал сохранять качественные и количественные признаки, присущие большесемейной домово́й общине.

На усадьбе выделяется еще одна жилая комната № 6 (рис. 5) площадью 12,6 м². Это небольшое жилище связано с производственной мастерской, через которую в него осуществлялся проход. Предположение о том, что в жилой комнате 6 проживали люди, не имевшие прямого родства с хозяевами дома-усадьбы, связано с признанием каких-то форм домашнего рабства. Однако археология в данном случае не содержит необходимой социологической информации.

Термин «домашний раб» известен в ряде письменных источников. По эламской версии это «курташ», а древнеперсидской — «гарда» (Дьяконов И. М., 1959, с. 91; Юсифов, 1961, с. 49). Особый интерес для сопоставлений представляет последний термин, известный еще и как «гарда-ремесленники» (Дьяконов И. М., 1959, с. 77; Фрай, 1972, с. 83, 84), то есть это были рабы, обладающие определенными ремесленными навыками. В Бехистунской надписи понятие «курташ» определяется исследователями в значении не просто «домашних», а «домашних рабов», обслуживающих хозяйство земледельцев (Юсифов, 1961, с. 41).

Устройство производственной мастерской на усадьбе Кызылча 6 в качестве составной части жилой комнаты характерно только для верхних строительных горизонтов. Она располагалась в

западной части дома, имевшего здесь крытую галерею — айван. Видимо, участок двора под навесом айвана интенсивно использовался в производственных целях, здесь находился и очаг — тандыр для выпечки хлеба.

Если в комнате рядом с производственной мастерской проживали зависимые члены общины, то их трудовая деятельность могла быть связана с промыслами и изготовлением каменных орудий, плетением циновок и производством разного рода изделий, необходимых в быту коллектива, — пряслиц, поделок из камня, кости и глины, отливкой мелких металлических предметов, ремонтом посуды и т. д. Кроме того, эти члены общины могли принимать участие в других видах работ, выполнявшихся свободными обитателями дома, — земледельческих, ирригационных, уходе за стадом, кустарных промыслах (шитье, кожевенном деле, заготовке топлива, строительных материалов, сырья для циновок или каменных орудий труда).

В Авесте также были известны термины, обозначающие неполноправных членов общины, — *vīra*, *vaēsa*, значение которых рассмотрено в специальных исследованиях (Дьяконов, 1956, с. 180; ИТН, с. 139 и сл.); высказывалось также предположение о том, что уже в VIII—VII вв. до н. э. домашнее рабство было довольно распространенным на юге Средней Азии, хотя специально оговаривалось, что *vaēsa* (вайса) входили в состав домашней на правах младших ее членов (Массон В. М., 1968, с. 94). В VI—IV вв. до н. э. формы домашнего рабства, возможно, были более развитыми, учитывая, что рабовладельческие отношения Ахеменидской державы значительно влияли и на общественную структуру южных областей Средней Азии.

Вопрос о формах рабства в Иране получил в литературе довольно подробную характеристику (Дандамаев, 1963; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 162 и сл.). По данным архива из Топрак-Калы, рабы проживали в доме наряду со свободными семьями (Толстов, 1962, с. 215 и сл.; Лившиц, 1962, с. 47, 48). Анализ более древних источников позволил сделать вывод о том, что хорезмийский семейный коллектив эпохи античности сохранил многие черты древневосточных общин-домов (Неразик, 1976, с. 214).

Если наша гипотеза верна, то в помещении 6 Кызылчатеpe проживало сравнительно небольшое число зависимых членов общины, не более 4—5 человек. При предположении, что такие лица могли проживать также на свободной площади хозяйственно-бытовых построек, это число увеличится, а свободных общинников на том или ином этапе насчитывалось 12—15 человек. Однако при любых возможных сопоставлениях надо полагать, что зависимых людей было меньше свободных.

Остается неизвестным, имели ли первые права «младших членов общины» или все же являлись частью имущества последних? Думается, что в сельской общине труд свободных представителей домов играл основную роль в сложных земледельческих и ирри-

гационных работах, а также в строительстве и в специализированном ремесле. Ядро среднеазиатского общества ахеменидского времени скорее всего составляли свободные общинники, деятельность которых имела огромное значение в экономических процессах, протекавших в этот период в отдельных областях Средней Азии. Вместе с тем по письменным источникам известны рабы — курташ, увезенные из Согда и Бактрии в Переднюю и Малую Азию (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 169), где они, очевидно, выполняли ремесленные, каменотесные, строительные и другие виды работ.

Допуская частичную экономическую обособленность малых семей, вновь надо подчеркнуть, что хозяйственная деятельность в доме продолжала осуществляться в рамках сотоварищества.

Дом в равной мере, видимо, принадлежал как первой, так и второй семье. Кухня и столовая были общими и это является одним из признаков единства семей. Сельскохозяйственные продукты для питания, возможно, распределялись из двух кладовых (в порядке подневной очереди либо каких-то установленных норм). Ирригационные и земледельческие работы осуществлялись, скорее всего, в рамках взаимопомощи, хотя земельные наделы могли быть разными и, наконец, коллектив усадьбы был в известной мере единым в культовом и идеологическом отношении, а распорядителем общих дел и представителем во внешних взаимоотношениях мог оставаться старший представитель семей.

Индивидуальная самостоятельность семей по отношению к земельным наделам и накоплению сельскохозяйственной продукции должна была привести к возникновению бедных и богатых малых семей, которые продолжали еще проживать в одном доме, и первые, возможно, находились под покровительством последних. Допуская в последующем начало развития товарно-денежных отношений и углубление процесса социальной дифференциации, такая ситуация предполагает экономический распад больших коллективов и образование новых.

Тенденция распада большесемейной общины, предполагаемая на археологических материалах Кызылча 6, могла быть обусловлена выходом из общины отдельных членов семьи, но это в конечном итоге должно было привести к образованию новых большесемейных общин.

Полная экономическая независимость малых семей осуществится лишь тогда, когда их члены будут жить изолированно не под одной крышей с другими малыми семьями, а по соседству в самостоятельных домах, когда основательно утвердится личная собственность малой семьи.

Среди групп домов-усадьб Миршадинского культурно-хозяйственного района-оазиса следует предполагать наличие более или менее знатных коллективов. Разделение труда, специализация хозяйства и ремесла, отношение к средствам производства и развитие производительных сил, а также общественно-политическая

ситуация определяли существование различных прослоек общества.

Археологические материалы, полученные на сельских усадьбах Бактрии, учитывая интенсивное дальнейшее накопление информации и возможность раскопок аналогичных объектов в Маргиане и Согде, могут быть широко использованы при изучении такой важной проблемы древней истории Средней Азии, как формирование в регионе ранних государств.

Кроме археологических и письменных источников для изучения проблем классовообразования и становления первых цивилизаций, как известно, широко используются и этнографические материалы.

В предгосударственных обществах интенсивное разложение первобытных отношений, рост имущественной и социальной дифференциации приводит к возникновению наследственной аристократии, привилегией которой становится контроль над производственными процессами, общинными ресурсами и коллективным продуктом. Как показывает этнографическое исследование, социальное выдвижение и занятие общественных должностей диктовались общинными производственными операциями и общественным разделением труда, когда собственно и происходит отделение организационно-управленческой деятельности от производственной (Хазанов, 1975, с. 111).

В англо-американской специальной литературе вместо понятий «родовая и общинная знать», «аристократия» довольно часто употребляется термин «общество лидеров-вождей» и одна из стадий перехода к цивилизации — государству определяется как «чифдом» (Renfrew, 1984, с. 203; Файрсервис, 1986, с. 195). Эта концепция также основана на использовании этнографических данных с целью реконструкции древних общественных структур и независимо от изменения некоторых формулировок связана с традиционной схемой сопоставления различных источников.

Согласно мнению К. Ренфрю, «чифдом» отражает тип общественной организации государства, еще не достигшего уровня политического института, и является институтом, основанным на авторитете вождей-лидеров, положение которых в обществе первоначально определялось их происхождением и статусом родителей (Renfrew, 1984, с. 204—205). «Чифдом» как институт, укорененный в системе родственных связей, поддерживается необходимостью руководства в общине, а также престижем вождя-лидера и его успехами в координации общественных работ (Файрсервис, 1986, с. 195).

В. М. Массон, рассматривая проблему становления первых цивилизаций, специально отмечает, что в результате распределения материальных благ по способам и размерам получаемой доли общинного продукта вождь-лидер подчиняет своей власти аппарат общинного самоуправления и с его помощью возглавляет общественную организацию трудового процесса. В конечном итоге,

власть авторитета, обусловленная первоначальной общественно полезной функцией лидера, становится властью принуждения, посредством которой «администрация» присваивает значительный объем общественного продукта (Массон, 1986, с. 59, 60).

В целом сопоставление различных источников, в том числе и этнографических, независимо от определенной условности проводимых сравнений, можно использовать и в процессе археологической интерпретации рассматриваемой проблемы.

На примере поселений Миршадинского оазиса были выделены такие понятия, как «домовладыка», «старейшина общины», «правитель района». Эта ступень социальной иерархии стоит выше уровня «чифдом», хотя престижность или авторитет и здесь сохраняли свое значение. Так, власть патриарха-владельца дома-усадыбы придавала престиж и его потомкам, которые в дальнейшем стремились укрепить свой статус в обществе. Потребность населения района в руководстве была вызвана коллективной организацией ирригационного земледелия и наличие здесь лидера (правителя) показывает мощная цитадель Кызылтапе. Отсюда, из места сосредоточения власти мог осуществляться контроль за общественной жизнью района, а также строительными и ирригационными работами.

Кызылтапе выступает как крупный укрепленный центр сельскохозяйственной округи. Трудно согласиться с В. Файрсевирисом, который полагает, что оборонительные стены подобных центров служили для того, чтобы «замыкать в себе скрепленную специфическими внутренними связями общину, нежели для отражения потенциального внешнего врага» (Файрсервис, 1986, с. 196). Рвы, башни и внутрстенные стрелковые казематы Кызылтапе были направлены против внешнего врага, тогда как оборонительные стены цитадели — против рядовых членов общины.

Значение центра округи особенно увеличивалось в период военных столкновений, когда его территория использовалась как убежище для населения района и как загон-укрытие для скота, служившего мерилom общественного богатства. Власть правителя района в этот период связывалась не только с административно-территориальным и производственным контролем, но также военным. Правителю района должны были подчиняться общественные системы как самого центра-убежища, так и его округи. Представители этих систем имели определенную независимость внутри семейной и общинной организации. Статус лидеров-домовладык, старейшин общин, бывших распорядителями дел в семье и общине, возглавлявших хозяйство и вступавших во внешние контакты в целях поддержания традиционного сельскохозяйственного цикла и увеличения имущества, был достаточно высоким.

В социальной иерархии выделяются производители, занятые в земледельческом хозяйстве, придомном скотоводстве, домашних промыслах, специализированном ремесле, строительных работах, и лица, непосредственно не занятые в производстве или уча-

ствующие в нем периодически. К ним, видимо, относились главы домов-усадоб, старейшины территориальных общин, религиозные практики, правитель района. Все они различаются по положению в системе общественного производства и распределения общественного богатства. В такой системе социальных связей явно отражается процесс классовообразования.

Сопоставление археологических и этнографических данных вызвано ограниченным характером письменных источников для изучения социальной организации Бактрии раннежелезного века. Несомненно, что такие сравнения не всегда максимально правдоподобно отражают историческую действительность, но не учитывать их вообще не целесообразно. При всей условности проведенных выше аналогий (территориальное отдаление, разное время, внутренние закономерности развития конкретного общества) механизмы классовообразования определялись однопорядковым характером социологических законов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накопленные за последние 10—15 лет археологические материалы показали различные варианты интерпретации социально-экономической истории южных областей Средней Азии эпохи бронзы и раннего железа.

История Бактрии раннежелезного века тесно связана с генезисом первых среднеазиатских цивилизаций и отражает завершающую стадию этого процесса. Марксистская историческая наука дает конкретное определение содержания термина «цивилизация», которая характеризуется созданием общества сложной социальной структуры и переходом к первичной классовой формации (Соч., т. 21, с. 165).

Изучение проблемы развития общественных структур и политических институтов в Бактрии затруднено скудностью письменных источников. Но даже в ограниченных сведениях греко-римских авторов Бактрия рассматривается как одна из важных областей Среднего Востока. Это «страна», противостоявшая завоевательным планам древневосточных царей — Нина (по Ктесию) и Кира II (по Геродоту) и наконец — сатрапия, оказавшая упорное сопротивление армии Александра Македонского.

Версия Ктесия относительно походов ассирийцев в Бактрию считается недостоверной, и в последнее время высказано возражение против ее использования для подтверждения бытования в Иране представлений о древнебактрийском царстве (Грантовский, 1983, с. 29). Вместе с тем не исключается проникновение ассирийских торговых караванов в западный Афганистан, где, как считают, находились источники олова (Адамс, 1986, с. 14). При всей спорности данных Ктесия о Бактрии (Пьянков, 1975), едва ли целесообразно не учитывать их в процессе сравнения письменных и археологических материалов, которые демонстрируют высокий уровень развития древнебактрийской культуры.

Бактрия, располагавшая определенным военно-экономическим потенциалом, активно участвовала в политических противоречиях

VI—IV вв. до н. э. и далеко не случайно ее наместниками назначались представители династии Ахеменидов (Мончадская, 1961). Видимо, важное положение Бактрии в системе ахеменидских сатрапий обусловилось ее возвышением в Средней Азии еще до Ахеменидов.

Новейшая археологическая информация свидетельствует о том, что уже в эпоху бронзы на обширной территории от низовий Мургаба до предгорий Гиндукуша и Гиссара получают распространение близкие архитектурно-планировочные типы, конструкции жилищ, строительные материалы и техника, а также производственно-бытовой инвентарь, предметы искусства, характер и особенности оседлого расселения. Все это было обусловлено общностью культурного, экономического и социального развития населения данного региона и началом формирования бактрийско-маргианской или бактрийской историко-культурной общности (рис. 19).

Археологические комплексы типа Яз I, II, III, Тилля I, II, III, Кызыл I, II, III показывают дальнейшие этапы генезиса бактрийской историко-культурной общности (БИКО), территориальное ядро которой составляли Маргиана, собственно Бактрия, а затем и Согд, области ее культурного влияния — подгорная полоса Копетдага и Хорезм. Последние располагались также в контактной зоне иных культурных традиций (соответственно — архаичный Дахистан и кочевая среда).

Единство бактрийской историко-культурной области определялось общностью социально-экономического развития населения, близостью материальной культуры и, видимо, погребального обряда и культовой идеологии. В отличие от хозяйственно-культурных типов историко-культурные области включали племена или народности, расселенные на смежных территориях и реально связанные между собой как в настоящем, так и в прошлом длительными взаимодействиями (Чебоксаров, Чебоксарова, 1982, с. 222).

Основные этапы развития БИКО можно рассматривать как культурогенез в ареалах распространения восточноиранской этнокультурной общности, однако для определения точного времени обособления бактрийцев или согдийцев из среды восточноиранских племен археология не содержит необходимой информации. Можно лишь предполагать, что это произошло в начале I тыс. до н. э. Если время прихода мидийцев и персов в Иран документируется письменными источниками (Дьяконов И. М., 1956, с. 35; Грантовский, 1970; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 39 сл.), то распространение восточноиранских племен археологи связывают в основном с изменениями в материальной культуре Средней Азии первой трети I тыс. до н. э. Преобладание иранского этнического элемента в рассматриваемом регионе, по данным древнейших частей Авесты, ахеменидских надписей и трудов древнегреческих историков, обычно относят уже к VII—IV вв. до н. э.

Этому времени предшествовал длительный период синтеза этнокультурных традиций автохтонного и постоянно обновлявшегося здесь населения. Независимо от проявления этнических новшеств культура оседлого населения юга Средней Азии, например, ахеменидского времени в конечном итоге четко демонстрирует ее связь с местными, видимо, еще доиранскими генетическими источниками.

Обращаясь к более поздним аналогиям, нельзя не отметить, что процесс распространения в Средней Азии тюркоязычного этнического элемента показывает определенные сходства того, как в условиях постепенного обновления этноса и языка в оседлых областях сохраняются и продолжают на новой основе традиционно местные древние формы культуры. Очевидно, процесс сложения восточноиранской этнокультурной общности был длительным и сложным. Здесь целесообразно подчеркнуть, что автохтонное население Бактрии и Маргианы сыграло большую роль в этом, тогда как формирование новых оседлых поселений в долине Кашкадарьи и среднего течения Амударьи в X—VIII вв. до н. э. было связано с приходом в эти области нового этноса.

Рубежи ахеменидской державы в Средней Азии во многом совпали с границами распространения цилиндрикоконической керамики типа Яз II—III, первоначальные центры производства которой находились в Бактрии и Маргиане. Эти рубежи особенно четко проявляются в низовьях Амударьи, Зарафшана, присырдарьинском районе и бассейне Пянджа. Видимо, в доахеменидское время данная территория была зоной влияния бактрийской историко-культурной области. Все это является отражением общенсторических закономерностей и примером воздействия более передовых обществ на периферийные.

Считается, что вопрос о значительной близости культур южных областей, а также Хорезма ахеменидского времени все еще остается нерешенным (Сарианиди, Кошеленко, 1985, с. 203). Близость культур Маргианы, Бактрии, Согда и Хорезма является закономерным отражением завершающей стадии формирования оседлой восточноиранской этнокультурной общности и широким внедрением традиций БИКО — общих стандартов в строительстве, архитектуре, гончарном ремесле при наличии локальных вариантов культуры, вызванных внутренними закономерностями развития населения отдельных областей, особенно расположенных в контактных зонах различных историко-культурных общностей (Хорезм, Парфия).

Экспансия Ахеменидов в Среднюю Азию придавала указанным процессам устойчивые объединяющие политические формы, однако тенденция к такому объединению, хотя менее широкому и устойчивому, проявилась в регионе еще в предахеменидское время в период возвышения здесь Бактрии. Ахеменидское завоевание как бы подвело итоговую черту давно начавшимся в Средней

Азии процессам классообразования и становления государственности.

Обобщение археологических источников сельских домов-усадб типа Кызылча позволило с определенными, однако, лакунами, проследить эволюцию жилища и семьи на примере одного из районов Бактрии VII—IV вв. до н. э. Расположение этих усадб вокруг такого крупного центра, как Кызылтепе, свидетельствует о наличии тесных взаимодействий между формирующимся городом раннежелезного века и сельскохозяйственной округой. Комплексное изучение поселений аналогичных оседлоземледельческих районов значительно расширит представления о становлении экономического базиса первых среднеазиатских цивилизаций.

Накопление археологических материалов значительно опережает их публикацию. За последние 10 лет большое число новых поселений раннежелезного века было открыто в Маргиане и Согде. Целенаправленные раскопки этих памятников и введение в научный оборот новейших археологических данных имеют важное значение для исследования историко-культурных процессов и социально-экономической динамики на юге Средней Азии в эпоху раннего железа.

3. А. Аршавская

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИТЕКТУРЕ БАКТРИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ-РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ)

В научной литературе вопросы, связанные с типологической характеристикой памятников отдельных исторических эпох и групп, начиная с античного времени, рассматривались достаточно подробно (Пугаченкова, 1973, с. 121—131; Неразик, 1976, с. 173—182; Маньковская, 1980). Археологические материалы Бактрии позволяют предложить подобную характеристику и для памятников эпохи бронзы-раннего железа.

В основу предлагаемой классификации сооружений этого периода положен планировочный принцип:

I. Кольцевая планировка.

II. Прямоугольная планировка:

1. Пространство в периметральном обводе:

а) коридорообразными помещениями;

б) галерей с центральным поперечным строением;

в) совмещенный тип.

2. На платформе со сплошной внутренней застройкой.

В данную типологическую схему мы включаем как крупные образования в масштабе поселений, так и отдельно стоящие здания, если они объединены общими планировочными принципами. Соблюдение подобного принципа оправдано также и относительно небольшим количеством раскопанных пока памятников.

Наиболее ранний из памятников с кольцевой планировкой — храм Дашлы-3 в Афганистане (Сарианиди, 1984, с. 25—31). Это круглое здание с обводной галерей и квадратными башнями по кольцу представляет собой самостоятельный комплекс-ядро с внутренними постройками, вокруг которого тремя кольцами располагаются жилые строения, соединенные с внутренними дворами.

Аналогичного типа сооружение ахеменидского времени — отдельно стоящее монументальное здание Кутлуг-тепе (Афганистан). Три ряда обводных стен с промежуточными галереями располагаются вокруг двух специальных строений. Отсутствие башен компенсируется наличием многогранника мощных внешних стен с промежуточным широким и глубоким рвом. Предположительно первоначальное назначение здания — культовое. На втором этапе использования, при котором в галереях возводятся перегородки, а внутри двора — дополнительные помещения, оно было приспособлено к жилым нуждам. (Сарианиди, 1977, с. 117—121).

Алтындилбертепе — поселение, имеющее круглую внешнюю ограду с полукруглыми башнями, за которой — еще два ряда укреплений, но уже прямоугольных (Кругликова, Сарианиди, 1976, с. 12).

Талашкантепе, расположенное на юге Узбекистана, по мнению Э. В. Ртвеладзе, являлось крепостью-рефугиумом. Оно также круглое, с равномерно расположенными округлыми же башнями (Заппаров, Ртвеладзе, 1976). Внутренняя планировка пока не выяснена.

Чаще встречаются варианты прямоугольной планировки. За исключением одного случая — это тип квадратного или прямоугольного пространства в периме-

тральном обводе, причем наибольшее число памятников имеет обвод коридорообразными помещениями. Такая устойчивость в выборе плана представляется нам не случайной.

Наиболее ранний объект — Сапаллитепе — представляет собой поселение, относительно небольшая территория которого обнесена фортификационным, квадратным в плане сооружением (Аскаров, 1973). Три ряда оборонительных стен, соединенных поочередно внутренними перемышками, образуют лабиринт Т-образных коридоров-ловушек, необходимых для обороны. Внутреннее пространство поселения застроено жилыми кварталами. Обращает внимание несоответствие между четким и правильно рассчитанным и отстроенным ограждением и нерегулярной стихийной внутренней застройкой глинобитными сооружениями, где некоторую упорядоченность вносят лишь улицы, выделяющие отдельные кварталы. Видимо, заранее разработанный план сооружения обязан, прежде всего, его фортификационной функции. Внутренняя же застройка не предполагалась, а складывалась стихийно.

Схожий планировочный принцип с квадратом двора, застроенным отдельно стоящими сооружениями, обведенным периметром коридора с Г- и Т-образными осевыми отводами, принадлежит предполагаемому дворцовому зданию Дашлы-3 в Афганистане. Здесь те же нерегулярность планировки внутреннего двора и четкая симметричная отработанность ограждающей системы, более, однако, развитая пространственно (Сарианиди, 1977).

В памятнике раннежелезного времени Алтын-10-II обрамление квадрата двора коридором теряет фортификационно ограждающую суть, трансформируется в центрально организующее ядро обширного комплекса помещений самостоятельно-го монументального здания (Сарианиди, 1977, с. 123—128).

На наш взгляд, оборонительные свойства Сапаллитепе сохраняет ограда небольшой сельской усадьбы Кызылча-6 (Сагдуллаев, 1981; Пугаченкова, 1982, с. 28—29). При ее небольших размерах обводная фортификация совмещается с функциями жилища либо, напротив, жилые помещения организуются по периметру двора наподобие крепостной ограды. В таком микророселении данное совмещение оказалось настолько целесообразным, что испытанный временем принцип применялся в сельских сооружениях позднефеодалного времени и дошел до наших дней в виде самаркандских курганча, туркменских и хорезмских хаули.

Подобная приверженность к двойной и даже тройной ограде сооружения (крепости, усадьбы), наблюдаемая на протяжении тысячелетий, обязана практической конструкции. Эта система с двумя-тремя обводными стенами и перпендикулярами перемычек между ними в крепостях имела ряд преимуществ.

Во-первых, обеспечивала систему лабиринтов-ловушек, необходимых при осаде.

Во-вторых, благодаря рациональному распределению усилий через перемышки, способствующие пространственной связи стеновых конструкций, предполагала сейсмостойкость сооружения (рассматриваемый регион сейсмически активен). По теории сейсмостойкости важное значение имеет форма конструкции, от которой зависит работа всей системы. В этом отношении круг — оптимальная форма здания, равнопрочная во всех направлениях, хотя не совсем удобная в планировочном отношении. Квадратная в плане конструкция менее устойчива, но обеспечивает ближайшее рациональное решение, поскольку в обоих осевых направлениях имеет одинаковую или близкую друг другу прочность и жесткость, что благоприятно сказывается на прочности сооружения при любом направлении сейсмического воздействия.

В-третьих, подобная система обеспечивала, возможно, достаточную сопротивляемость и в случае разрушительной осады.

В-четвертых, несомненна и экономическая целесообразность решения: при общей максимальной толщине ограды — минимальное использование строительного материала, то есть разрыв монолита межстенными промежутками.

В небольших сооружениях типа Кызылча-6 периметральный обвод ограждающей стены помещениями обеспечивает устойчивость. Возможно, подобная схема в Кызылча-6 обусловлена традицией, учитываемой изначально с целью фортификации, а затем, при обнаружении ее планировочных достоинств (компактность планировки, удобство связей между отдельными частями здания, благодаря рав-

нодоступности центра каждому помещению периметра, устойчивость, против внешних воздействий, хорошая инсоляция и проветривание всех помещений), приемлемой для сооружений с иными функциями.

В сооружении Алтын-10-1 — предположительно летнем дворце — тот же принцип обвода внутреннего ограждающего пространства, но не помещениями, а крытой галереей на колоннах (Сарианиди, 1977, с. 121—123). Закрытые объемы располагаются в углах сооружения в виде квадратных помещений с центральной опорой, а также в центре двора, в виде узкого длинного строения, симметрично разделяющего все здание на две части.

Как видим, исходная схема выполняет новую функцию, при которой обводная галерея уже не имеет оборонительное значение. Эта функция связана с дворцовым, а возможно и с культовым ритуалом. Последнее подтверждают следующие наблюдения:

а) слишком мала полезная площадь для жилья по сравнению с общей площадью всего сооружения (10% от общей площади), а из имеющейся — значительное место в главном корпусе занято кирпичной платформой («тронное место») — $\frac{1}{4}$ часть, в угловых же помещениях — центральной опорой площадью более 6 м²;

б) подчинение плана строгой симметрии, при которой значительное место, вероятно, и в функции здания, принадлежит галерее, диктующей малоудобные связи между отдельными частями здания — по периметру двора;

в) значительное отдаление друг от друга и от основного корпуса угловых, зависящих от симметрии, дополнительных помещений, в которых, кроме того, использование полезной площади в бытовых целях весьма неудобно.

Несомненно, галерея и в объемном выражении играла активную роль. На это указывают остатки мощных опор — более 2-х метров в сечении. Вероятнее, нежели в предложенной реконструкции объекта 1 Алтын-10, где данные основания представлены мощными пятками под тонкие деревянные колонны и не оправданы нагрузкой, эти опоры являли собой высокие устои для поддержания какого-то более монументального перекрытия. В средневековые при аналогичных планировочных условиях в квадраты, образованные переборской аркой между колоннами и от них перпендикулярно к ограждающим стенам, идеально вписывались купола. К сожалению, купольные перекрытия, тем более основанных не на стенах, а на открытых арках, ранее рубежа нашей эры мы не знаем.

Заслуживающим внимания в связи с нашей классификацией представляется также памятник VII—VI вв. до н. э. Пшактепе в Сурхандарьинской области (Аскаров, 1982, с. 30—41). Здание определяется как мемориально-культовый комплекс, возможно, патриархально-семейный мавзолей родового вождя и его родственников. Вопрос интерпретации важен, поскольку это единственный памятник подобного функционального типа. Однако в значительной степени данное определение базируется на малоубедительном, на наш взгляд, архитектурно-планировочном осмыслении здания.

Сохранившиеся остатки раскопанного Пшактепе состоят из ряда помещений, три из которых с центральным сводчатым перекрытием — прямоугольные, вытянутые с севера на юг, а четыре других, по два с каждой стороны, замыкают продольную ось в перпендикулярном направлении. Далее, в южной части имеются остатки стен, указывающие на существование здесь дополнительных помещений.

В качестве доказательств указанной функции А. А. Аскаров обращается к следующим основным признакам:

1) центральное сводчатое помещение — основообразующее, остальные пристроены к нему «сознательно»;

2) стены этого помещения наиболее монументальны;

3) отсутствуют аналоги подобной планировки;

4) в помещении имеется зола в виде порошка белого цвета, которую сочли за пепел кремированных покойников;

5) обожжены стены одного из помещений, следовательно, здесь шел процесс кремации;

6) отсутствуют бытовые очаги в помещениях, которые указывали бы на жилой характер здания.

Уделяя основное внимание центральному объему, А. А. Аскаров совершенно игнорирует остатки стен помещений в юго-западном углу комплекса. Между тем их характер и наличие проема в западной ограждающей стене указывают на то, что с этой стороны находился аналогичный южному и западному ряд вытянутых помещений, а с южной стороны подобный ряд мог быть двойным.

Отмечая, что комплекс был единовременным, автор раскопок пишет, что «все помещения... за исключением центральной коридорообразной комнаты, обнаружены на одном уровне» (Аскаров, 1982, с. 30.). Остается неясным, на каком уровне находилось центральное помещение, выше или ниже основных, так как пояснений в тексте нет, а по чертежу это понять невозможно. Факт немаловажный, поскольку, на наш взгляд, он мог говорить о последовательности возведения помещений: нелогично в случае единовременности построек, сооружать специальную насыпь для возвышения или рыть котлован для понижения.

Независимо от этого, из опубликованного плана очевидно, что сводчатый коридор пристроен позже и с первоначальным замыслом основного сооружения не связан. Доказательством тому является именно пристроенность его к существовавшим стенам, а не впереязку, как должно быть по единому плану. В противном случае трудно объяснить экономически, конструктивно или функционально, зачем совершенно самостоятельным объемом это помещение примыкает собственными стенами с севера и востока к стенам помещений 5, 7 и 6, создавая двойную ограду и при этом запирая существующий выход из помещений № 6. К тому же, каждая из двух восточных стен имеет свою высотную и формообразующую характеристику — одна направляется в западную сторону, переходя в сводчатое завершение, вторая — поднимается вертикально.

Что же касается тезиса А. А. Аскарова об особой монументальности стен сводчатого помещения, то, во-первых, по чертежу это не прослеживается, так как столь же широкие стены имеются и в других помещениях (например, в помещениях 5 и 4), в тексте же сравнительных размеров не указано. Во-вторых, не известна первоначальная высота прочих стен, но, судя по сохранившейся продольной стене помещения 5, высотой 2,8 м, она была выше стен центрального объема (Аскаров, 1982, с. 36), перекрытия могли быть также сводчатыми (толщина стен 1,2—1,5 м позволяет), из кирпича, который вполне мог быть разобран. Поэтому важно пронаблюдать, из какого материала — пахсы или сырца — он сложен, а также размеры кирпичей во всех помещениях.

Исходя из вышеизложенного, планировочная основа Пшактепе представляется нам следующей. Основной зданием является центральный объем — двор, сначала или позже разделенный ровно пополам поперечной стеной (это вертикальная стена с восточной стороны сводчатого помещения). Двор периметрально обведен вытянутыми коридорообразными помещениями в один и два ряда. Восточная часть комплекса не сохранилась, но не исключено, что здесь также мог быть ряд помещений. Подобный планировочный принцип, как мы видели, был характерен для архитектуры Бактрии и имеет территориально близкую аналогию — усадьба Кызылча-6 в Миршадинском оазисе. Примеры двухрядного обвода помещениями известны в Сапаллтипе.

Не исключено, что последующая пристройка центрального сводчатого помещения связана с изменением функции здания, либо с его расширением. Во всех же известных случаях сооружения с подобной периметральной планировкой несут гражданскую функцию — жилую или фортификационную.

В оценке мемориально-культовой функции А. А. Аскаров противоречив, предупреждая, что «здесь не встречены останки умерших и сопровождающий инвентарь, не выявлены конкретные предметы культового характера» (Аскаров, 1982, с. 40). Между тем в помещениях Пшактепе найдено достаточное количество бытовых остатков, а в одном из помещений — очаг.

В этой связи мы полагаем, что перечисленные наблюдения, подтверждающие гражданскую функцию здания, более основательны, нежели белый пепел невыясненного состава, обнаруженный под беспорядочно лежащими вдоль стен кирпичами помещения 1, а также обожженные стены помещения 8, говорящие о его мемориально-культовом назначении. Кроме того, имеются и другие несоответствия: если взглянуть на план, то помещение 8, где, якобы, сжигали умерших, не связано планировочно-функциональной логикой с предполагаемым мавзолеем (то

есть сводчатым коридором), так как до места захоронения лепла еще три помещения — 9, 11, 13, связь через которые — «коленом», с разворотом траектории движения на 270°.

Далее автор поясняет последовательность ритуальных действий следующим образом: помещение 9 «было связано проходом со двором... После каждой кремации зола и полностью не сгоревшие мелкие фрагменты костей из камеры кремации выгребались и высыпались во двор в «священный зольник». О том, что комплекс имел еще и двор, и где он находился, в тексте не отмечено.

В этой связи не ясен принцип деления А. А. Аскаровым камер на помещения, двор и зал «типа открытого айвана» (Аскаров А., 1982, с. 41). Насколько известно, эти понятия отличаются характером ограждающих поверхностей: помещение включает стены и перекрытие; двор открыт сверху; айван перекрыт, но отсутствуют какие-либо из боковых ограждений. Каким образом помещение 5 сначала было «помещением», а потом «залом типа открытого айвана»? В чем принципиальная разница и на чем основано это утверждение, если, как считает автор, кроме центрального сводчатого «прочие перекрытия не имели» (Аскаров, 1982, с. 40). В таком случае неясно, каким образом в «кремационной камере» без перекрытия создавалась столь высокая температура.

Отсутствие следов перекрытий вовсе не означает, что их не было. Узкие комнаты могли перекрываться однопролетными балками, гнезда от которых, вероятно, были в несохранившейся части стен. Кроме того, отсутствие перекрытий в этих комнатах не объясняет наличия здесь настенных штукатурок и обзамок полов, которые подвергались бы уничтожению при атмосферных воздействиях, да и пепел в «кремационных камерах» развевался бы.

Перекрытий не могло быть в помещениях 4 и 5, поскольку для однопролетного перекрытия слишком велико расстояние между противоположными стенами, а для двухпролетного отсутствуют гнезда в полу от вертикальных стоек, в том числе и в помещении 5, которое, якобы, было «айваном», то есть перекрывалось хотя бы частично.

Таким образом, эти замечания дополняют наш тезис о том, что все центральное пространство, включающее помещения 4, 5 и 1, 2, первоначально было дворовой площадкой, разделенной стеной на две половины с пролетом 11—12 м.

Не исключено, что последующее дополнение в здании в виде пересекающего двор сооружения связано с несколько иной планировочной схемой периметральной застройки двора, которая известна по зданию Алтынтепе-10-1, где застроенный обводной галереей двор членен по центру узким длинным закрытым помещением.

Во всяком случае, в своем законченном виде Пшактепа представляется нам переходным или промежуточным вариантом типологической схемы «центрального объема в обводе», совмещающим периметральный обвод двора коридорообразными помещениями типа Кызылча-6 с симметричным членением этого двора осевым сооружением типа Алтын-10-1.

Пока единственным прямоугольным в плане сооружением иного типа является Кучук-тепа (Аскаров, Альбаум, 1979). Это подквадратное в плане сооружение — многослойный по времени объект конца XI—V вв. до н. э. — суть которого на протяжении времени оставалась неизменной. Оно было поднято на четырехметровую платформу, обнесено удвоенным со временем футляром внешних стен, четко членено внутренними перегородками на отдельные комнаты. То есть здесь имеет место вариант небольшого по размеру здания, связанного с применением многофортификационного решения — высотная недоступность платформы, усиленная общей тройной оградой стен.

Наиболее устойчивой на протяжении веков оказалась схема, ставшая в вариантах универсальной для зданий различных функциональных назначений, а также послужившая основой для образования и дальнейшего развития новых типов — прямоугольное пространство в обводе комнатами, коридорами, галереями. Ее вариант — в обводе коридорообразными помещениями — почти в чистом виде (Кызылча-6) сохраняется в Северном Тохаристане. Это совершенно идентичные Балалактепе, Зангтепе и Бабатепе (в первом строительном периоде) (Аршавская, 1987). Обогатившись же периметральной галереей типа Алтынтепе-10-1, эта схема встречается в среднеазиатской архитектуре вплоть до наших дней

(медресе, рабаты, караван-сарай, традиционная жилая архитектура Бухары).

Планировка Кучуктепе находит более редкие аналогии. Таков, например, план раннесредневекового жилого дома близ Мугкалы в Афганистане (Пугаченкова, 1976, с. 160, 161).

Продолжает традицию в среднеазиатской архитектуре последующего времени и круглая планировка (Эрк-кала в Мерве — середина I тыс. до н. э.; Кой-Крылган-кала в Хорезме — III—II вв. до н. э.; Емши-тепе кушанского времени в Афганистане и др.) Этот тип редок, характерен, как и раньше, для поселений и монументальных сооружений. Причем монументальное сооружение обычно специального назначения, не всегда точно конкретизированного, но предположительно связанного с религиозным ритуалом, либо с космическо-астральным культом.

С. В. Вивденко

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ СОСТАВ СЕВЕРОБАКТРИЙСКОЙ КЕРАМИКИ

Первые спектральные исследования, проводившиеся в лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания им. Хамзы на пятидесяти фрагментах керамики с поселений Миршадинского и Бандыханского оазисов, показали, что этот вид анализа вполне пригоден для предварительной дифференциации керамики по месту производства.

Последующие исследования керамики методом спектрального эмиссионного анализа были проведены в более широком масштабе в группе из ста образцов. В данной статье представлены результаты изучения керамики поселений эпохи бронзы и раннего железа Миршадинского, Бандыханского и Шерабадского оазисов.

Определялись элементарные составы керамических изделий из Муллалитепе, могильника Муллали, Очамайлитепе, Кызылтепе, Безымянное тепе, Буйрачитепе (Миршадинский оазис), с поселений Бандыханского оазиса (Бандыхантепе, Безымянное тепе) и Шерабадского оазиса (Сапаллитепе, Джаркутантепе, Кучуктепе, Бустан IV). В результате сопоставления стратиграфических данных вырисовывается определенная линия развития ранних оседлых поселений Северной Бактрии. Представленные памятники можно расположить в ряд: Сапаллитепе, Джаркутан, Муллали, Буйрачи I, Бандыхантепе I, Кызылтепе, Кучуктепе, усадьбы Кызылча.

Логическим следствием подобных сопоставлений должны стать выводы об идентичности или отличии керамики, относящейся к определенным хронологическим периодам.

Что дают нам исследования элементарного состава керамики? Не вступают ли они в противоречия с выводами археологов?

Предварительные исследования первой группы (50 образцов) показали, что только в керамике поселения и могильника Муллали содержатся молибден и вольфрам. Эти элементы не были обнаружены в составах керамических изделий ни одного другого поселения Миршадинского или Бандыханского оазисов.

Во второй экспериментальной группе из 100 образцов молибден и вольфрам опять становятся устойчивой примесью, характерной для изделий поселения Муллали, и появляются в сосудах с Очамайли, что хорошо согласуется с археологическими данными — предполагалось, что на Очамайли находится некрополь, связанный с поселением Муллали.

Не обнаруживаются молибден и вольфрам ни в керамике Сапалли, предшествующей керамическому комплексу Муллали, ни в синхронных керамических комплексах Джаркутана и Буйрачи, ни в более поздней керамике комплексов Кучуктепе и Безымянного тепе у Миршаде. Тем интереснее становится факт появления молибдена и вольфрама в керамике Кызылтепе, которая синхронна та-

ким памятникам Миршадинского оазиса, как Буйрачи 2 и Кызылча 6. Однако допустить существование единого источника сырья для этих соседствующих поселений теперь невозможно вследствие различия составов керамического теста: ни в одном фрагменте керамики поселений Буйрачи и Кызылча не обнаружили молибдена или вольфрама.

Таким образом, в Миршадинском оазисе памятниками с керамическими изделиями, содержащими молибден и вольфрам, являются Мулалитепе, Очамайли и более поздние керамические комплексы типа Кызыл. Обособленность керамики Кызыл I, отмеченная археологами, в сравнении с предшествующей и последующей, проявляется и в элементарном составе — в ранней керамике Кызылтепе молибден и вольфрам отсутствуют.

Для керамического комплекса Бандыхантепе I закономерность, проявляющаяся в отсутствии молибдена и вольфрама в первой группе образцов, прослеживается и в дальнейших исследованиях: ни один образец станковой керамики Бандыхантепе I по-прежнему не содержал примесей молибдена и вольфрама. Следовательно, молибден и вольфрам можно считать элементами, содержание которых характерно только для керамики Миршадинского оазиса.

Обратное явление наблюдается при дифференциации керамических образцов по содержанию в них цинка. В первой группе цинк был обнаружен в 48 образцах из исследованных 50. Во второй группе, напротив, только единичные образцы содержат цинк. Наиболее характерна примесь цинка для керамических изделий поселений Сапаллитепе, Безмянное тепе у Миршаде, Кучуктепе. Цинк также обнаружен в отдельных образцах керамики Джаркутана и Бустан IV. Нехарактерно присутствие цинка в керамических комплексах Кызыл II, III.

Для Бандыханского оазиса при исследовании первой группы образцов с поселения Бандыхантепе I, представленной лепной керамикой, цинк был стабильной примесью (цилиндрикоконический сосуд с поселения Бандыхантепе 2 являлся тем редким исключением в первой группе, когда отсутствовал цинк). Во второй группе, где вся исследованная керамика относится к более позднему периоду обживания поселения Бандыхантепе I и выполнена на круге, мы наблюдаем полное отсутствие цинка.

Подобная картина вырисовывалась и при изучении керамики Миршадинского оазиса: в первой группе почти половина керамических изделий с поселений этого оазиса была выполнена от руки и показывала устойчивую примесь цинка, во второй группе вся исследованная керамика Миршаде выполнена на станке, и цинк отсутствовал.

Таким образом, наличие цинка хорошо прослеживается в синхронных или следующих друг за другом памятниках бронзового века: Сапалли, Джаркутан, Мулалли, Буйрачи, нижний слой Бандыхантепе I, Безмянное тепе (Миршаде), нижний слой Кучуктепе. Для поселений раннежелезного века Шерабадского и Миршадинского оазисов вероятность обнаружения цинка в керамическом тесте ничтожно мала.

По содержанию меди аномалии наблюдались для тонкостенного сосуда, выполненного из красной глины с нанесением белого ангоба, найденного на поселении Кызылча. В нем содержание меди в 40 раз превышало обычное. Повышенное содержание меди в общем отличает керамические фрагменты с усадеб Кызылча. В Бандыханском оазисе высокий процент меди обнаружен только в более ранней по времени лепной керамике Бандыхантепе I.

При изучении лепной расписной керамики типа Яз I поселений Бандыхантепе I, Кучуктепе, Безмянное тепе (Миршаде) и в первой и во второй группах обнаружена одна и та же особенность — наличие фосфора во всех образцах независимо от места происхождения. Связать эту закономерность можно только с особенностями технологии производства, но не с сырьевыми источниками, которые, безусловно, были различны для поселений, принадлежавших разным древнеземледельческим оазисам.

В результате спектроскопического исследования первой группы образцов установлено, что в составе лепной керамики поселения Бандыхантепе I отсутствует серебро, что отличало керамику этого оазиса от миршадинской. Однако во второй группе образцов серебро было обнаружено во всех керамических изделиях

с более позднего поселения Бандыханского оазиса Безмянное тепе у Сар-и-Банда. Наличие серебра и отсутствие цинка, отмеченное выше, подтверждает предположение о разработке новых источников сырья с другим качественным составом глины для более поздних слоев поселения Бандыхантепе. Подобным образом можно обосновать и высокое содержание меди и серебра в керамических изделиях кушанского городища того же Бандыханского оазиса — Ялантуштепе.

Вероятно, с течением времени подобная смена источников сырья, заметно влияющая на качественный состав керамики, ставит под сомнение правильность некоторых приемов, которыми пользовались исследователи для установления места производства, проводя сравнение элементарных составов древней керамики и глины современных месторождений (Calamitore M., Filippakis S. E., Yones R. E., Kassal D. 1984, p. 103—117), которые, как правило, должны различаться.

Керамические комплексы поселений Шерабадского оазиса объединяет повышенное содержание кобальта, стронция и цинка, что отчетливо прослеживается в керамике Сапаллитепе, Джаркутана и Кучуктепе. Общность элементарного состава хорошо согласуется с общностью внутренне-внешних и внешних признаков, что позволяет предположить некоторое единство технологий и сырьевых источников.

С применением спектрального эмиссионного анализа можно предварительно решить вопрос о местном или импортном характере производства отдельных сосудов. Так, элементарный состав образца № 104, взятого от сероглиняного кубка с белым ангобом (Безмянное тепе, Бандыхан) сильно отличается от состава керамических изделий этого поселения. Содержание меди и вольфрама превышает среднее в десять раз, свинца и молибдена — в четыре. Подобный аномальный состав позволяет предположительно отнести данный сосуд к привозным.

При исследовании первой группы образцов аналогичные отклонения были обнаружены в образцах № 12 и № 46. Первая проба отобрана от фрагмента керамики с поселения Кызылтепе, представляющего венчик крупного сосуда (хума?), тесто красного цвета, обжиг высококачественный, ангоб белый. Фрагмент относится к горизонту 1 (шурф 3) и хронологически связан с периодом Кызыл II. Состав его сильно отличается от состава родственной керамики: содержание серебра и свинца выше среднего в десять раз, меди и олова — в сто раз.

Образец № 46 с поселения Бандыхантепе 1 относится к первому горизонту, где лепная керамика сосуществует со станковой, и представляет пробу от чаши, выполненной на круге из красноватой глины с белым ангобом. Состав образца выпадает из общего элементарного состава, характерного для исследованной группы образцов. Содержание кадмия самое низкое, в пять раз занижено содержание меди, совершенно отсутствует цинк, в два раза занижено содержание никеля и самое низкое, почти в три раза, содержание бериллия. Возможно, подобное своеобразие качественного состава так же связано с импортным характером производства обоих сосудов.

Как показали результаты исследований, данные спектрального эмиссионного анализа не находятся в противоречии с выводами археологических исследований. Своеобразие технологий и различие источников сырья, как правило, находят отражение в элементарном составе керамики.

Таким образом, применение спектрального эмиссионного анализа позволило предварительно дифференцировать керамические комплексы поселений Миршадинского, Бандыханского и Шерабадского оазисов по сырьевым источникам, предположить некоторые особенности технологии сырья в производстве лепной расписной керамики, сосуды с аномальным составом предварительно отнести к импортным.

Однако однозначно решить вопросы реконструкции античного керамического производства можно лишь с привлечением методов, несущих информацию не только об элементарном, но и о химическом, минералогическом составе исследуемой керамики. Эмиссионному спектральному анализу как самому быстрому и простому в данных исследованиях отводится роль экспресс-анализа, который позволяет наметить основную линию дальнейшего исследования керамики.

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА)

В результате изучения памятников эпохи раннего железа долины Сурхана и Кашкадарьи обнаружена 461 кость, 222 из которых оказались определяемыми (табл. 3). За исключением нескольких костей джейрана все это остатки домашних животных.

При раскопках Бандыхантепе I (слои IX—VIII вв. до н. э.) найдено 58 костных фрагментов, 43 из которых удалось определить. Наибольшее число остатков (13) в виде мелких обломков костей принадлежит взрослой особи вер-

Т а б л и ц а 3

Видовой состав и численность костных остатков млекопитающих из памятников железного века

Виды животных	Число костных остатков				Итого
	Кызылтепе (VII-VI вв. до н. э.)	Бандыхан- тепе (IX— VIII вв. до н. э.)	Сангир- тепе (IX— VIII вв. н. э.)	Подаятак- тепе (IV— III вв. до н. э.)	
Лошадь	1	3	2	13	19
Осел	—	—	—	5	5
Корова	6	7	12	41	66
Овца	6	4	5	18	33
Коza	4	1	—	4	9
Мелкий рогатый скот (ближе не определяемые остатки)	5	7	22	20	55
Джейран	—	4	3	—	7
Свинья	1	4	1	—	6
Верблюд	—	13	—	1	14
Собака	—	—	1	3	4
Неопределимые	45	15	35	144	239
Всего костей	70	58	81	252	461
Определимых костей	25	43	46	118	222

блюда, крупному рогатому скоту отнесено 7 остатков, среди которых имеются кости молодых животных. 4 кости принадлежат овце, 3 из которых (лопатки) были от крупных особей и 1 от мелкой. Коza представлена только 1 фрагментом тазовой кости. 7 костей являются ближе не определяемыми остатками мелкого рогатого скота (обломки трубок диафизов костей, фрагменты ребер и таза). Домашняя свинья представлена 4 костями мелкой формы. Имеются 2 типичные копытные фаланги домашней лошади и ее позвонок. Из остатков диких животных встречены только 4 костных фрагмента джейрана, среди которых есть рог, принадлежавший взрослому животному, и фрагмент нижней челюсти молодой особи.

В раскопках Кызылтепе, расположенного, как и Бандыхантепе в долине Сурхана, в слоях VII—VI вв. до н. э. обнаружено 70 костных остатков, большая часть из которых представлена мелкими обломками костей, и только 25 фрагментов вполне определяемы.

Имеется 5 фаланг диафиза нижней челюсти коровы. 3 первых фаланги принадлежали крупной особи. Кости овцы (6 экз.) фрагментарны, но судя по суставным частям лопаток, можно сказать, что эти животные не отличались крупным размером. Среднего размера была и взрослая коza, 4 костных остатка которой были здесь обнаружены. Обломок верхней части лучевой кости лошади, фрагмент нижней челюсти мелкой домашней свиньи и 5 ближе не определяемых

остатков мелкого рогатого скота завершают список находок костей животных на памятнике Кызылтепе.

В культурных слоях памятника Сангиртепе (IX—VIII вв. до н. э.) найдено 86 костных обломков, 51 из которых определены, но 5 из них являются фрагментами костей скелета человека. Из 46 остатков животных 12 принадлежат крупному рогатому скоту, причем большую часть составляют фрагменты костей телят. К остаткам овцы, достоверно определимым до вида, отнесено 5 костных фрагментов, а к ближе не определимой группе мелкого рогатого скота — 22 обломка. Лошадь представлена фрагментом зуба и первой задней фалангой, судя по которой можно сказать, что это была довольно мелкая, но костистая лошадь. Кроме того, в этом памятнике обнаружена таранная кость мелкой домашней свиньи, фрагмент нижней челюсти взрослой собаки, а из остатков диких животных — 3 кости джейрана.

Самое большое количество костных остатков — 252 — обнаружено при раскопках памятника IV—III вв. до н. э. Подаятактепе. Из числа определимых остатков — 108 костей — больше всего остатков крупного рогатого скота — 41 костный фрагмент. Преобладают кости взрослых особей, но есть остатки и молодых животных, даже телят. Одновременно с костями от очень крупных особей встречаются остатки и животных мелкого размера.

Достоверно определимых фрагментов костей овцы 18, среди которых встречаются остатки как мелких, так и крупных особей, как молодых, так и взрослых животных. Костей взрослой козы — 4. Ближе не определимых костных обломков рогатого скота — 20. Остатков лошади — 13. Они представлены фрагментами костей ног, черепа и зубов взрослой особи. Имеется также 5 костных фрагментов осла. Верблюд представлен в остатках одной фалангой, крупная собака — двумя фрагментами костей.

Несмотря на незначительное число изученного остеологического материала из памятников раннего железного века и сильную его фрагментарность, он позволяет заключить, что в рассматриваемый период в указанном регионе Узбекистана существовали все виды домашних животных, но доминирующее значение имел крупный рогатый скот. Остатки мелкого рогатого скота, хоть и несколько преобладали численно, не имели главенствующего значения в экономике, так как их продуктивность в 5—6 раз ниже крупного рогатого скота. Коровы содержались различного размера — от очень крупных до мелких. Различен по размеру был и мелкий рогатый скот. На мясо забивались как взрослые и старые, так и молодые особи.

Свиноводство в эпоху раннего железа в Узбекистане, по всей видимости, было развито крайне слабо. Свиньи содержались мелкие.

Все виды домашних животных, используемые для транспортных целей — верблюд, лошадь, осел также представлены в этих памятниках.

Остатки крупных собак принадлежали, очевидно, охраняющим стада животным. Охота практически не была развита. Редкой добычей служил джейран.

Особого внимания заслуживает находка фрагментов костей скелета человека в слоях IX—VIII вв. до н. э. (Сангиртепе). Ранее разрозненные кости скелета человека были обнаружены А. С. Сагдуллаевым и Э. В. Ртвеладзе на поселениях Миршадинского и Бандыханского оазисов долины Сурхана. Все эти данные, видимо, могут быть использованы в процессе изучения особенностей погребального обряда в Северной Бактрии и Южном Согде в первой половине I тыс. до н. э.

С. В. ЛЕВУШКИНА, В. Д. РУЗАНОВ

О МЕТАЛЛЕ ДРЕВНЕБАКТРИЙСКОЙ УСАДЬБЫ КЫЗЫЛЧА 6.

Для раскопанных среднеазиатских памятников характерны обилие керамического материала и относительная скудость изделий из металла. Усадьба Кызылча 6 в этом аспекте не исключение. Немногочисленные металлические предметы, добытые здесь (всего несколько экземпляров), являются, однако, важным датирующим материалом.

Вопрос о металлообработке у племен Северной Бактрии в первой половине I тыс. до н. э. изучен слабо. Полученные результаты спектрального анализа металла из данного памятника дополняют наши знания по этой проблеме.

В коллекции из Кызылча 6 представлены орудия труда, оружие и бытовые предметы. Орудия труда — два серпа — подразделяются на два типа. Первый тип — бесчеренковый, слабо изогнутый серп с суженным к носу лезвием, овальной пяткой и отверстием для крепления. Длина серпа — 14 см, ширина — 2,2 см. Сделан из меди. Второй — черенковый, сильно изогнутый, с литой втулкой для крепления. Длина серпа — 21 см, ширина — 2,2 см. Изготовлен из железа.

К оружию относятся два наконечника стрел. Типологически они различаются между собой. Первый — крупный, относится к классу черешковых наконечников стрел. Он имеет двухлопастное перо треугольной формы и продольное ребро на

Т а б л и ц а 4

Химический состав примесей к меди в изделиях из усадьбы Кызылча 6

Предмет	Химический состав примесей, %							
	Zn	Sn	Pb	As	Sb	Ag	Ni	Bi
Серп	0,04	3,7	0,2	0,1	0,01	0,03	0,02	0,009
Черешковая стрела	0,05	0,5	0,002	0,03	—	0,002	0,004	0,001
Втульчатая стрела	0,007	0,6	0,03	0,03	0,03	0,007	0,003	0,01
Гвоздь	—	0,8	0,02	0,05	—	0,02	0,0007	0,02
Фрагмент сосуда	5,7	0,2	3,6	0,02	0,01	0,002	0,005	0,004

пере. Черешок обломан. Длина сохранившейся части — 5,2 см, ширина у основания пера — 2,2 см. Второй — втульчатый, двухлопастный, наконечник стрелы с ребром по листовидному перу и выступающей втулкой. Длина стрелы — 4,3 см, ширина пера — 1,3 см. Длина и диаметр втулки — 1,3 и 0,7 см соответственно.

Кроме того, на памятнике обнаружены гвоздь с четырехгранной, раскованной кинзу ножкой и полусферической шляпкой (длина гвоздя — 4,5 см) и фрагмент от металлического сосуда (очевидно, горловины), железные заклепки и штыри.

В коллекции из усадьбы Кызылча 6, предварительно датированной VII—IV вв. до н. э. (Сагдуллаев А. С., 1980, с. 234), имеются изделия, которые находят аналоги среди металла чустской (Заднепровский Ю. А., 1962), бургулюкской (Дуке Х., 1982) и кучукской (Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979) культур, составляющих так называемую общность культур крашеной керамики периода финальной бронзы и раннего железа. Предметы сходных форм, в частности серпы (тип I) и наконечники стрел (тип II), известны также в синхронных памятниках степных племен Хорезма (Итина М. А., 1977). Столь широкое распространение предметов указанных типов требует изучения соотношения между металлом с усадьбы Кызылча 6 и металлом отмеченных культур. К сожалению, изделия коллекций первой половины I тыс. до н. э. из приаральских памятников спектрально не изучены, что не позволяет нам провести сравнительный анализ с этими находками.

Спектральный анализ металла пяти изделий из усадьбы Кызылча 6, проведенный в Министерстве геологии УзССР, показывает, что все они изготовлены на медной основе (табл. 4). Из них фрагмент сосуда оказался сделанным из сплава меди с цинком и свинцом. Серп и гвоздь следует отнести к оловянистым бронзам. К этому же типу искусственных бронз тяготеют два наконечника стрел. По своему химическому составу кызылчинская медь неоднородна. Различия в содержании примесей сурьмы, серебра и никеля указывают на разные источники металла для этих находок. Предварительно можно выделить два рудных источ-

ника, которые характеризуются весьма сложным составом руд и невысокими содержаниями примесей.

Теперь сопоставим химико-металлургические показатели металла из Кызылча-6 и предметов с памятников крашеной керамики южной и северо-восточной областей Узбекистана. Очень сходен с кызылчинским металлом ряд предметов кучукской культуры (В лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР спектрально изучены более 70 изделий из поселения Кучук-тепе).

Для последних также характерны пониженные содержания почти всех примесей: мышьяка, никеля, висмута, серебра, свинца и цинка. Нельзя не отметить совпадений их металлургических характеристик. Так, широкое использование сплавов меди с оловом отмечается и на Кучуке, и на Кызылча 6. Вместе с тем, наряду со сходными чертами, выявлены и различия между металлом этих памятников. Они выражены наличием в коллекции из Кызылча 6 медного сплава с добавкой цинка, что не характерно для кучукского металла. Кроме того, на поселении Кучук встречаются изделия, сделанные из меди иного состава.

Помимо кучукской культуры химические аналогии металлу из усадьбы Кызылча 6 встречены в коллекции с поселения Дальверзин. Предметы со сходным кызылчинскому металлу составом встречены во второй химической группе, выделенной условно в коллекции Дальверзина. Группа изделий малочисленна (Рузанов В. Д., 1980, с. 58, рис. 2.). Появление металла с таким составом в комплексах этого памятника, очевидно, можно объяснить существованием контактов в области металлургии в первой половине I тыс. до н. э. между племенами чустской культуры и населением южных районов Узбекистана. Заметное преобладание образцов металла у последних говорит о его импорте с юга на северо-восток.

Как было отмечено выше, одно изделие — фрагмент сосуда — отлит из искусственного сплава меди с цинком и свинцом. Эта находка, как и железный серп, происходит из нижнего второго горизонта усадьбы Кызылча 6, датированного VI—V вв. до н. э. Кызылчинский образец сейчас является самой ранней находкой в Северной Бактрии среди известных предметов с данной территории, изготовленных из меди с цинковой лигатурой. Ранее медные сплавы с добавками цинка были зафиксированы только в памятниках кушанского времени (Богданова-Березовская И. В., 1966, с. 230; Левушкина С. В., 1985, с. 65, 66; Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С., 1982; Рузанов В. Д. 1986, с. 99, 100).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев А. 1983. Археологические раскопки и разведки в Пянджском районе в 1977 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 17. Душанбе: Дониш, 1983.
- Адамс Р. Изучение бронзового века Месопотамии и соседних регионов//Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986.
- Альбаум Л. И. 1969. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепе//ИМКУ. Вып. 8. Ташкент: Фан, 1969.
- Андреев М. С. 1958. Таджики долины Хуф/верховья Амударьи/Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958.
- Арешян Г. Е. 1975. Первые железные изделия Ближнего Востока//Вестник общественных наук АН АрмССР. 1975. № 12.
- Арешян Г. Е. 1975а. Железо в древней Западной Азии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975.
- Арриан. 1962. Поход Александра/Пер. М. Е. Сергеев. М.—Л.: Наука, 1962.
- Аршавская З. А. 1987. К эволюции архитектурной типологической схемы «двор с обводом из коридорообразных помещений» в Северном Тохаристане — Согде//Архитектура и строительство Узбекистана. 1987. № 4.
- Аскаров А. 1973. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.
- Аскаров А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
- Аскаров А. А. 1982. Раскопки Пшактепе на юге Узбекистана//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982.
- Аскаров А., Альбаум Л. И. 1979. Поселение Кучуктепе. Ташкент: Фан, 1979.
- Аскаров А., Аминов В. 1979. Исследования Шерабадского отряда//АО, 1978. М.: Наука, 1979.
- Аттагарьев Е., Лисицына Г. Н. 1970. Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской равнины Чатского массива.. КД. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970.
- Беляева Т. В., Хакимов З. А. 1973. Древнебактрийские памятники Миршаде//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во Гафура Гуляма, 1973.
- Бернштам А. Н. 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина»//МИА. 1950. № 14.
- Богданова-Березовская И. В. 1966. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника//Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию//МИА. № 136. М.—Л., 1966.
- Большаков О. Г. 1973. Город в конце VIII — начале XIII в.//Средневековые города Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
- Бочкарев В. С., Распопова В. И. 1971. Дискуссия о характере ремесленного производства//СА. 1971. № 4.

- Вайнберг Б. И. 1977. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении//КД. Вып. V. Ашхабад: Ылым, 1977.
- Васильева Г. П., Махова Е. И. 1961. Программа сбора материала по жилищному населению Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа//Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.—Л.: Наука, 1961.
- Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовий Сырдарьи VII—V вв. до н. э.//Тр. ХАЭ. 1973. Т. III.
- Воробьева М. Г. 1959. Керамика Хорезма античного периода//Тр. ХАЭ. 1959. Т. IV.
- Воробьева М. Г. 1970. Археологические памятники античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов//КСИА. 1970. Вып. 122.
- Воробьева М. Г. 1973. Дингильдже//Тр. ХАЭ. 1973. Вып. 9.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М.: Изд-во литературы по строительству, 1971.
- Геродот. История. В девяти книгах/Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.
- Горбунова Н. Г. 1963. Культура Ферганы в эпоху раннего железа//Археологический сборник. Вып. 5. Л.: Гос. Эрмитаж, 1963.
- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970.
- Грантовский Э. А. Бактрия и Ассирия в связи с проблемой древнебактрийского «царства»//Бактрия и Тохаристан на древнем и среднем Востоке. Тезисы докладов конференции. М.: Наука, 1983.
- Гутляев Г. 1970. Яссы-депе — новый памятник периода Яз-депе//АО. 1969. М.: Наука, 1970.
- Гуревич Л. Л. 1979. О происхождении и назначении квадратного дома Старой Нисы//Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1979.
- Давыдов А. Д. 1979. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979.
- Дандамаев М. А. 1963. Иран при первых Ахеменидах. М.: Изд. вост. лит., 1963.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г. 1980. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980.
- Дьяконов И. М. 1956. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Дьяконов И. М. 1959. Рабовладельческие имения персидских вельмож//ВДИ. 1959. № 4.
- Дьяконов И. М. 1959а. Общественный и государственный строй древнего Двуречья Шумер. М.: Изд. вост. лит., 1959.
- Дьяконов И. М. 1963. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей//ВДИ. 1963. № 1.
- Дьяконов И. М. 1968. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.//ВДИ. 1968. № 3.
- Дьяконов И. М. 1971. Восточный Иран до Кира//История иранского государства и культуры. М.: Наука, 1976.
- Дьяконов М. М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган//МИА. 1953. № 37.
- Дьяконов М. М. 1954. Сложение классового общества в Северной Бактрии//СА. 1954. XIX.
- Дьяконов М. М. 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.: Изд. вост. лит., 1961.
- Дукс Х. 1974. Пшактепе — памятник культуры Северной Бактрии//ОНУз. 1974. № 2.
- Дукс Х. 1976. К вопросу о бургулюкской культуре//ОНУз. 1976. № 8.
- Дукс Х. 1982. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент: Фан, 1982.

- Жилина А. Н. 1978. Жилище и семья у узбеков//Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978.
- Заднепровский Ю. А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. 1962. № 118.
- Запбаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. 1976. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкантепе 1//БД. Л.: Наука, 1976.
- Зеймаль Е. В. 1979. Амударьинский клад. Л.: Искусство, 1979.
- Зеймаль Т. И. 1971. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе//МКТ. Вып. 2. Душанбе: Дониш, 1971.
- История таджикского народа. Т. 1./Под ред. Гафурова Б. Г. и Литвинского Б. А. М.: Изд. вост. лит., 1963.
- Итина М. А. 1963. Поселение Якке-Парсан II//МХЭ. 1963. Вып. 6.
- Итина М. А. 1977. История степных племен Южного Приаралья//ТХАЭЭ. Вып. X. М., 1977.
- Исамидинов М. Х. 1982. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982.
- Кабанов С. К. 1966. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв.//СА. 1961. № 3.
- Кабанов С. К. 1973. Стратиграфический раскоп в северной части Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. II. Ташкент: Фан, 1973.
- Киселев С. В. 1949. Древняя история Южной Сибири//МИА. 1949. № 9.
- Кисляков Н. А. 1936. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-боло. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
- Козлов В. И. 1971. Этнос и территория//СЭ. 1971. № 6.
- Кошеленко Г. А. 1966. Культура Парфии. М.: Наука, 1966.
- Кругликова И. Т., Сариниди В. И. 1976. Пять лет работы Советско-афганской экспедиции//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
- Кузьмина Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии//САИ. 1966. Вып. В 4—9.
- Левушкина С. В. 1985. К истории применения медных сплавов в Северной Бактрии//Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Ташкент, 1985.
- Лившиц В. А. 1962. Хорезмийские документы из Топрак-калы//Научная конференция по иранской филологии. Тезисы докладов. Л., 1962.
- Лисицына Г. Н. 1965. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении//МИА. 1965. № 128.
- Лисицына Г. Н. 1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978.
- Литвинский Б. А. 1967. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии//ВДИ. 1967. № 4.
- Литвинский Б. А. 1968. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время//МКТ. Вып. 1. Душанбе: Дониш, 1968.
- Ллойд С. 1984. Археология Месопотамии/Пер. с англ. Я. В. Василькова и И. С. Ключкова. М.: Наука, 1984.
- Мартirosян А. А. 1974. Аргиштихинили. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974.
- Маньковская Л. Ю. 1980. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начала XX вв.). Ташкент: Фан, 1980.
- Марущенко А. А. 1959. Елькен-депе//Тр. ИИАЭ АН ТССР. 1959. Вып. II.
- Масимов И. С. 1986. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе//Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986.
- Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. 1959. № 73.
- Массон В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л.: Наука, 1964.
- Массон В. М. 1968. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии//История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968.
- Массон В. М. 1971. Поселение Джейтун//МИА. 1971. № 183.

- Массон В. М. 1972. Эволюция первобытных поселений Средней Азии//УСА. 1972. Вып. 1.
- Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.
- Массон В. М. 1984. Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана//Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад: Ылым, 1984.
- Массон М. Е. 1933. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах//Материалы Узкомстариса. 1933. Вып. 5.
- Мухамеджанов А. Р., Валиев П. 1977. О работе Бухарского отряда//АО. 1976. М.: Наука, 1977.
- Мончадская Е. А. 1961. О правителях Бактрии и Согдианы VI—IV веков до н. э. Т. V//Тр. Гос. Эрмитажа, 1961.
- Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д-1.
- Немцева Н. Б. 1969. Стратиграфия южной окраины Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
- Неразик Е. Е. 1976. Сельское жилище в Хорезме I—XIV вв.//ТХАЭ. 1976. Т. IX.
- Неразик Е. Е. Поселения и жилища Хорезма как источник для исследования семьи в I—XIV вв. н. э. Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978.
- Периханян А. Г. 1968. Агнатические группы в древнем Иране//ВДИ. 1968. № 3.
- Пидаев Ш., Ртвеладзе Э. В. 1978. Исследование Талашкантепе I//АО. 1977. М.: Наука, 1978.
- Пилипко В. Н. 1969. Из работ Амударьинского отряда//АО. 1968. М.: Наука, 1969.
- Пилипко В. Н. 1970. Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гярры-Кяриз//КД. Вып. III. Ашхабад: Ылым, 1970.
- Пилипко В. Н. 1979. Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударьи//КД. Вып. VIII. Ашхабад: Ылым, 1979.
- Пилипко В. Н. 1980. Парфянский слой поселения Кошадепе у Баба Дурмаза//СА. 1980. № 4.
- Пиотровский Б. Б. 1949. Разведочные раскопки на Гяур-Кале в Старом Мерве//Материалы ЮТАКЭ. 1949. Вып. I.
- Пугаченкова Г. А. 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Тр. ЮТАКЭ. 1958. Т. VI.
- Пугаченкова Г. А. 1966. Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
- Пугаченкова Г. А. 1972. Новый памятник древнебактрийской культуры//УСА. 1972. Вып. 1.
- Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии//ВДИ. 1973. № 1.
- Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
- Пугаченкова Г. А. 1978. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы//Тр. ЮТАКЭ. 1978. Т. XVI.
- Пугаченкова Г. А. 1982. К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона//Iranica Antiqua. Gent, 1982. Vol. XVII.
- Пугаченкова Г. А. 1982а. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии//КСИА, 1980. № 172.
- Пьянков И. В. 1970. Мараканды//ВДИ. 1970. № 1.
- Пьянков И. В. 1972. Древний Самарканд/Мараканда/ в известиях античных авторов. Душанбе: Дониш, 1972.
- Пьянков И. В. 1975. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Текст, перевод, примечания. Душанбе: Дониш, 1975.
- Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С. 1982. Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.: Наука, 1982.

- Ртвеладзе Э. В. 1973. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во Гафура Гуляма, 1973.
- Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. 1975. Исследование памятников Бандыхана//Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Ч. II. Киев: Наукова Думка, 1975.
- Ртвеладзе Э. В. 1976. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана//БД. Л.: Наука, 1976.
- Ртвеладзе Э. В. 1978. О численности населения кушанских населенных пунктов Северной Бактрии//История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
- Рузанов В. Д. 1980. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры//СА. 1980. № 4.
- Рузанов В. Д. 1986. О химическом составе металла Северной Бактрии//Тезисы докладов советско-французского colloquium «Городская среда и культура Бактрии — Тохаристана и Согда». Ташкент: Фан, 1986.
- Рузанов В. Д. О появлении древнейшего железа в памятниках Средней Азии//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент: Фан, 1983.
- Сагдуллаев А. С. 1977. Раскопки древнеземледельческих памятников в Северной Бактрии//АО. 1976. М.: Наука, 1977.
- Сагдуллаев А. С., Хакимов З. А. 1978. Работы Миршадинского отряда//АО. 1977. М.: Наука, 1978.
- Сагдуллаев А. С. 1978а. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1978.
- Сагдуллаев А. С. 1978б. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау//История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
- Сагдуллаев А. С. 1979. Древнесогдийские памятники//АО. 1978. М.: Наука, 1979.
- Сагдуллаев А. С. 1980. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6//СА. 1980. № 2.
- Сагдуллаев А. С. 1981. Архитектура древнебактрийских усадеб//Строительство и архитектура Узбекистана. 1981. № 6.
- Сагдуллаев А. С. 1982. Заметки о раннем железном веке Средней Азии//СА. 1982. № 2.
- Сагдуллаев А. С. 1984. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи//СА. 1984. № 3.
- Сагдуллаев А. С. 1984а. Особенности расселения племен в долине Сурхана в эпоху раннего железа//ОНУз. 1984. № 6.
- Сагдуллаев А., Хакимов З. 1976. Археологическое изучение городища Кызылтепе//БД. Л.: Наука, 1976.
- Сарианиди В. И. 1965. Памятники позднего энеолита юго-восточный Туркмении//САИ. 1965. Вып. Б 3—8. Ч. IV.
- Сарианиди В. И. 1972а. Раскопки 1970 г. на Улугдепе//УСА. 1970. Вып. 1.
- Сарианиди В. И. 1972б. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане//КСИА. 1972. Вып. 132.
- Сарианиди В. И. 1972в. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М.: Наука, 1972.
- Сарианиди В. И. 1974. Бактрия в эпоху бронзы//СА. 1974. № 4.
- Сарианиди В. И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
- Сарианиди В. И. 1978. Древнейшие топоры Афганистана//СА. 1978. № 2.
- Сарианиди В. И. 1984. Раскопки монументальных зданий на Дашлы 3//Древняя Бактрия. М.: Наука, 1984. Вып. 2.
- Сарианиди В. И. 1986. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н. э.//СА. 1986. № 2.
- Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А. 1986. Средняя Азия в раннем железном веке. Северная Бактрия//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР, М.: Наука, 1985.
- Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. 1983. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.

- Смирнов К. В. 1961. Вооружение савроматов. МИА. 1961. № 101.
- Спришевский В. И. 1957. Чустское поселение (из раскопок 1954 г.)//КСИИМК. 1957. Вып. 69.
- Струве В. В. 1949. Восстание в Маргиане при Дарин I//Материалы ЮТАКЭ. 1949. Вып. 1.
- Таджики Каратегина и Дарваза/Под редакцией Кислякова Н. А. и Писарчик А. К. Вып. 1. Душанбе: Дониш, 1966.
- Тереножкин А. И. 1950. Согд и Чач//КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII.
- Толстов С. П. 1948. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
- Толстов С. П. 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.//ТХЭ. 1958. П.
- Толстов С. П. 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд. вост. лит., 1962.
- Усманова З. И. 1969. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк Калы//Тр. ЮТАКЭ. 1969. Т. XIV.
- Усманова З. И., Филанович М. И., 1979. Археологические комплексы Эрк Калы и Гяур Калы — основа периодизации городской культуры античного Мерва//Тезисы докладов конференции. «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент: Фан, 1979.
- Филанович М. И. 1969. К характеристике древнего поселения на Афрасиабе//Афрасиаб. Вып. I. Ташкент: Фан, 1969.
- Файрсервис В. 1986. К вопросу о происхождении хараппской цивилизации//Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986.
- Фрай Р. 1978. Наследие Ирана/Перевод Лившица В. А. и Зеймаль Е. В. М.: Наука, 1978.
- Хазанов А. М. 1975. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества//Первобытное общество. М.: Наука, 1975.
- Хинц В. 1977. Государство Элам/Пер. с нем. П. П. Шохиной. М.: Наука, 1977.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. 1982. Народы, расы, культуры. 2-ое изд. М.: Наука, 1982.
- Черников С. С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 88.
- Ширинов Т. 1986. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья. Ташкент: Фан, 1986.
- Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошеленко Г. А. 1985. Согд//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1986.
- Щетенко А. Я. 1969. Раскопки Тайчанак-депе и Намазга-депе//АО. 1968. М.: Наука, 1969.
- Щетенко А. Я. 1970. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы//КД. Ашхабад: Ёлым, 1970.
- Юсифов Ю. Б. 1961. Термины для рабов в Индии, Эламе и Персии середины I тысячелетия до н. э.//ВДИ. 1961. № 4.
- Юсифов Ю. Б. 1968. Элам. Социально-экономическая история. М.: Наука, 1968.
- Янковская Н. Б. 1959. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках//ВДИ. 1959. № 1.
- Berhard P. 1982. An Ancient Greek City in Central Asia//Scientific American. 1982. Vol. 246. N 1.
- Casai J. M. 1961. Fouilles de Mundigak//Memoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. T. XVIII. V. II. Paris, 1961.
- Cattenat A., Gardin J. C. 1976. Diffusion comparée de quelques genres, de poterie caractéristiques de L'époque Achéménide sur le plateau Iranien et en Asia Centrale//Le plateau Iranien et l'Asia Centrale des origines a la congvete islamique. Paris. 1976.
- Francfort H.-P. 1981. The late periods of Shortughai and the problem of the Bishkent Culture (Middle and late Bronze Age in Bactria)//South Asian Archaeology. 1979. Berlin, 1981.

- Gardin J.-C. 1957. Céramiques de Bactres//Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. T. XV. Paris, 1957.
- Chirshman R. 1954. Village perse—achéménide//Mémoires de la Mission archéologique en Iran. T. XXXVI. Paris, 1957.
- Chirshman R. 1959. Recherches préhistoriques dans la partie Afghane du Seistan//Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan' T. XVIII. Paris, 1959.
- Gardin J.-C., Lyonnet B. 1978—1979. La prospection archéologique de la Bactriane Orientale (1974—1978): Premiers résultats// Mesopotamia. 1978—1979. T. XIII—XIV.
- Pumpelly R. 1908. Explorations in Turkestan. V. 1. Qashington, 1908.
- Renfrew C. 1984. Approaches social archeology, Edinburgh, 1984.
- Schlumberger D. 1957. La Délégation archéologique a' Bactres (1947)//Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. T. XV. Paris, 1957.
- Tosi M., Wardak R. 1972. The Fullol Hoard: a new find from Bronze Age Afghanistan//East and West. 1972. Vol. 22.
- Calamitore M., Filippakis S. E., Yones R. E., Kassal D. 1984. X-ray and Spektrographic Analyses of Terracotta Figurines from Myrina an Attempt to Characterize Workshope//Journal of Archeological Science. 1984. V. 11. P. 103—117.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
БД — Бактрийские древности
ВДИ — Вестник древней истории
ИИАЭ АН ТССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
КД — Каракумские древности
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКТ — Материальная культура Таджикистана
МХЭ — Материалы Хорезмской археологической экспедиции
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ТХЭ — Труды Хорезмской археологической экспедиции
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция

ИЛЛЮСТРАЦИИ

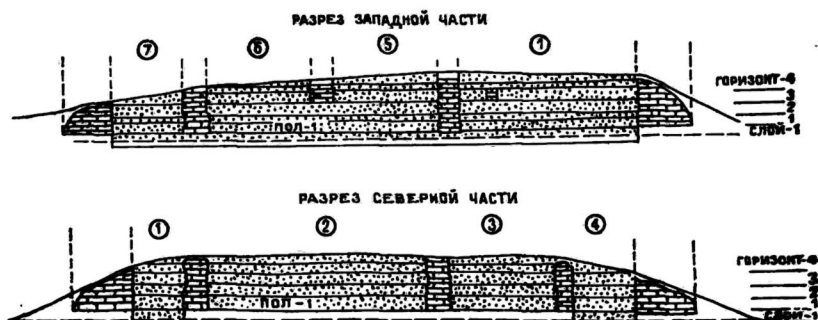

Рис. 1. План Миршадинского оазиса эпохи раннего железа.

1—11—усадьбы Кызылча; 12—13—Буйраитене 2 и 1; 14—Кызылтепе; / / / /—земля древнего орошения; — — — ирригационная сеть.

Рис. 2. Разрез западной и северной частей хозяйственно-жилого комплекса Кызылча 6 (раскопки 1976 г.).

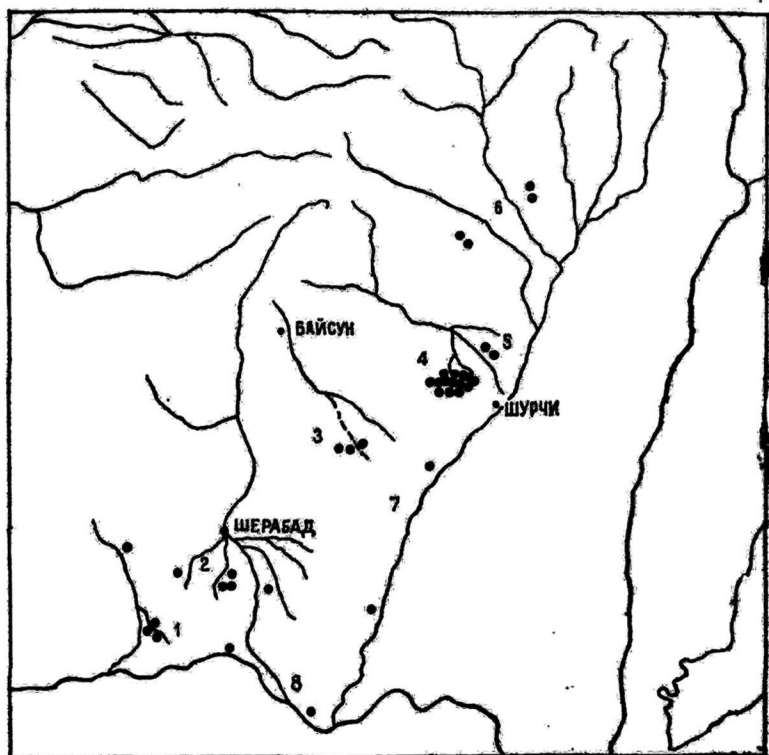

Рис. 3. Районирование поселений раннежелезного века в долине Сурхана:

1—Уланбулаксайский оазис; 2—Шерабадский; 3—Бандыханский; 4—Миршадинский; 5—Халкаджарский; 6—Сангардак-Тупалангский; 7—Среднесурханский; 8—Приамударьинский.

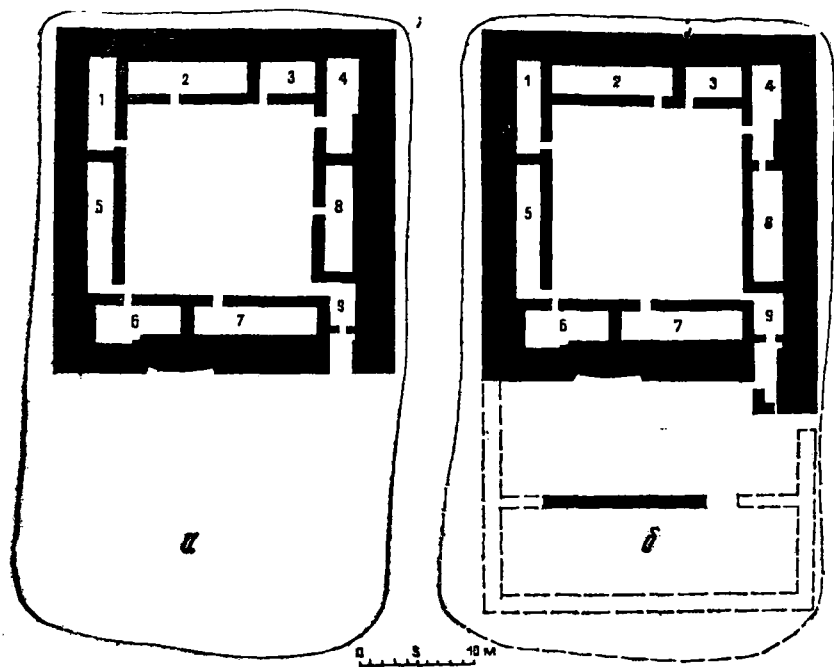

Рис. 4. Застройка строительных горизонтов:
a—горизонт I; *b*—горизонт II

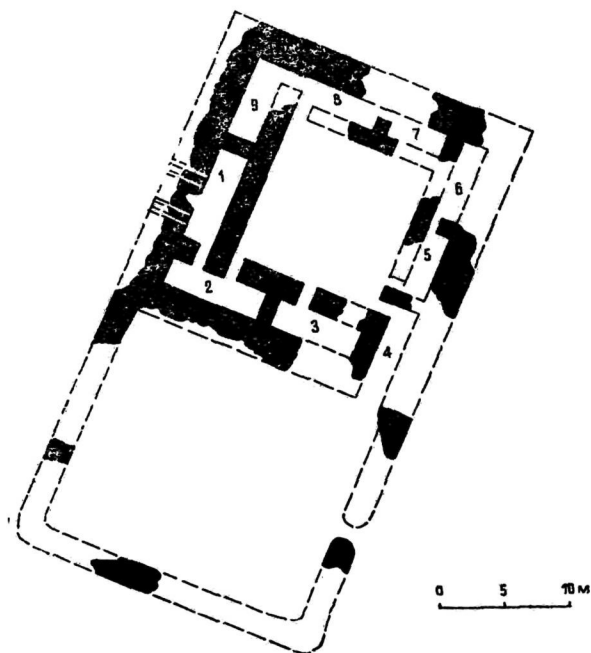
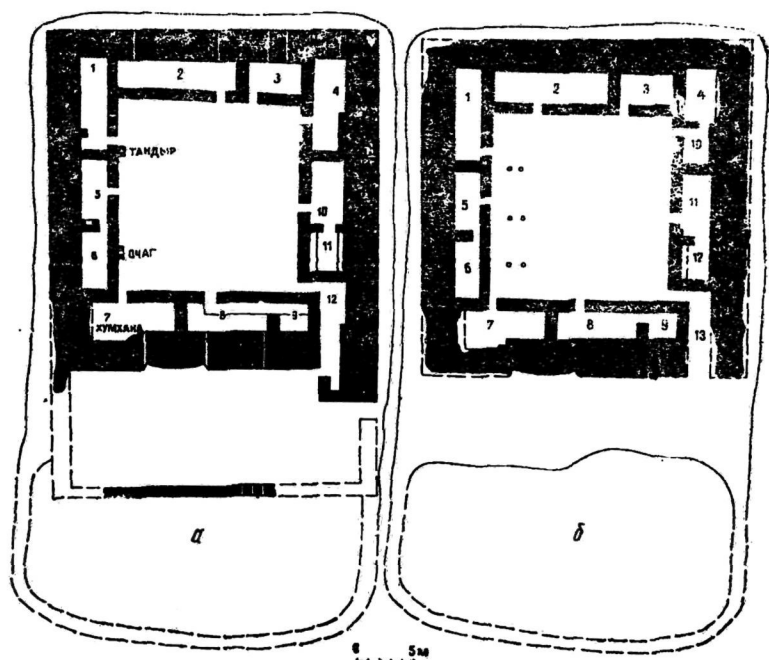

Рис. 5. План горизонтов: а — горизонт III; б — горизонт IV.

Рис. 6. План усадьбы Кызылча I.

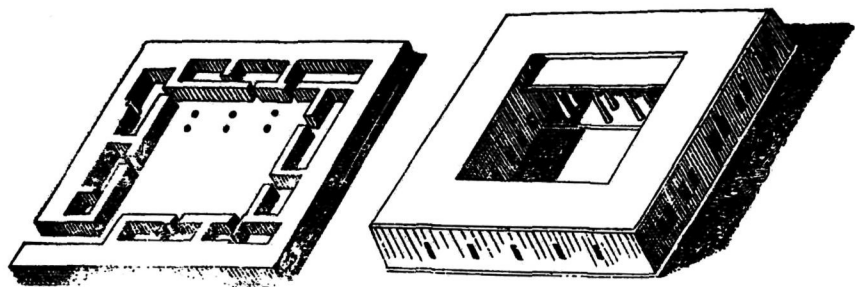
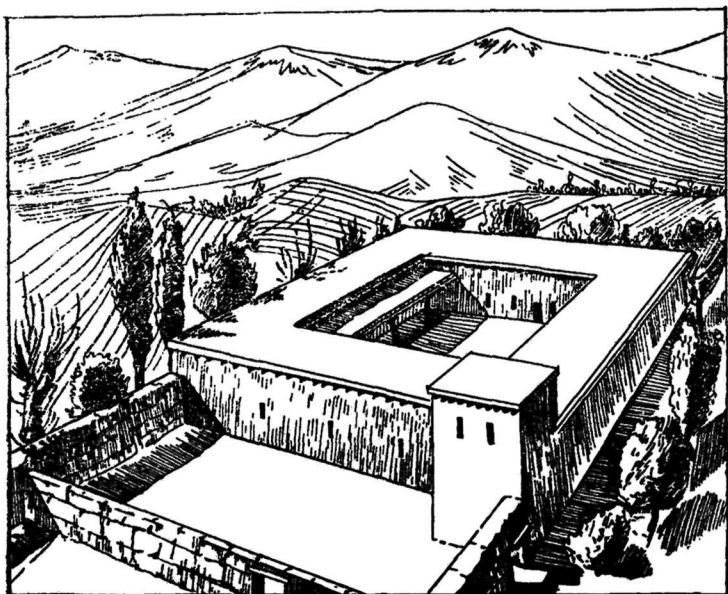

Рис. 7. Қызылча 6. Реконструкция по плану СГ II (автор Г. А. Пугаченкова).

Рис. 8. Аксонометрия и реконструкция Қызылча 6 по плану СГ IV.

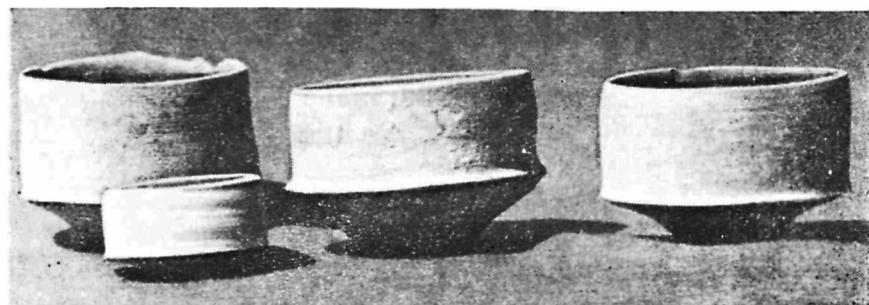
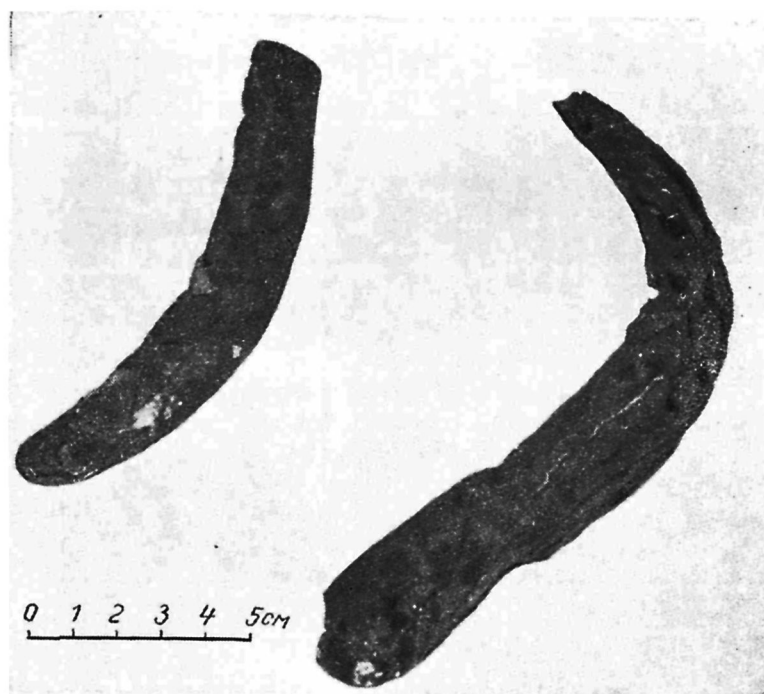

Рис. 9. Бронзовый и железный серпы.

Рис. 10. Керамика типа Кызыл III.

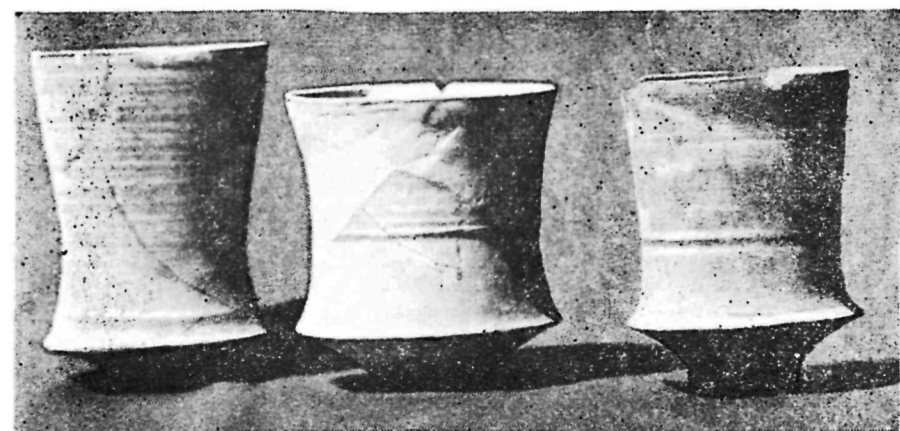
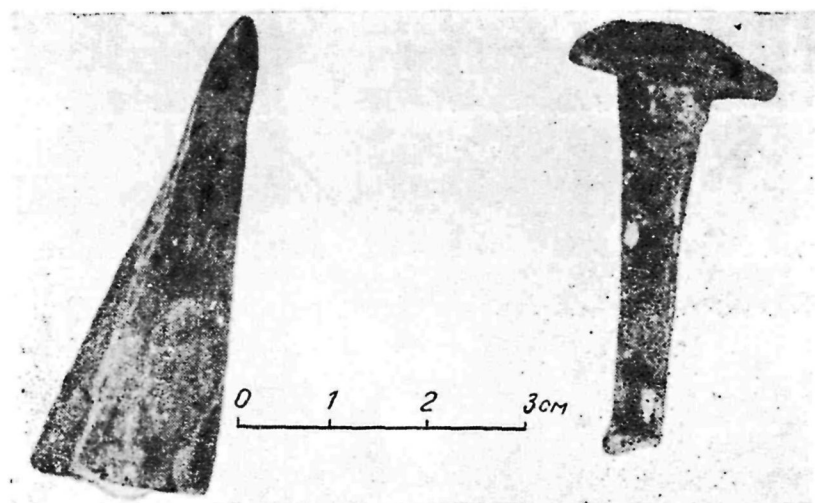

Рис. 11 Изделия из бронзы.

Рис. 12. Керамика типа Кызыл III.

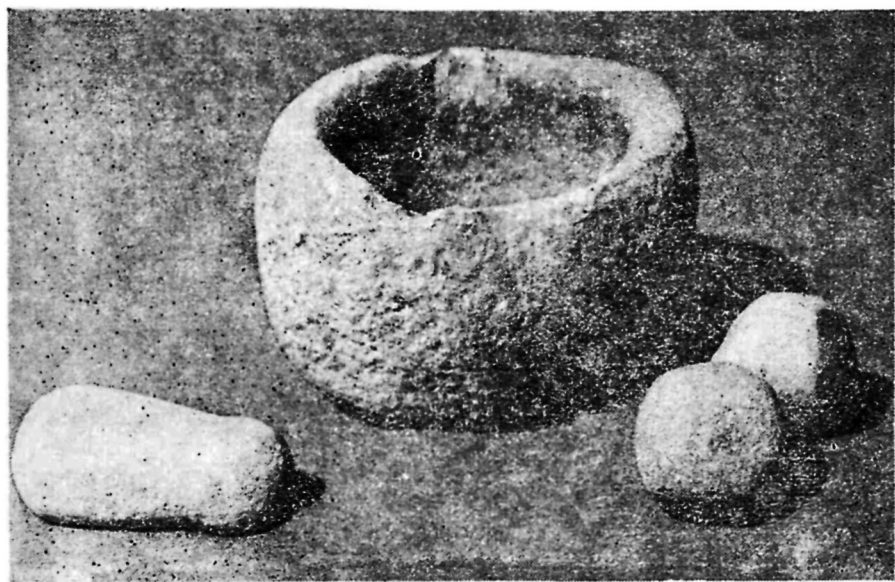

Рис. 13. Изображение змеи на керамике.

Рис. 14. Каменные орудия.

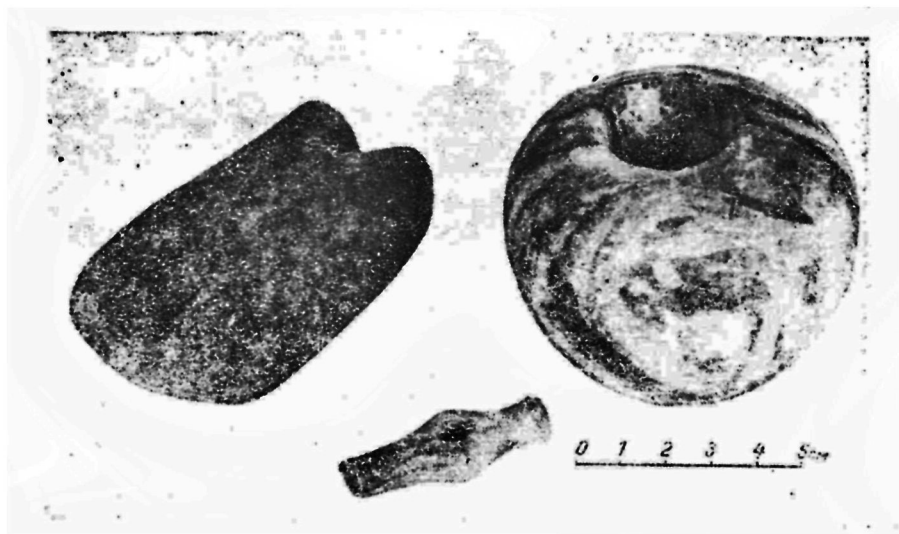
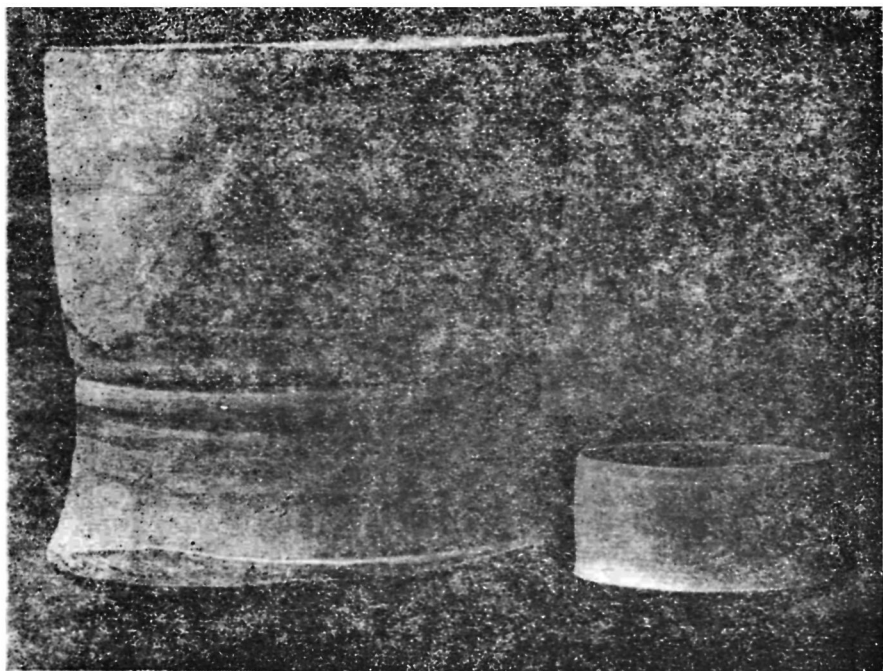

Рис. 15. Керамика типа Кызыл III.

Рис. 16. Керамическая модель топора-молотка, каменная булава и топор.

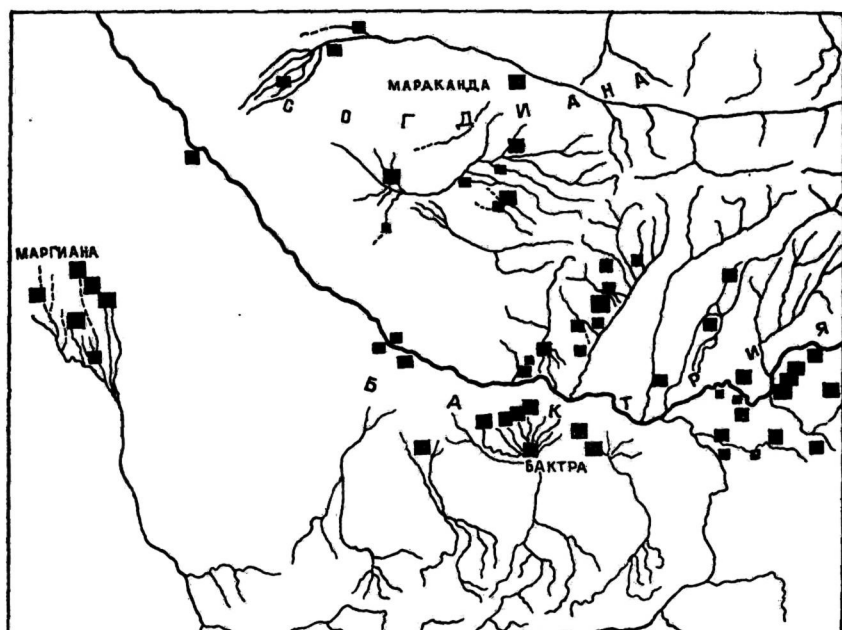
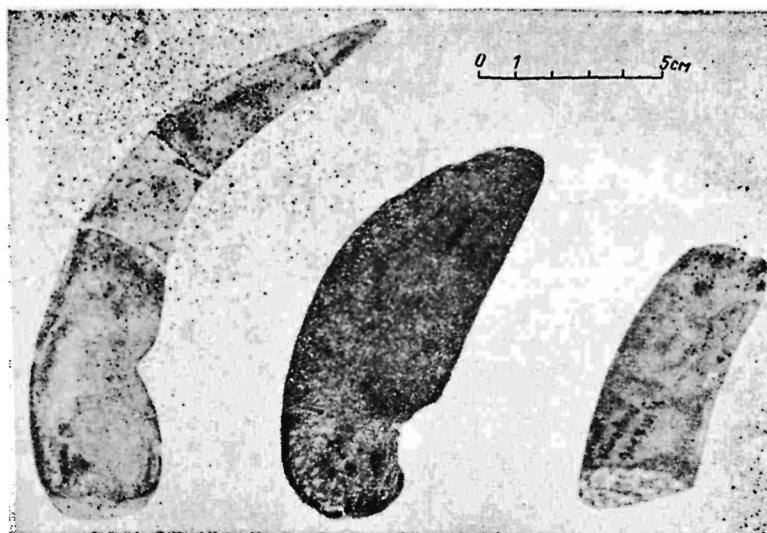

Рис. 17. Каменные ножи и серп.

Рис. 18. Границы оседлого расселения в Бактрии, Маргиане и Согде в VI—IV вв. до н. э.

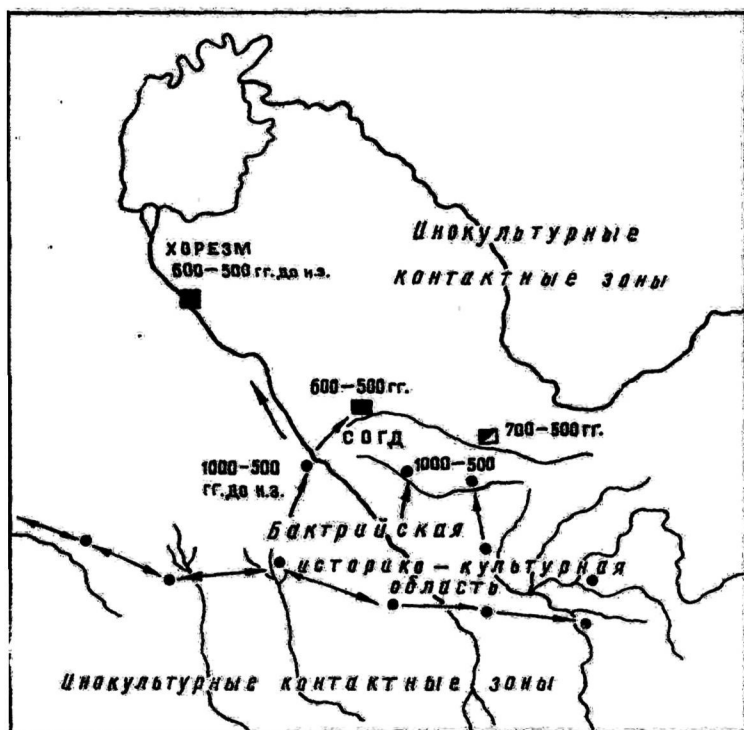

Рис. 19. Схема поэтапного внедрения традиций бактрийской историко-культурной области.

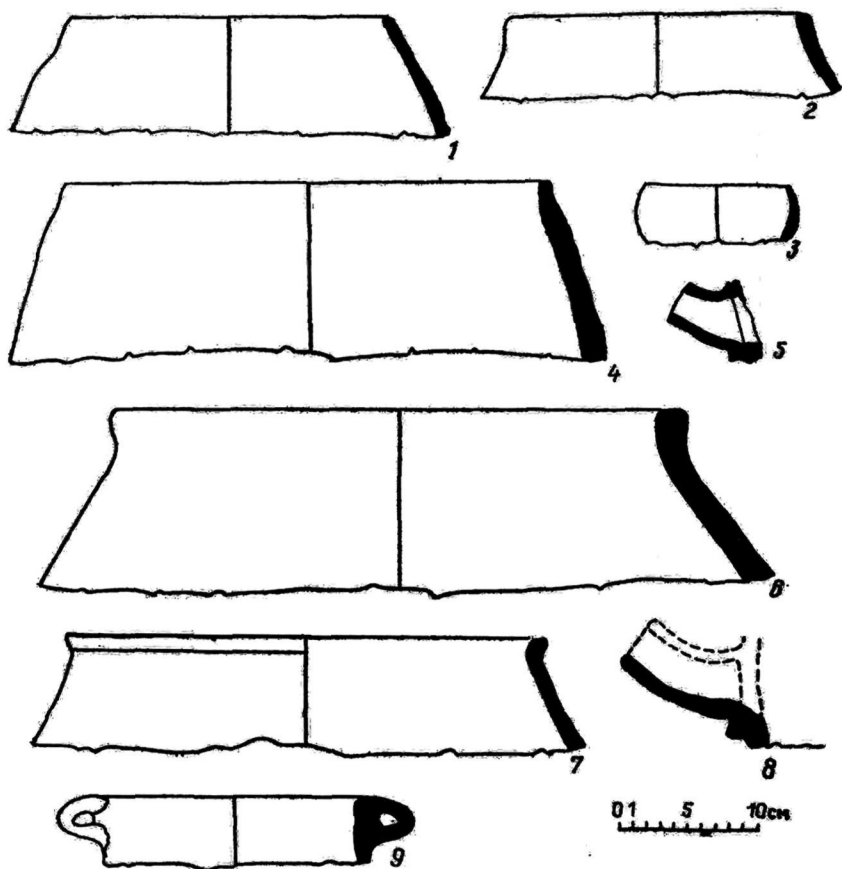

Рис. 20. Қызылча. 6. Қерамика типа Қызыл І.

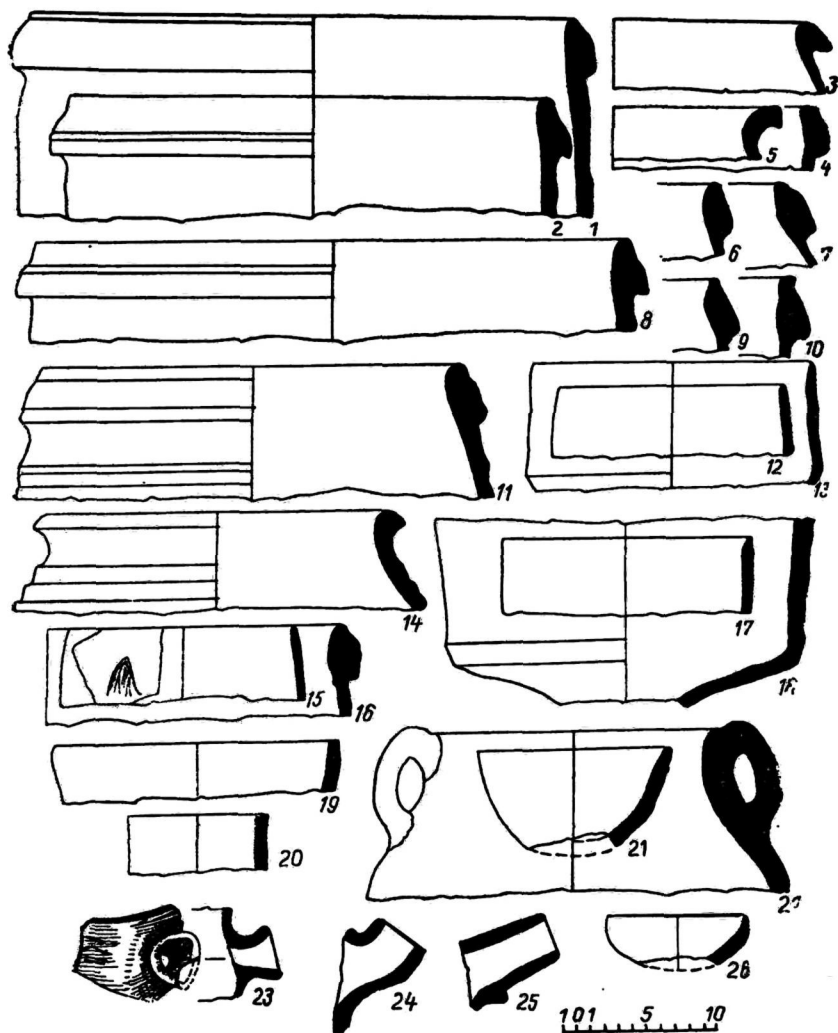

Рис. 21. Кызылча 6. Керамика типа Кызыл II.

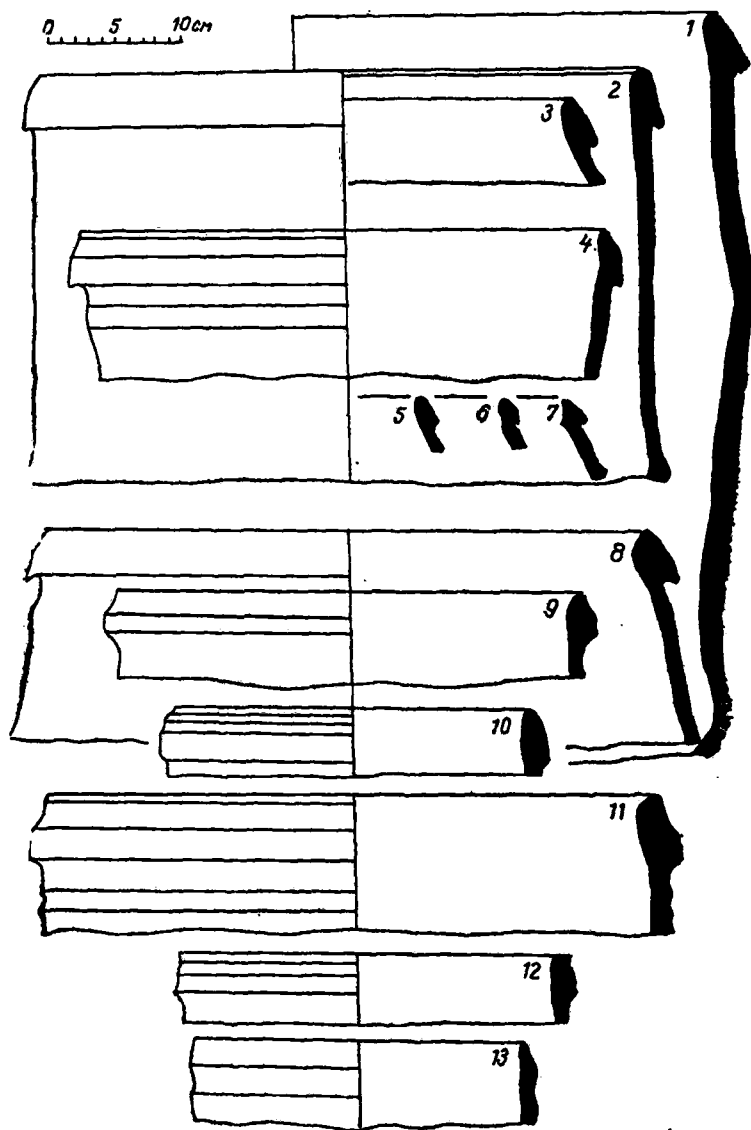

Рис. 22. Кызылтепе. Керамика типа Кызыл II.

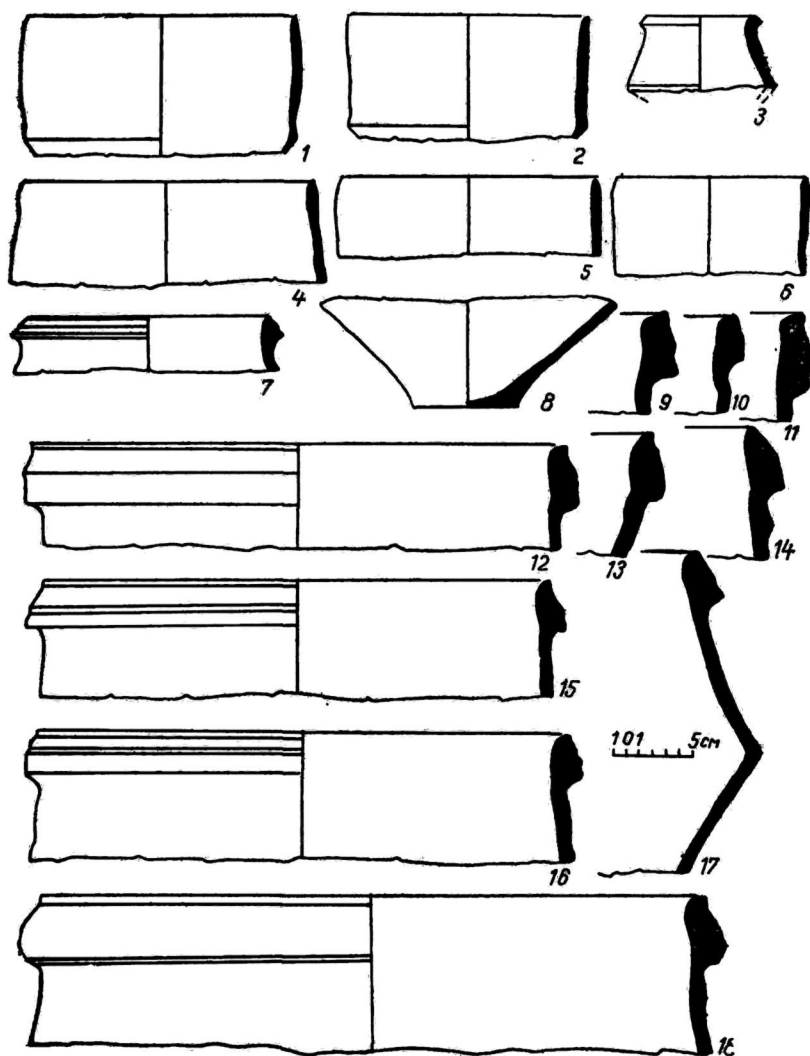

Рис. 23. Керамика типа Кызыл II—III.

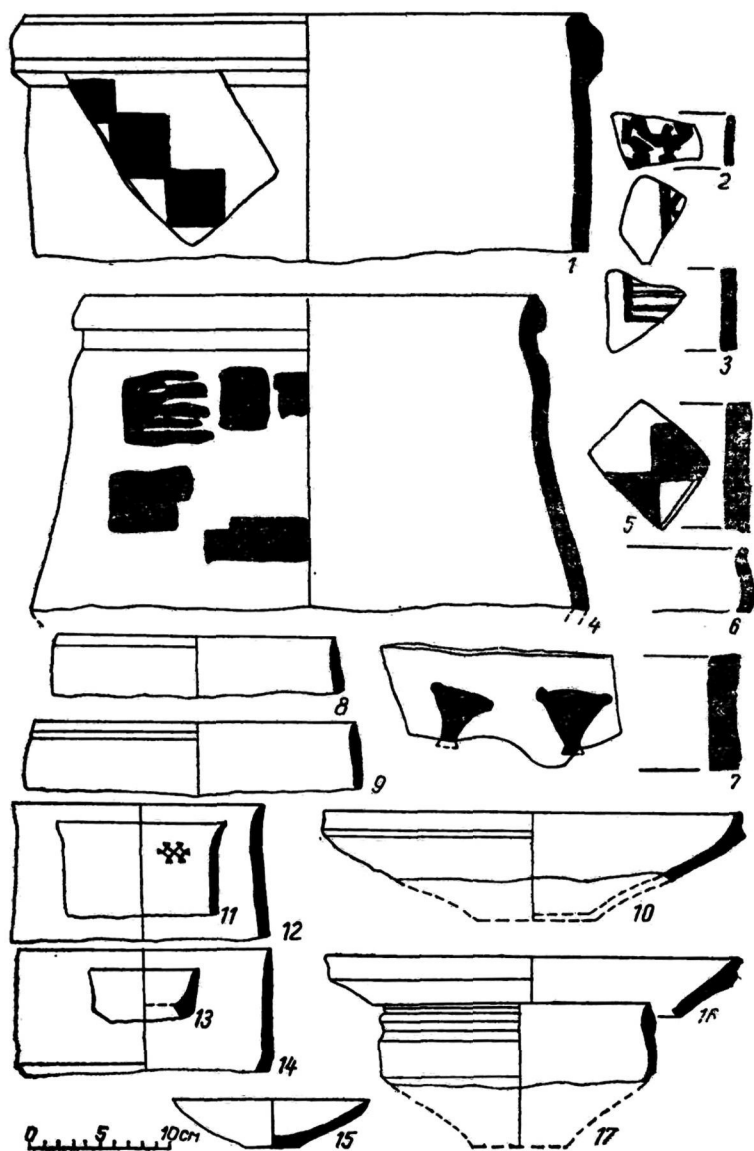

Рис. 24. Кызылтепе. Керамика типа Кызыл II.

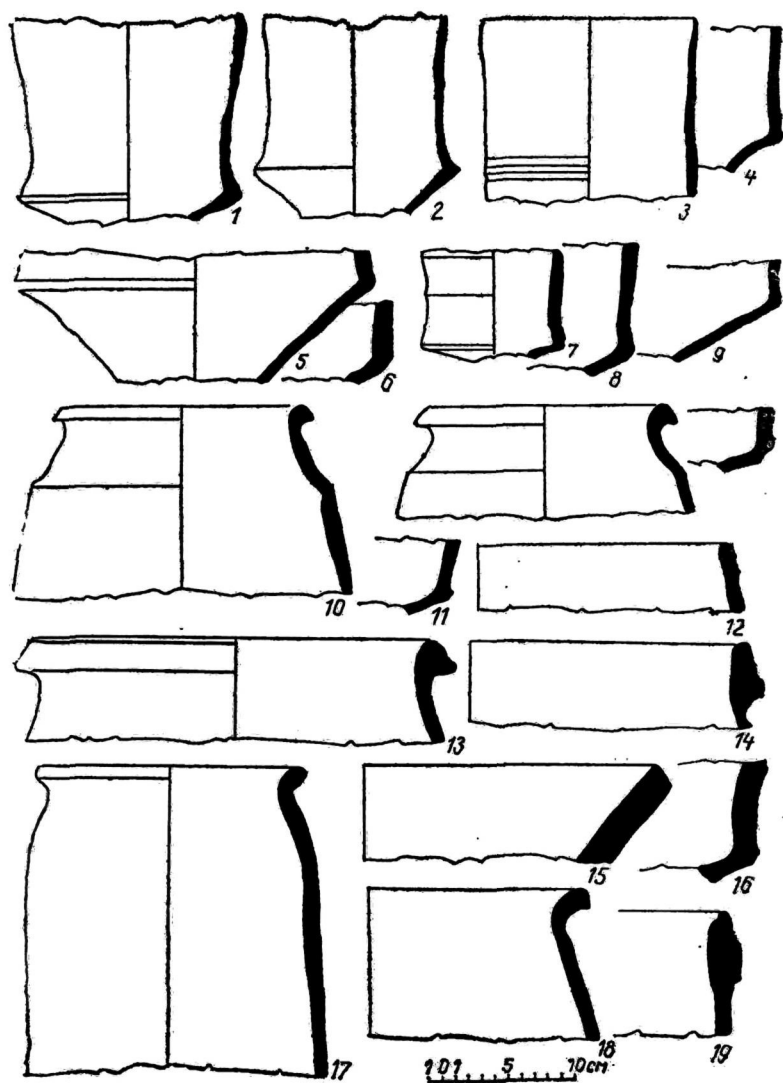

Рис. 25. Кызылча. Керамика типа Кызыл III.

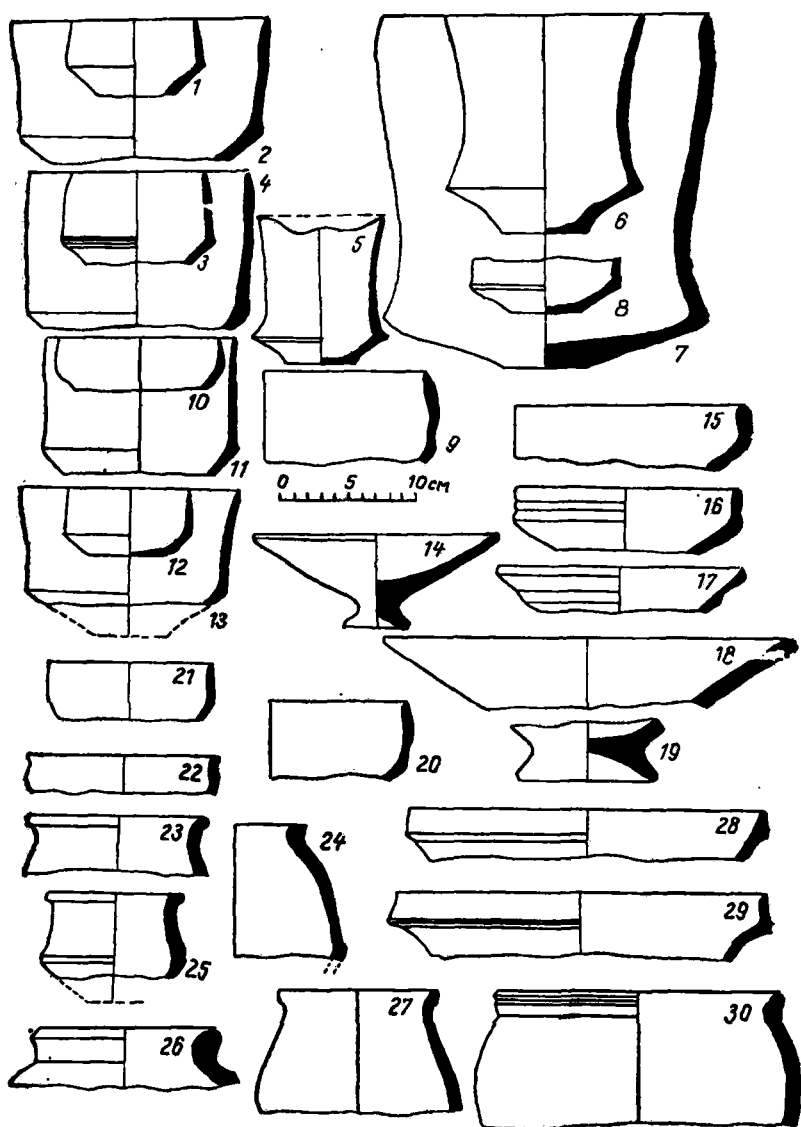

Рис. 26. Кызылтепе. Керамика типа Кызыл III.

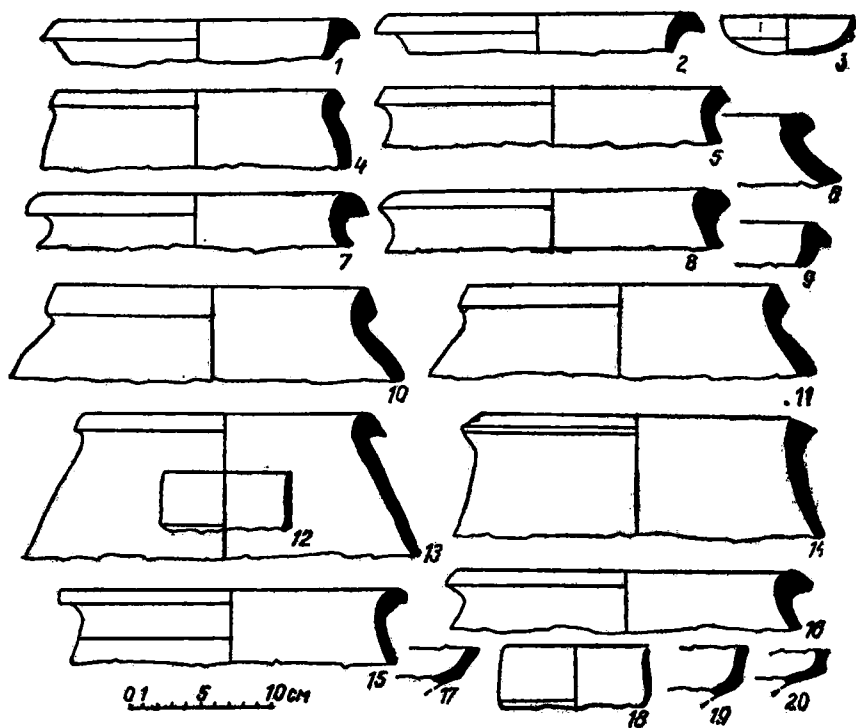

Рис. 27. Кызылча 6. Керамика типа Кызыл IV.

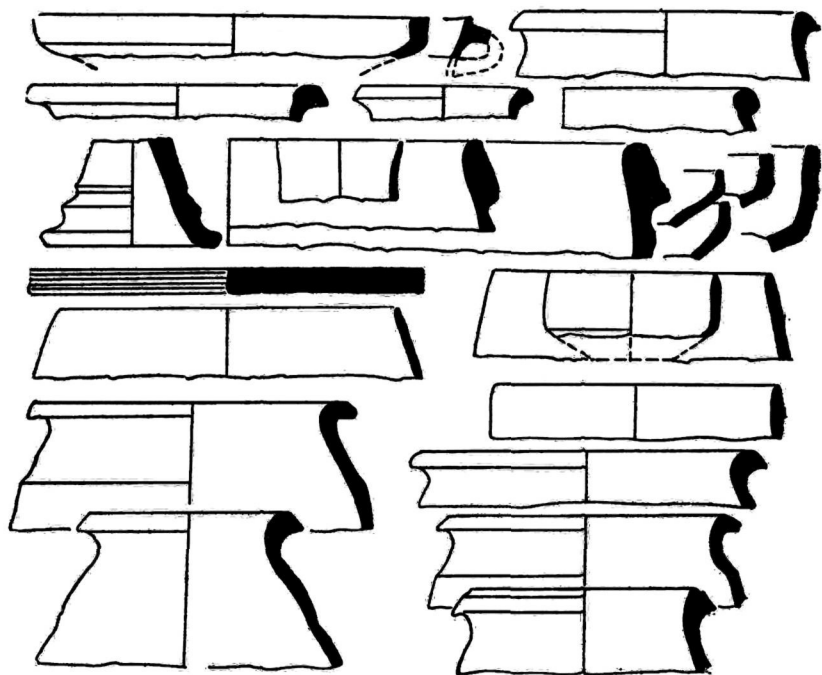

Рис. 28. Кызыл 6. Керамика типа Кызыл IV.

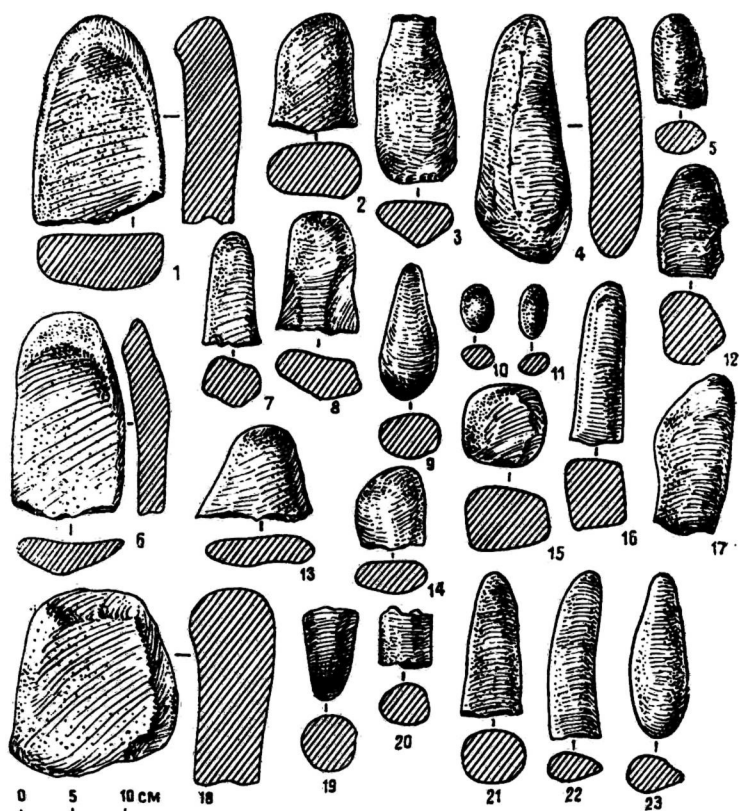

Рис. 29. Кызылча 6. Каменные орудия и заготовки.

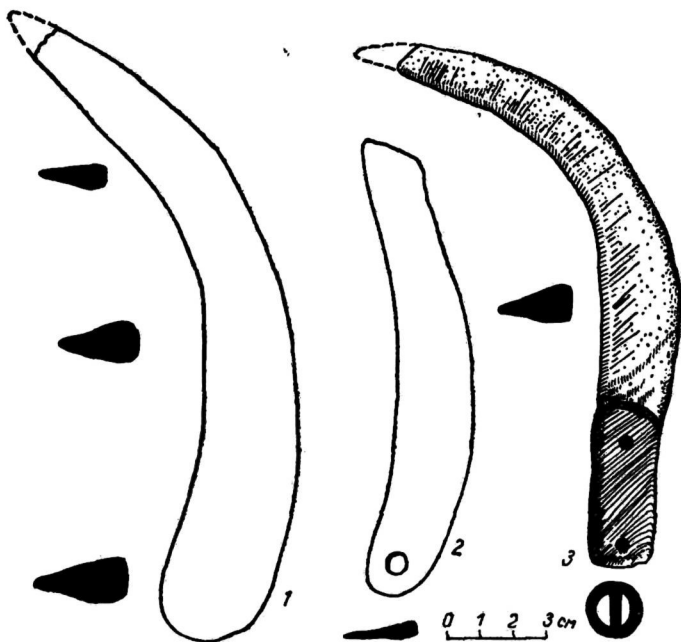
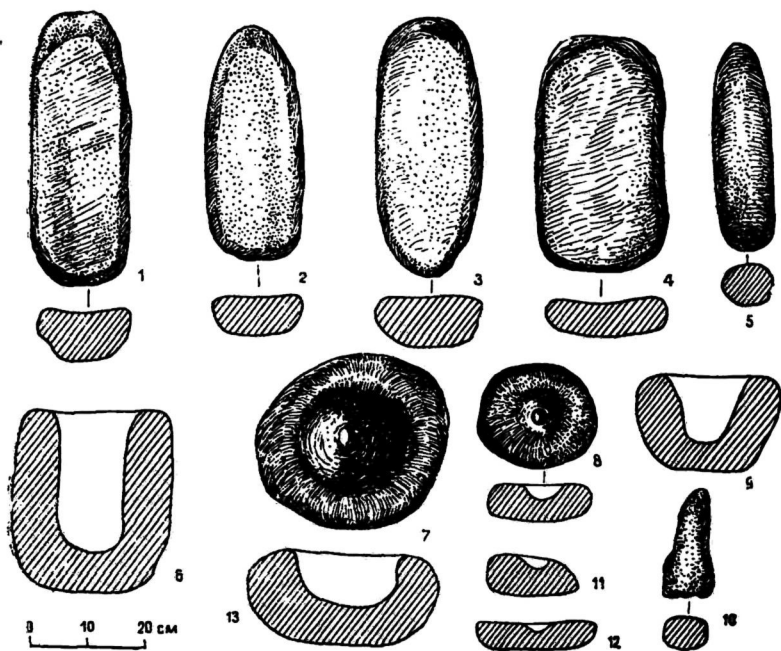

Рис. 30. Каменные орудия:

1—4—зернотерки; 6, 7, 9—ступки; 5, 10—песты; 8, 11, 12—подпятники.

Рис. 31. Серпы из камня, бронзы и железа.

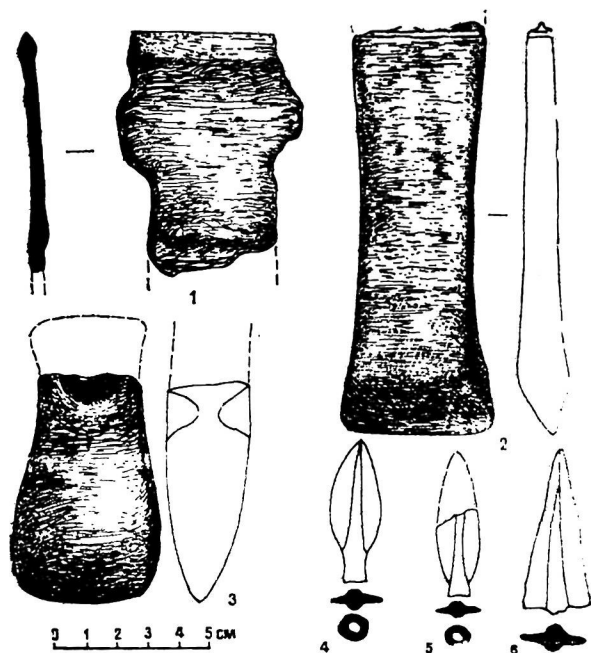

Рис. 32. Изделия из камня и бронзы:

1—фрагмент сосуда из бронзы; 2—3—каменные топоры; 4—6—бронзовые наконечники стрел.

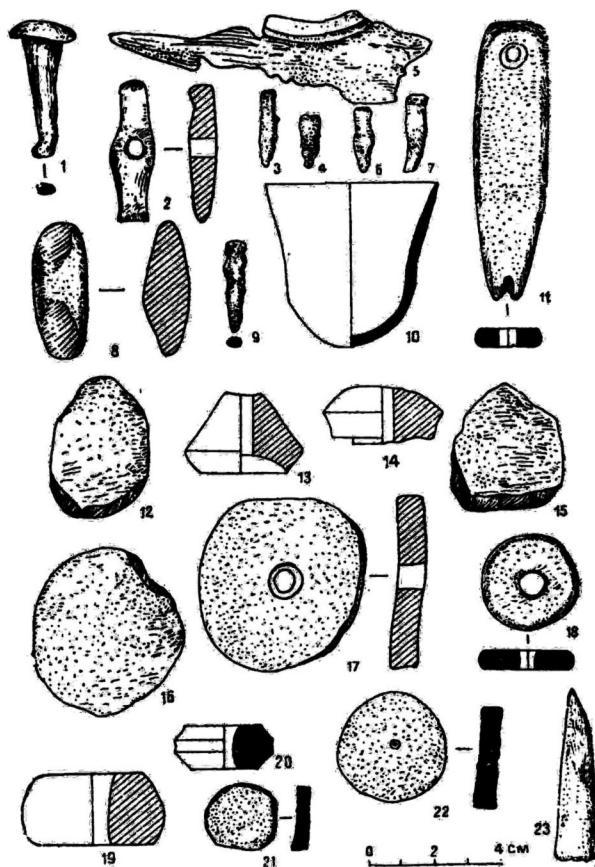

Рис. 33. Мелкие изделия (металл, камень, керамика).

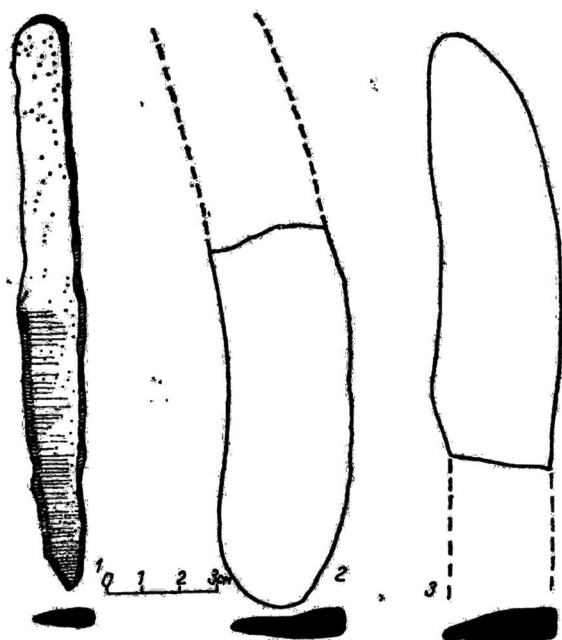

Рис. 34. Ножи из железа (1) и камня (2, 3).

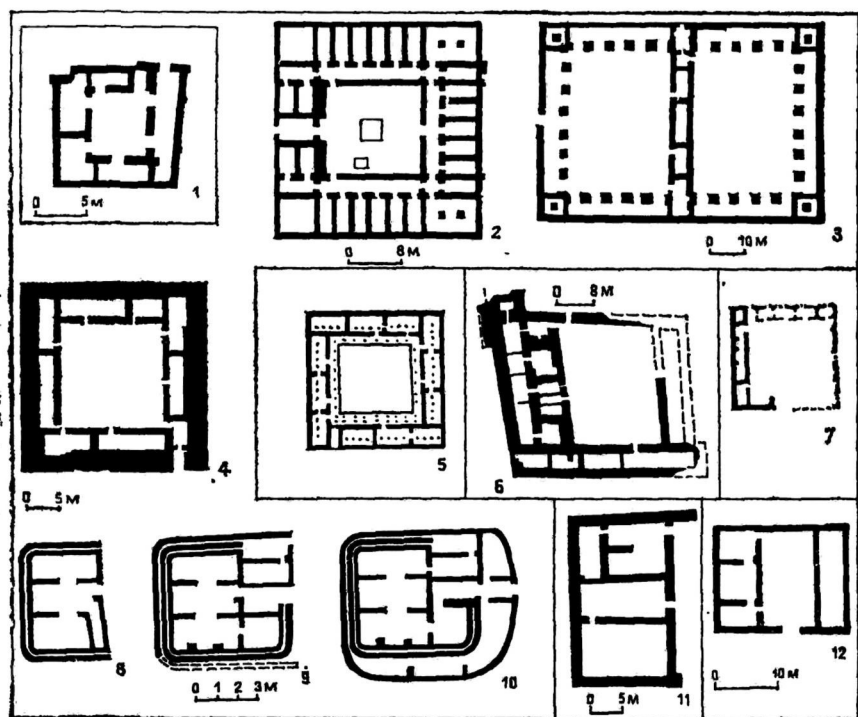

Рис. 35. Сводный план архитектурных объектов:

1—жилой дом эпохи бронзы, Двуречье; 2, 3 — Алтын; 10, 11—Южная Бактрия; 4—Кызылча 6, Северная Бактрия; 5, 6—Квадратный дом и Кошадепе, Северная Парфия; 7—раннесредневековая усадьба, Хорезм; 8, 10—Кучуктепе, Северная Бактрия; 11 — западная половина Дингильдже, Хорезм; 12—жилой дом VII в. до н. э., Закавказье.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Архитектура	12
Строительные материалы и конструкции	20
Инвентарь	26
Хронология	35
Архитектурная типология	43
Историко-культурная интерпретация	54
Заключение	87
Приложения	91
Список использованной литературы	103
Список сокращений	110
Иллюстрации	111

А. С. Сагдуллаев

УСАДЬБЫ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

*Утверждено Ученым советом Ташкентского ордена Трудового
Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина,
Научным советом Министерства высшего и среднего специального
образования Узбекской ССР*

Редактор *И. С. Водовозова*
Художник *Г. Н. Просвилов*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*
Корректор *Ф. М. Касимова*

ИБ № 4160

Сдано в набор 25.08.87. Подписано к печати 25.11.87. Р14725. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 1000. Заказ 192. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

УСАДЬБЫ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

В работе впервые в археологической литературе Средней Азии рассматривается на широком фоне генезис поселений Бактрии раннежелезного века и ставится вопрос об их композиционно-планировочных типах. Впервые для юга Узбекистана рассматриваются и строительные материалы, техника и конструкции раннежелезного века.

